

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»

Главный редактор

В. В. Киреев, доктор юридических наук, доцент

Ответственный секретарь

В. В. Денисович, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Й. Иерасек, кандидат юридических наук, Университет им. Палацкого в г. Оломоуце (Оломоуц, Чешская Республика)

Д. Ю. Гончаров, доктор юридических наук, профессор, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия)

С. Л. Дегтярев, доктор юридических наук, профессор, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург, Россия)

С. Н. Жаров, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

В. В. Киреев, доктор юридических наук, доцент, директор Института права, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

В. А. Лебедев, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (Москва, Россия)

В. И. Крусс, доктор юридических наук, профессор, Тверской государственный университет (Тверь, Россия)

В. И. Майоров, доктор юридических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Р. А. Сабитов, доктор юридических наук, профессор, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

М. Н. Семьякин, доктор юридических наук, профессор, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург, Россия)

С. Г. Соловьев, доктор юридических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия)

А. Б. Сергеев, доктор юридических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Р. И. Байгутлин, кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

О. Г. Зенина, кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

А. В. Майоров, кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Н. Н. Неровная, кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. В. Киреев, доктор юридических наук, доцент (Челябинск, Россия)

С. Н. Жаров, доктор исторических наук, профессор (Челябинск, Россия)

В. И. Крусс, доктор юридических наук, профессор (Тверь, Россия)

В. А. Лебедев, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

В. И. Майоров, доктор юридических наук, профессор (Тюмень, Россия)

А. Б. Сергеев, доктор юридических наук, профессор (Челябинск, Россия)

Р. И. Байгутлин, кандидат юридических наук, доцент (Челябинск, Россия)

Р. В. Винникова, кандидат юридических наук, доцент (Челябинск, Россия)

В. В. Денисович, кандидат юридических наук (Челябинск, Россия)

О. Г. Зенина, кандидат юридических наук, доцент (Челябинск, Россия)

Н. Н. Неровная, кандидат юридических наук, доцент (Челябинск, Россия)

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129, каб. 403
Телефон +7(351) 799-71-47
e-mail: law@csu.ru

Адрес для писем:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129,
Институт права, редакция
журнала «Вестник Челябинского
государственного университета.
Серия: Право»

Редакция журнала может
не разделять точку зрения
авторов публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-58994

Корректор Е. С. Меньшенина
Верстка Е. С. Меньшениной

Подписано в печать 31.12.20.
Выход в свет 31.12.2020
Формат 60×84 ¼. Бумага офсетная.
Гарнитура Peterburg.
Усл. печ. л. 9,3.
Уч.-изд. л. 8,0.
Тираж 500 экз. Заказ 524.
Цена свободная

12+

Отпечатано:
Издательство
Челябинского государственного
университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

BULLETIN

OF CHELYABINSK STATE UNIVERSITY.

SERIES: LAW

ISSN 2618-8236

ACADEMIC PERIODICAL

Founded in 2016

2020

Volum 5, issue 3

The journal is published four times per year

FOUNDER

Chelyabinsk State University

Editor-in-chief

V.V. Kireev, doctor of jurisprudence, associate professor

Executive secretary

V.V. Denisovich, candidate of jurisprudence

EDITORIAL COUNCIL

Yi. Iyerasek, candidate of jurisprudence, Palacky University in Olomouc (Olomouc, Czech Republic)

D.Yu. Goncharov, doctor of jurisprudence, professor, Ural State Law Academy (Yekaterinburg, Russia)

S.A. Degtyarev, doctor of jurisprudence, Ural State Law Academy (Yekaterinburg, Russia)

S.N. Zharov, doctor of history, professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

V.V. Kireev, doctor of jurisprudence, associate professor, director of Institute for Law of Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

V.V. Lebedev, doctor of jurisprudence, professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

V.I. Cruss, doctor of jurisprudence, professor, Tver State University (Tver, Russia)

V.I. Mayorov, doctor of jurisprudence, professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia)

R.A. Sabitov, doctor of jurisprudence, professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). Retired Colonel

M.N. Semyakin, doctor of jurisprudence, Ural State Law Academy (Yekaterinburg, Russia)

A.B. Sergeev, doctor of jurisprudence, professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

S.G. Solov'yev, doctor of jurisprudence, professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

R.I. Baygutlin, candidate of jurisprudence, associate professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia)

O.G. Zenina, candidate of jurisprudence, associate professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

A.V. Mayorov, candidate of jurisprudence, docent, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

N.N. Nerovnaya, candidate of jurisprudence, associate professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

V.V. Kireev, doctor of jurisprudence, associate professor (Chelyabinsk, Russia)

S.N. Zharov, doctor of history, professor (Chelyabinsk, Russia)

V.I. Cruss, doctor of jurisprudence, professor (Tver, Russia)

V.V. Lebedev, doctor of jurisprudence, professor (Moscow, Russia)

V.I. Mayorov, doctor of jurisprudence, professor (Tyumen, Russia)

A.B. Sergeev, doctor of jurisprudence, professor (Chelyabinsk, Russia)

R.I. Baygutlin, candidate of jurisprudence, associate professor (Chelyabinsk, Russia)

R.V. Vinnikova, candidate of jurisprudence, associate professor (Chelyabinsk, Russia)

V.V. Denisovich, candidate of jurisprudence (Chelyabinsk, Russia)

O.G. Zenina, candidate of jurisprudence, associate professor (Chelyabinsk, Russia)

N.N. Nerovnaya, candidate of jurisprudence, associate professor (Chelyabinsk, Russia)

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
of. 403, 129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia
Telephone +7(351) 799-71-47
e-mail: law@csu.ru

Postal address:
Institute for Law,
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia
Editorial Bound
"Bulletin of Chelyabinsk
State University. Series: Law"

The editorial board may not share
authors' point of view.

Authors are responsible for the content
of their articles and quality
of translation

Academic periodical is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate III № ФС77-58994

Proofreader Ye.S. Menshenina
Imposition Ye.S. Menshenina

Passed for printing 31.12.20.
Date of publication 31.12.20.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Peterburg.

Conventional print. sh. 9,3.
Ac.-publ. sh. 8,0.
Circulation 500 copies. Order 524.
Open price

12+

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Mologvardejtsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>А. Л. Бредихин, С. Е. Байкеева.</i> Исследование проблем систематизации законодательства в трудах М. В. Шимановского.....	5
<i>С. Н. Жаров, А. Я. Неверов.</i> Правовое государство и гражданское общество: взаимодействие или противостояние?.....	11
<i>И. В. Стариков.</i> Органы правосудия Белой государственности на Востоке России в годы Гражданской войны (1918–1922).....	18
<i>А. А. Суханова.</i> К вопросу об объеме и содержании понятия «жертва»: обзор теоретических позиций виктимологической науки.....	26

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>В. С. Яковлева.</i> Некоторые вопросы определения категории «общие долги» супругов	32
---	----

ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

<i>С. С. Арсентьева.</i> Ограничить применение меры пресечения в виде заключения под стражу под силу законодателю	36
<i>В. Е. Горюнов.</i> Формирование понимания сущности коррупции и ее проявлений	40
<i>А. В. Кудряшов.</i> Мошенничество при купле-продаже автомобиля или иного транспортного средства.....	50
<i>В. С. Полковникова, Г. А. Шкапров.</i> Специфика противоправной деятельности несовершеннолетних, действующих в составе организованных групп	53
<i>В. В. Денисович.</i> Уголовно-правовые и административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье	61
<i>В. В. Денисович, М. С. Гайдай.</i> Меры по противодействию домашнему насилию: уголовно-правовой и виктимологический аспекты.....	66

Трибуна молодого ученого

<i>Н. В. Чарыкова.</i> Односторонний отказ заказчика от договора подряда	71
<i>О. О. Дрозденко, М. Г. Янин.</i> Проблемы реализации права на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений в судебном порядке в уголовном судопроизводстве	76

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

<i>A.L. Bredikhin, S.E. Baykeeva.</i> Research of problems of systematization of legislation in the works of M.V. Shimanovsky	5
<i>S.N. Zharov, A.Ya. Neverov.</i> Legal state and civil society: interaction or confrontation?	11
<i>I.V. Starikov.</i> Justice bodies of the White state in the East of Russia during the Civil war (1918–1922)	18
<i>A.A. Sukhanova.</i> To the question about the volume and the content of the concept «victim»: a review of the theoretical positions of victimological science	26

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

<i>V.S. Yakovleva.</i> Certain issues in determining the category of common debts of spouses	32
--	----

PROBLEMS OF STRENGTHENING LEGALITY AND LAW-ENFORCEMENT

<i>S.S. Arsentieva.</i> Limit the use of preventive measures in the form of detention in force of the legislator	36
<i>V.E. Goryunov.</i> Formation of understanding of essence of corruption and its displays	40
<i>A.V. Kudryashov.</i> Fraud in sale of a car or other vehicle	50
<i>V.S. Polkovnikova, G.A. Shkaprov.</i> The specifics of the illegal activities of juveniles operating in organized groups	53
<i>V.V. Denisovich.</i> Criminal and legal aspects of countering domestic violence	61
<i>V.V. Denisovich, M.S. Gaidai.</i> Measures to combat domestic violence: criminal and victimological aspects	66

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

<i>N.V. Charykova.</i> Customer's unilateral refusal to contract	71
<i>O.O. Drozdenko, M.G. Yanin.</i> Problems with the exercise of the right to appeal procedural actions (inaction) and decisions in court in criminal proceedings	76

**Исследование проблем систематизации законодательства
в трудах М. В. Шимановского****А. Л. Бредихин, С. Е. Байкеева***Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия*

Статья посвящена научным взглядам видного ученого-правоведа М. В. Шимановского и его исследованию проблем систематизации законодательства, в частности оценке Свода законов Российской империи. Исследователи также отмечают огромный вклад М. В. Шимановского в развитие отечественной правовой науки и значимость его научного наследия для отечественной юриспруденции.

Ключевые слова: *М. В. Шимановский, систематизация законодательства, Свод Законов Российской империи, М. М. Сперанский, юридическое образование.*

Современная юридическая наука стала преемницей советской школы правоведения, которая зачастую не принимала научное наследие досоветского периода. Современное государство и право требует переосмысления многих вопросов и обуславливает необходимость обращения к науке периода Российской империи и трудам видных ученых-юристов того времени. Одним из наиболее значимых ученых-правоведов, но не получивших большую известность в настоящее время, является Митрофан Васильевич Шимановский.

Он родился в 1845 г. в Одессе, где окончил гимназию. В 1862 г. поступил в Ришельевский лицей, который был образован согласно утвержденному 2 мая 1817 г. Уставу на базе Одесского благородного института [1, с. 72]. Ришельевский лицей был вторым по дате создания после образования Царскосельского лицея. Свое название он получил в честь одесского градоначальника с 1803 г. герцога А. Э. Ришелье, который, обладая блестящими управленческими способностями «совершенно преобразил этот город, превратив его из ничтожного приморского местечка в богатый и цветущий центр промышленной, торговой и духовной жизни Юга России» [6, с. 108].

В этих условиях становление и развитие лицея проходило весьма успешно. Он представлял собой среднее учебное заведение, которое по своему устройству и учебной программе было близко к университетам. Так, к примеру, окончившие его ученики имели возможность после четырехлетней практики в должности надзирателя при лицее быть назначенными на должности

адъюнктов при профессорах. Неудивительно, что там обучались дети дворян, среди которых были представители дворянских родов Орловых, Голицыных, Нарышкиных, Волконских и др. [2]. Преподавательский состав лицея составляли видные ученые своего времени. В разные годы там вели занятия выдающиеся ученые: химик Д. И. Менделеев, историк С. В. Ежевский, языковед В. В. Григорьев, математики Г. П. Виард и В. В. Петровский [2]. Стараниями преподавателей, чьи курсы наук были очень интересны, он решил заняться юриспруденцией и в 1863 г. М. В. Шимановский перевелся из Ришельевского лицея на обучение на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Митрофан Васильевич после окончания учебного заведения состоял на государственной службе в Министерстве юстиции, позже работал в Курской палате уголовного и гражданского суда и являлся членом Одесского окружного суда. С 1866 г. по 1871 г. являлся членом Казанской палаты уголовного и гражданского суда [7, с. 813]. В 1870 г. в Казанском университете защитил магистерскую диссертацию «О судебнике царя и великого князя Иоанна Васильевича Грозного» [12].

После окончания этого учебного заведения М. В. Шимановский работал там на преподавательских должностях, читал лекционные курсы. В это время целью его научной деятельности стали исследования в области гражданского права и процесса. Среди его трудов той поры можно выделить «Юридические и практические заметки по гражданскому праву и судопроизводству»

1872 г., «О задаточных расписках и заочном решении по новым законам» 1878 г. К началу 1880-х гг. он занимался вопросами юридического образования в России. Итогом этой работы стало издание в 1882 г. научного труда «Исторический очерк образования и развития юридических обществ в России».

Несколько позже его стали привлекать вопросы систематизации законодательства. Так, в 1882 г. он подготовил труды «О проекте гражданского уложения» и «Систематический указатель русской литературы по русскому гражданскому праву», в 1889 г. составил обзор «О значении Свода Законов Российской империи для науки и жизни». Особое значение для развития юридической науки и образования он видел в систематизации законодательства. Будучи юристом, он понимал, что только систематизация законодательства обеспечит точное и полное исполнение законов в государстве. И, наоборот, ее отсутствие или фрагментарность, зачастую, приводит к возникновению правовых коллизий и пробелов в праве.

Он понимал, что необходимость систематизации законодательства — проблема каждого государства, возникающая на определенном историческом этапе, так как в процессе государственного управления принимается множество нормативных актов, зачастую находящихся в противоречии, поэтому необходимо упорядочить нормативные акты и привести их в определенную систему. Целью систематизации является достижение удобства пользования нормативными актами, а так же устранение пробелов и коллизий правовых норм. Особое значение в решении проблемы систематизации законодательства в России он придавал Своду законов Российской империи, при этом высоко оценивая роль М. М. Сперанского, как его «творца».

Проблема систематизации законодательства на момент создания известнейшего Свода законов Российской Империи 1832 года не являлась революционной. Попытки систематизации предпринимались отечественным законодателем намного ранее. Так, еще в 1700 г. был издан указ «О заседании в Государевых Палатах Боярам для учинения свода Уложения, и всех указов после того состоявшихся». Указ предписывал боярам изучив содержание уже принятых нормативных актов — Уложенной книги, именных указов и новоуказных статей, принятых после вступления в силу Соборного уложения 1649 г., создать новое уложение, которое бы содержало нормы, не вошедшие в Уложение. При этом, Петр I повелевал оказать полное содействие в организации процесса систематизации: «изъ приказовъ взять подъячихъ добрыхъ изъ стархъ и изъ молодыхъ <...> къ дѣлу Уложенья надобно и бумаги и свѣчей и чернилъ». В 1720 году

самодержец вновь обратился к проблеме систематизации. Так, в Именном указе от 29 апреля 1720 года «О разделении указов на временные и ко всегдашнему наблюдению издаваемые и о напечатании сих последних» он повелевает: «Указы все за Нашею подписью разбирать на двое: которые временные въ особливую книгу, а которые въ постановление какого дѣла, тѣ припечатывать, а именно: что надлежит до Коллегіи, то въ регламентъ Коллегіи, а что къ уставу или артикуламъ...въ регламентъ». В последствии предпринималось еще немало попыток осуществить систематизацию российского законодательства, но ни одна из них не закончилась принятием какого-либо полноценного документа. По мнению А. В. Чистякова, уже седьмая по счету комиссия была распущена в 1774 г., так и не выработав принципиально нового нормативного акта, а «все попытки кодификации права в России терпели неудачу» [10, с. 48]. Это обстоятельство объясняется, прежде всего, тем, что развитие юридической техники законодателя находилось на начальном этапе становления. Член ряда комиссий по разработке законодательства, действительный статский советник П. М. Майков вспоминал, что «...в силу недостаточного развития техники и практики создания кодифицированных актов, ряда политических проблем эти проекты не получили силу законов...» [4, с. 236].

Оценивая развитие законодательства во второй четверти XIX в., необходимо подчеркнуть, что проблема систематизации законодательства в этот период чрезвычайно обострилась и стала во главу угла среди первоочередных задач правовой политики Российской империи. Решение этой интересной и перспективной проблемы было поручено М. М. Сперанскому, под непосредственным руководством которого началось создание Свода законов Российской Империи, который с середины 1830-х гг. и до 1917 г. В будущем, Свод законов «являлся официальным носителем информации о действующем в стране общероссийском законодательстве» [5, с. 122].

Именно личные качества М. М. Сперанского, этого блестящего государственного мужа позволили, по мнению, М. В. Шимановского, создать этот самый сложный юридический труд. Только энергия такого человека, как Сперанский, пишет Шимановский, могла дать такие блестящие результаты. Он сам составлял объяснительные записки, указывал начала и систему, по которым свод должен был составляться, он даже заранее указывал в какой постепенности нужно вести работу, он определял и время работы [11, с. 2].

М. М. Сперанский считал, что основной задачей создания Свода законов является создание стройной системы нормативно правовых актов для удобства их использования в правопримени-

тельной и законотворческой деятельности. Он отмечал, что «Свод есть соединение законов, существующих по какой-либо части, расположенное в известном порядке. Порядок сей бывает или хронологический...или азбучный...или систематический» [8, с. 435], и именно порядок расположения законов, их разумное расположение позволит не допустить путаницы при внесении изменений в законодательство.

Подготовленный под руководством М. М. Сперанского Свод законов с точки зрения его юридической силы укладывался в рамки общей концепции соотношения изданных ранее узаконений, вошедших в Полное собрание законов Российской империи. При коллизии положений изданных ранее и вошедших Полное собрание законов Российской империи узаконений и норм, изложенных в статьях свода законов Российской империи, высшую нормативную силу имели первые, для чего была использована система отсылок по регистрационным номерам и датам издания к актам, вошедшим в Полное собрание законов Российской империи. Возможно, именно поэтому, Свод законов был принят большинством юристов-практиков того времени достаточно благожелательно. Большинство ученых-правоведов того времени видели в нем важнейшее приобретение для российского законодательства.

Конечно, как и любая масштабная комплексная работа, Свод не был принят всеми правоведами одинаково положительно. По сведениям М. В. Шимановского, раздавалось не мало голосов жестко его критикующих. Так, он отмечает, что «...до сих пор еще раздаются голоса против него («Свода законов» — прим. авт.) как законодательного акта и вообще, что работа, произведенная Сперанским, была совершенно излишняя» [11, с. 8]. Некоторые современники Сперанского задавались вопросом о действительной необходимости составления свода законов, не следовало ли остановиться на составлении Полного Собрания законов Российской империи. Другие полагали, что его составление существенно затормозило составление не только отраслевых Уложений, но и изучение российского права, а также развитие науки и литературы. Третьи считали, что судебная практика стала бы катализатором выработки судебными органами определяющих положений и начал отечественного права. Однако не стоит забывать и о том, что как человек, возвысившийся на глазах у современников с изумительной быстротой благодаря своим исключительным способностям, как человек исключительной работоспособности и решительности, Сперанский не мог не иметь большого количества недоброжелателей, врагов, завистников, что и определяло негативные нападки на его деятельность. Уже после смерти М. М. Сперанского Император говорил: «Теперь все

знают, чем я, чем Россия ему обязаны и клеветники давно замолкли» [3, с. 30].

Вставая на защиту М. М. Сперанского, М. В. Шимановский заявлял, что обвинять Сперанского в том, что под его руководством был создан именно Свод законов, и он не остановился только на создании Полного Собрания законов безосновательно, поскольку он работал по поручению Императора. Более того, как человек всесторонне образованный, знаток российского и европейского законодательства, он не мог не осознавать, что неудачи предшествующих комиссий были обусловлены тем, что «...хотели сразу создать Уложение, не произведя никакой подготовительной кодификации» [9, с. 58].

Как известно, любой законодательный акт, только что введенный в действие сразу начинает требовать доработки, поскольку процесс выработки его и принятия достаточно длителен и за это время появляется необходимость его усовершенствования. Не избежал этой участи и Свод законов. Изданный в 1832 году Свод помимо того, что потребовал внесения изменений в различные его разделы, но и выявил новую проблему отечественного законодателя — а именно то, что внесение таких изменений им было не предусмотрено. М. М. Сперанский предлагал ежегодно осуществлять ревизионную работу в отношении вновь принятых законодательных актов и издавать продолжение свода, то есть новую редакцию и таким образом поддерживать точность и полноту свода. По мнению М. В. Шимановского, «...за 10 лет вышло до того много (изменений и дополнений — прим. авт.), что потребовалось новое издание свода [11, с. 8]. В 1842 г. вышло второе издание свода, а в 1876 г. — третье.

Значение свода законов Российской империи для развития юридической науки и образования России трудно переоценить. Его принятие позволило вознести юридическое образование на качественно новый уровень, дало возможность преподавателям высших юридических учебных заведений России сформировать новый понятийный аппарат юридической науки, подготовить обзоры и рекомендации в сфере различных отраслей права. М. В. Шимановский справедливо считал, что «...преподавание законов получило обновленную жизнь и с тем вместе историческая метода их изучения приобрела все должное уважение. Профессорские места в университетах были замещены молодыми людьми, изучившими, под руководством главы исторической школы законоведения, всю ее методу» [11, с. 13]. Активизация изучения источников права и его отдельных отраслей стало предпосылкой увеличения профессорского корпуса в университетах империи, где стала вводиться практика

чтения курсов истории русского законодательства, в процессе которых подробно изучались вопросы догматического подхода к каждой отрасли права с историей ее формирования. М. В. Шимановский отмечал: «...все это преподавание имело в основании своем Свод Законов и Полное Собрание, так как с изданием того и другого все предшествующее потеряло свою важность и значение» [11, с. 14]. Расширение программы преподавания юридических наук в российских университетах и образование новых направлений преподавания стало источником прилива молодых сил на юридические факультеты, а так же подготовки новых научных трудов, посвященных разработке и совершенствованию отечественного права.

Таким образом, научное наследие М. В. Шимановского представляет огромный интерес для современных исследователей. Выражаемые им идеи и оценки служат ценнейшим материалом для понимания исторических закономерностей в становлении и развитии государства и права России, а также позволяют обозначить более полную преемственность современной правовой науки от юриспруденции досоветского периода.

Его работы по проблемам систематизации законодательства и научный анализ Свода Законов Российской империи следует признать одним из наиболее компетентных исследований указанных вопросов того времени, что также оказало значительное влияние на развитие и становление русской юридической науки и образования.

Список литературы

1. Засорин, С. А. Сравнительная история лицейского образования — яркий гибрид политики и культуры / С. А. Засорин // Ценности и смыслы. — 2016. — № 4 (44). — С. 71–80.
2. История Ришельевского лицея 1817–1867 гг. URL: <http://odesskiy.com/chisto-fakti-iz-zhizni-istorii/istorija-rishelevskogo-litseja-1817-1867g.html> (дата обращения: 28.04.2020).
3. Корф, М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2 / М. А. Корф. — Санкт-Петербург : Имп. публ. б-ка, 1861. — 388 с.
4. Майков, П. М. Комиссии составления законов при императорах Павле I и Александре I / П. М. Майков // Журнал Министерства юстиции. — 1905. — № 9. — С. 236–283.
5. Налимов, С. А. Свод законов Российской империи как акт систематизации законодательства / С. А. Налимов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2006. — № 13. — С. 122–128.
6. Пискунова, Е. П. Деятельность герцога А.-Э. Де Ришелье в России / Е. П. Пискунова // Власть. — 2010. — № 10. — С. 108–110.
7. Правовая наука и юридическая идеология России : энцикл. слов. биографий. Т. 1. XI — начало XX в. / отв. ред. В. М. Сырых. Москва : Юрист, 2009. — 919 с.
8. Сперанский, М. М. Краткое историческое обозрение комиссии составления законов Предположения к окончательному составлению законов / М. М. Сперанский // Русская старина. — 1876. — № 2. — С. 433–441.
9. Сперанский, М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов: составлено из актов, хранящихся во 2-м Отделении Собственной Е. И. В. канцелярии / М. М. Сперанский. — Санкт-Петербург, 1889. — 200 с.
10. Чистяков, А. В. Первые попытки систематизации российского законодательства и создание Свода законов Российской империи / А. В. Чистяков // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 8 (93). — С. 44–53.
11. Шимановский, М. В. О значении свода законов Российской империи для науки и жизни: (речь товарища председателя М. В. Шимановского, произнесенная в торжественном заседании 11-го февраля 1889 года, посвященном памяти графа М. М. Сперанского) / М. В. Шимановский. — Одесса : Экон. тип., 1889. — 35 с.
12. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. URL: <https://my-dict.ru/dic/enciklopediya-brokgauza-i-efrona/347577-shimanovskiy-mitrofan-vasilevich/> (дата обращения: 28.08.2020).

Дата поступления: 20.09.2020

Дата принятия к опубликованию: 29.09.2020

Сведения об авторах

Бредихин Алексей Леонидович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия. axel_b@mail.ru

Байкеева Светлана Евгеньевна — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия. *baykeeva_sveta@mail.ru*

Библиографическое описание: Бредихин, А. Л. Исследование проблем систематизации законодательства в трудах М. В. Шимановского / А. Л. Бредихин, С. Е. Байкеева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 5–10.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 5–10.

Research of problems of systematization of legislation in the works of M.V. Shimanovsky

A.L. Bredikhin

*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia. axel_b@mail.ru*

S.E. Baykeeva

*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia. axel_b@mail.ru*

The article is devoted to the scientific views of the prominent legal scholar M.V. Shimanovsky and his study of the problems of systematization of legislation, in particular, the assessment of the Code of Laws of the Russian Empire. Researchers also note the enormous contribution of M.V. Shimanovsky in the development of domestic legal science and the significance of his scientific heritage for domestic jurisprudence.

Keywords: *M. V. Shimanovsky, systematization of legislation, Code of Laws of the Russian Empire, M. M. Speransky, legal education.*

References

1. Zasorin S.A. Sravnitel'naya istoriya litseyskogo obrazovaniya — yarkiy gibrid politiki i kul'tury [Comparative history of lyceum education - a bright hybrid of politics and culture]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings], 2016, no. 4 (44), pp. 71–80. (In Russ.).
2. *Istoriya Rishel'yevskogo litseya 1817–1867 gg.* [History of the Richelieu Lyceum in 1817–1867]. Available at: <http://odesskiy.com/chisto-fakti-iz-zhizni-i-istorii/istorija-rishelevskogo-litseya-1817-1867g.html>, accessed 28.04.2020.
3. Korf M.A. *Zhizn' grafa Speranskogo. T. 2* [Life of Count Speransky. Vol. 2]. St. Petersburg, Imperatorskaya. publichnaya biblioteka, 1861. 388 p. (In Russ.).
4. Maykov P.M. Komissii sostavleniya zakonov pri imperatorakh Pavle I i Aleksandre I [Commission for drafting laws under the emperors Paul I and Alexander I]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice], 1905, no. 9, pp. 236–283. (In Russ.).
5. Nalimov S.A. Svod zakonov Rossiyskoy imperii kak akt sistematzatsii zakonodatel'stva [Code of laws of the Russian Empire as an act of systematization of legislation]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University], 2006, no. 13, pp. 122–128. (In Russ.).
6. Piskunova Ye.P. Deyatel'nost' gertsoga A.-E. De Rishel'ye v Rossii [Activity of Duke A.-E. De Richelieu in Russia]. *Vlast'* [Power], 2010, no. 10, pp. 108–110. (In Russ.).
7. *Pravovaya nauka i yuridicheskaya ideologiya Rossii. Entsiklopedicheskiy slovar' biografiiy. T. 1. XI — nachalo XX v.* [Legal science and legal ideology of Russia: encyclopedia. words. biographies. Vol. 1. XI — early XX century]. Moscow, Yurist. 2009. 919 p. (In Russ.).
8. Speranskiy M.M. Kratkoye istoricheskoye obozreniye komissii sostavleniya zakonov Predpolozheniya k okonchatel'nomu sostavleniyu zakonov [Brief historical review of the commission for drawing up laws Assumptions for the final drawing up of laws]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1876, no. 2, pp. 433–441. (In Russ.).
9. Speranskiy M.M. *Obozreniye istoricheskikh svedeniy o svode zakonov: sostavleno iz aktov, khranyashchikhsya vo 2-m Otdelenii Sobstvennoj Ye. I. V. kantselyarii* [Review of historical information about the code of laws: compiled from acts stored in the 2nd Department of the Own E. I. V. Chancellery]. St. Petersburg, 1889. 200 p. (In Russ.).

10. Chistyakov A.V. Pervyye popytki sistematizatsii rossiyskogo zakonodatel'stva i sozdaniye Svoda zakonov Rossiyskoy imperii [First attempts to systematize Russian legislation and the creation of the Code of Laws of the Russian Empire]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* Actual problems of Russian law], 2018, no. 8 (93), pp. 44–53. (In Russ.).

11. Shimanovskiy M.V. *O znachenii svoda zakonov Rossiyskoy imperii dlya nauki i zhizni: (rech' tovarishcha predsedatelya M. V. Shimanovskogo, proiznesennaya v torzhestvennom zasedanii 11-go fevralya 1889 goda, posvyashchennom pamyati grafa M.M. Speranskogo)* [On the significance of the code of laws of the Russian Empire for science and life: (speech of the comrade chairman M.V. Shimanovsky, delivered at the ceremonial meeting on February 11, 1889, dedicated to the memory of Count M. M. Speransky)]. Odessa, Ekonomicheskaya tipografiya, 1889. 35 p. (In Russ.).

12. *Entsiklopediya Brokgauza i Yefrona* [Encyclopedia of Brockhaus and Efron]. Available at: <https://my-dict.ru/dic/enciklopediya-brokgauza-i-efrona/347577-shimanovskiy-mitrofan-vasilevich>, accessed 28.08.2020. (In Russ.).

Правовое государство и гражданское общество: взаимодействие или противостояние?

С. Н. Жаров¹, А. Я. Неверов²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Курганский филиал, Курган, Россия

Исследование посвящено поиску ответа на вопрос о возможности самостоятельного становления гражданского общества в современных условиях развития государственности. Авторы исследуют многочисленные теоретические подходы к пониманию и предназначению правового и демократического государства как формы функционирования гражданского общества и приходят к выводу о взаимозависимости исследуемых феноменов. Авторы ставят вопрос о возможности становления современного гражданского общества без участия государственных институтов.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, демократия, власть, право, человек.

Идеи о правовом государстве появились, пожалуй, практически одновременно с самим государством. Еще Платон, характеризуя государство, утверждал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие могут даровать государствам боги» [13].

Как ни парадоксально, но многие мысли высказанные в то время, актуальны и сейчас. Разве не злободневна мысль, высказанная в свое время Аристотелем: «Предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан» или «Там, где отсутствует власть закона, нет места и форме государственного строя» [4, с. 38 — 57]?

Рассуждая о государстве, еще один древний мыслитель, Цицерон, выводит формулу, которой также сегодня нельзя ничего противопоставить: «Под действие права должны попадать все» [24, с. 160].

В Средние века концепция правового государства получила новое развитие, но уже в тесной совокупности с идеей о «гражданском обществе». Особенно в этом преуспели такие мыслители, как Дж. Локк и Ш. Л. Монтескье [7, с. 367 — 387]. Теория разделения властей, выдвинутая и сформулированная этими философами, и сегодня находит свою реализацию практически во всех конституциях современных государств, считающих себя демократическими.

В дальнейшем данные мысли получили свое развитие в трудах И. Канта и Гегеля, значительный вклад в разработку основополагающих элементов правовой государственности в этот период внесли также Вольтер, Гельвеций, Руссо, Пейн и т. д. [7, с. 363 — 376, 506 — 526].

Идеи правового государства нашли широкое отражение и в русской политико-правовой мысли. Они излагались в трудах Д. И. Писарева, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, А. И. Радищева, П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева и других. Теоретическую завершенность русская концепция правового государства получила в произведениях видных правоведов и философов предоктябрьского периода Н. М. Коркунова, С. А. Котляревского, П. И. Новгородцева, С. А. Муромцева, В. М. Гессена, М. А. Рейснера, Г. Ф. Шершеневича, Б. Н. Чичерина, Н. А. Бердяева, Б. А. Кистяковского и др.

На современном этапе теоретические формулировки определения правового государства практически полностью совпадают с конституционным закреплением характеристики современной российской государственности.

Анализ научных исследований в области теоретического обоснования возможности реализации принципов правового государства, позволяет сделать вывод о практической внешней однотипности таких формулировок. Так, например, А. В. Мелехин выводит формулу: «Правовое государство — это демократическое государство, где обеспечивается господство права, верховенство закона, равенство всех перед законом и независимым судом, где признаются и гарантируются права и свободы человека и где в основу организации государственной власти положен принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей» [15, с. 494]. С. А. Комаров констатирует: «Правовое государство — форма осуществления народовластия, политическая организация граждан, функционирующая на основе права, инструмент защиты и обеспечения прав, свобод и обязанностей каждой личности» [9, с. 98]. В. Н. Хропанюк выводит следующее определение: «Правовое

государство — это такая форма организации и деятельности государственной власти, которая строится во взаимоотношениях с индивидами и их различными объединениями на основе норм права [23, с. 280]. А. В. Малько утверждает: «Правовое государство — это такая организация политической власти, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека, и наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений» [14]. Рассмотрим подробнее эти определения.

Во-первых, большинство исследователей приходит к выводу о том, что между понятиями «правовое» и «демократическое», существует тесная взаимосвязь [1; 2; 17; 18]. Практика показывает, что это верно лишь отчасти: Австро-Венгрия и Германия начала XX столетия — классические конституционные монархии, однако при этом обеспечивавшие защищенность законных прав и свобод своих подданных гораздо полнее, чем в иных современных государствах, закрепивших свой «правовой» статус в Основных законах. Естественно, что оба понятия, правовое и демократическое государство, получили нормативное закрепление в Конституции Российской Федерации, и упоминаются там в одном контексте. Практически все нормы первой главы Основного закона нашей страны, направлены на закрепление принципов правового и демократического государства.

Анализируя определение С. А. Комарова, отметим, что набор признаков, содержащихся в нем, присутствует и в СССР, и даже в Третьем рейхе, во многом формально, но ведь присутствует! А определение В. Н. Хропанюка вообще можно отнести к любому государству, ибо это имманентное свойство государства как политической организации общества — регулировать общественные отношения с помощью права (авторы придерживаются легистической концепции государства и права).

Среди приведенных определений наиболее соответствует современной концепции правового государства определение А. В. Малько, отметившего необходимость «связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений». Обращение ряда авторов к концепции разделения властей сегодня уже не имеет такого значения, как в момент создания этой концепции, или даже в прошлом веке, ведь до сравнительно недавних пор одной из наиболее ценных составляющих статус личности была незапятнанная репутация в глазах общества. Сегодня же, когда высшим мерилom жизненного успеха стали деньги, даже разделение властей уже не обеспечивает надежной защиты прав и свобод граждан. Показателем этого являются

циничные публичные заявления чиновников от Д. А. Медведева до О. В. Гладких и Н. Ю. Соколовой, народных избранников (В. А. Ганзя, И. В. Гаффнер) или откровенная похвальба несправедливо нажитым богатством (вспомним судью Е. В. Хахалеву) [26].

Однако в последнее время как в научной среде, так и в изречениях политиков все чаще звучит мысль о формировании т. н. «гражданского общества» [2; 3; 5, 20–22]. При этом если анализировать весьма многочисленные определения самого понятия «Гражданское общество», то несмотря на их множественность и разнородность, авторы сходятся в одном: «Гражданское общество — это совокупность неполитических отношений, институтов в обществе в самых различных сферах его жизни»; «Гражданское общество — это сфера свободного развития и действия людей независимо от государства»; «Гражданское общество — это совокупность внегосударственных и внеполитических отношений, имеющих относительную самостоятельность, автономность, «застрахованность» от произвольного вмешательства государства» [12; 19; 21; 22].

Эти определения выделяют основные современные подходы к понятию гражданского общества, среди которых, с одной стороны — противопоставление государству, то есть все то, что не есть собственно государство, власть, политика, бюрократия. С другой стороны — совокупность нравственных, религиозных, национальных, социально-экономических, семейных отношений и институтов, с помощью которых удовлетворяются интересы индивидов и их групп.

Если вывести средне-обобщенное определение исследуемого концепта, то получится, что то общее: «Гражданское общество — это свободное демократическое правовое общество, ориентированное на конкретного человека, создающее атмосферу уважения к правовым традициям и законам, общегуманистическим идеалам, обеспечивающее свободу творческой и предпринимательской деятельности, создающее возможность достижения благополучия и реализации прав человека и гражданина, органично вырабатывающее механизмы ограничения и контроля за деятельностью государства».

Именно на гражданское общество современные исследователи и возлагают надежды в реализации «наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина»; формирования «сообщества свободных индивидов»; «открытого социального образования»; «сложно-структурированной плюралистической системы»; «саморазвивающейся и самоуправляемой системы», посредством которых будет сформировано «правовое демократическое общество, где связующим

фактором выступают признание, обеспечение и защита прав человека» [8, 11, 21, 22].

Таким образом, с точки зрения теории должно просматриваться единство гражданского общества и правового демократического государства, выражающееся в совпадении их многих целей и задач.

Казалось бы, правовое государство и гражданское общество преследуют одну общую цель — служить человеку, обеспечивать, защищать его права и интересы. Гражданское общество и правовое государство обеспечивают условия для самовыражения и свободы человека, его инициативы, предпринимательства.

Однако ставить знак равенства между данными понятиями нельзя. Различия гражданского общества и правового государства заключены в их структуре, в специфических функциях.

В идеале правовое государство — это организация публичной власти, обеспечивающая, обслуживающая гражданское общество, которое, в свою очередь, — это система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны способствовать реализации интересов индивидов и коллективов. Эти интересы и потребности выражаются и осуществляются через такие институты гражданского общества, как семья, церковь, системы образования, научные, профессиональные объединения, организации, ассоциации, осуществляющие свою деятельность на основе реального самоуправления. Имеются в виду объединения, созданные самим обществом, а не посредством государственных органов.

Одно из отличий правового государства от гражданского общества состоит в его способности принимать законы и другие нормативные правовые акты и возможности применять меры государственного принуждения.

Правовое государство можно считать результатом развития гражданского общества и условием его дальнейшего совершенствования.

Однако чем больше ученые углубляются в изучение данного феномена, тем яснее становится, что гражданское общество является сложнейшей социально-политической конструкцией, направленной на реализацию чаяний и надежд социума. У современных мыслителей нет единого подхода к трактовке и пониманию всей сущности данного уровня развития общества.

Так, по мнению одних исследователей, гражданское общество — это «качественно новое состояние социума, предполагающее высокий уровень самоорганизации и саморегуляции населения...» [5, с. 9]. По мнению других, это общество, в котором «найден и, как правило, поддерживается баланс государственных и частных интересов...» [6, с. 18]. Третьи под граждан-

ским обществом понимают «общество свободных и ответственных граждан, не только способных защитить свои интересы и реализовать свои потребности в частной сфере, но и сознательно управляющих делами государства и добросовестно выполняющих свой долг» [2, с. 16].

При этом, рассуждая о природе данного социального феномена, о его функциях и предназначении, исследователи сталкиваются с весьма щепетильным обстоятельством. С одной стороны, гражданское общество — это общество, не подконтрольное государству, скорее даже наоборот, контролирующее его и взаимодействующее с ним [25, с. 107 — 108]. По мнению ряда исследователей, «демократическое государство», как, впрочем, и «правовое», совсем не случайно «привязано» к гражданскому обществу, так как есть не что иное, как «способ самостоятельного решения обществом (народом, населением) стоящих перед ним задач» [16, с. 92].

Как справедливо отмечает профессор С. А. Авакьян, «гражданское общество олицетворяют собой непосредственно граждане, выступающие в публичных процессах и делах в индивидуальном качестве. Разумеется, при этом они становятся участниками всевозможных коллективных мероприятий — манифестаций, слушаний, обсуждений, диалогов в СМИ, особенно в Интернете, т. е. превращаются в «составные части» общности, поскольку иначе их проявление просто немислимо. Вместе с тем индивидуальная активность для многих сочетается с созданием всевозможных организационных форм, посредством которых более эффективно достигаются как общие, так и личные интересы граждан» [3, с. 79 — 91].

С другой стороны, само существование гражданского общества и его многочисленных институтов возможно исключительно с одобрения государства (Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ с изм. по 02.12.2019 г.). Именно государство создает условия формирования разнообразных структур, совокупность которых и является, по форме, гражданским обществом. При этом государственный контроль за политическими партиями — институтами гражданского общества, претендующими на власть — настолько важен, что для его регулирования потребовался отдельный закон (Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ).

Как отмечают исследователи, «...структуры гражданского общества в силу локальности интересов могут конфликтовать не только с государственными институтами, но и друг с другом. В этом смысле гражданское общество — это не идиллическая система дружбы и братства всех граждан, а скорее сфера пересекающихся, порой

остроконфликтных интересов. Без участия государственных институтов отрегулировать их не представляется возможным» [6, с. 17].

Более того, ставя на одну параллель понятия «гражданское общество» и «правовое государство», исследователи вольно или невольно признают, что существование гражданского общества возможно только в правовом поле, что в свою очередь делает присутствие государства непреложным условием.

Основной проблемой некоторых отечественных исследователей в данном случае является игнорирование историзма как метода, поскольку многие российские авторы пытаются развить европейские представления о гражданском обществе на российской почве. Между тем гражданские общества европейских государств формировались в процессе развития феодализма, в борьбе городов с феодальными землевладельцами за свои права и свободы. Получив многовековой опыт борьбы с деспотизмом, местного сеньора или монарха, европейские гражданские общества естественно являются сегодня основой западноевропейской государственности. В России этот процесс шел иначе. Как отметил профессор В. А. Томсинов, «западная цивилизация опирается на общество, гражданское общество — ядро западной цивилизации. А ядром русской цивилизации является государство» [27]. Именно поэтому институты гражданского общества — семья, церковь, системы образования, научные, профессиональные объединения — в западном мире создавались и действуют сегодня независимо от государства, а в России — либо непосредственно государством, либо, как профсоюзы, позднее попали под государственный контроль и оказались

неспособны защищать интересы своих членов, когда такая защита потребовалась (официальный ВЦСПС и стачкомы 1989 г.). Современное российское государство, осознавая опасность со стороны институтов гражданского общества, но в то же время не имея возможности от них отказаться (международный престиж прежде всего), стремится либо сделать эти институты подчиненными себе (государственные университеты, научные объединения), либо поставить эти институты под свой контроль (в том числе вновь созданные — Общественные палаты, общероссийский народный фронт и т. п.).

Можно сделать вывод, что сегодня в России при обилии институтов гражданского общества создано «квазигражданское общество». При этом такие проявления активности граждан, как возмущение и сопротивление политике государства или его отдельных должностных лиц, вызывают стремление государства в первую очередь силового разрешения вопроса, а в случае неудачи или невозможности — растерянность, что может быть воспринято гражданами как шаг вперед в построении подлинно гражданского общества (к примеру, протестные акции в Хабаровске по поводу ареста С. И. Фургала). Авторы искренне надеются, что построение этого подлинно гражданского общества в нашем отечестве не будет сопровождаться реками крови, подобными пролитым европейцами в борьбе за свою форму государственности.

Таким образом, если говорить о подлинно гражданском обществе, его построение в современной России возможно в интересах сохранения и развития российского государства, интересы которого далеко не всегда совпадают с интересами лиц, власть предрежащих.

Список литературы:

1. Гаджиев, К. С. Гражданское общество: сущность и важнейшие структурные элементы (Введение в политическую науку : учеб. для высш. учеб. заведений / К. С. Гаджиев. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Логос, 2000. — С. 59–60.
2. Гостев, А. Н. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства / А. Н. Гостев, Т. С. Демченко. — Москва : Изд-во СГУ, 2011. — 192 с.
3. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы : монография / рук. авт. колл. и отв. ред. С. А. Авакьян. — Москва : Юстицинформ, 2015. — 652 с.
4. Доватур, А. И. «Политика» Аристотеля / А. И. Доватур // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / общ. ред. А. И. Доватура. — Москва : Мысль, 1983. — 830 с.
5. Зырянов, С. Г. Гражданское общество в современной России: основные сценарии становления и развития / С. Г. Зырянов, А. Н. Лукин // Социум и власть. — 2016. — № 3. — С. 7–16.
6. Зырянов, С. Г. Основные функции гражданского общества: теоретический аспект / С. Г. Зырянов, А. Н. Лукин // Социум и власть. — 2017. — № 2. — С. 15–20.
7. История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2004. — 944 с.
8. Кожевников, С. Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России / С. Н. Кожевников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2002. — № 1. — С. 38.

9. Комаров, С. А. Общая теория государства и права : учебник / С. А. Комаров. — 4-е изд., переработанное и дополненное. — Москва : Юрайт, 1998. — 416 с.
10. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993. — URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/>
11. Кравченко, И. И. Концепция гражданского общества в философском развитии / И. И. Кравченко // Полис. — 1991. — № 5. — С. 128.
12. Леушин, В. И. Гражданское общество и правовое государство / В. И. Леушин // Теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. — Москва : Норма : Инфра-М, 2000. — С. 93.
13. Лосев, А. Ф. Комментарии к диалогам Платона / А. Ф. Лосев // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. — Москва : Мысль, 1990—1994.
14. Малько, А. В. Правоведение : учебник / А. В. Малько, В. В. Субочев. — Москва : Норма : Инфра-М, 2018. — 304 с. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/966700>.
15. Мелехин, А. В. Теория государства и права : учеб. с учеб.-метод. материалами / А. В. Мелехин. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва, 2009. — 595 с.
16. Неверов, А. Я. Понятие государства и его значение для объективного восприятия социальной действительности / А. Я. Неверов, С. Н. Жаров // Человек. Общество. Государство. — 2018. — № 1 (4). — С. 89—94.
17. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. — Саратов, 2018. — 392 с.
18. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. — Москва, 1994.
19. Орлова, И. В. Теория гражданского общества: к истории вопроса / И. В. Орлова // Философия и общество. — 2006. — № 2. — С. 117—134.
20. Резник, Ю. М. Гражданское общество: теоретико-методологические аспекты социокультурного анализа / Ю. М. Резник, Т. Е. Резник // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития : сб. ст. / под ред. Ю. М. Резника, Н. И. Мироновой. — Москва : Независимый институт гражданского общества, 2010. — С. 16.
21. Савченко, И. А. Гражданское общество в дискурсивном измерении / И. А. Савченко // Власть. — 2015. — № 5. — С. 122—126.
22. Старостин, А. М. Гражданское общество в России в контексте трансфера инноваций / А. М. Старостин, А. В. Понделков, Л. Г. Швец // Власть. — 2016. — № 5. — С. 5—14.
23. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права : хрестоматия / В. Н. Хропанюк. — Москва, 1998. — 944 с.
24. Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах / Цицерон ; пер. В. О. Горенштейна ; прим. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна ; ст. С. Л. Утченко / отв. ред. С. Л. Утченко. Москва : Наука, 1966. — 224 с.
25. Яхонтов, В. И. Конституционно-правовые основы формирования гражданского общества в Российской Федерации / В. И. Яхонтов // Социум и власть. — 2017. — № 5 (67). — С. 106—109.
26. Золотую судью Хахалеву лишили полномочий судьи. URL: https://ren.tv/news/v-rossii/722728-zolotuiu-sudiu-khakhalevu-lishili-polnomochii-sudii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews.
27. Доносы писало не государство, а граждане : интервью В. А. Томсинова Игорю Дмитрову. URL: https://lenta.ru/articles/2020/02/27/osoboe_mnenie (дата обращения: 20.03.2020).

Дата поступления: 20.09.2020

Дата принятия к опубликованию: 29.09.2020

Сведения об авторах

Жаров Сергей Николаевич — профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. tgp@csu.ru

Неверов Алексей Яковлевич — Российская академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Курганский филиал, Россия. tgp@csu.ru

Библиографическое описание: Жаров, С. Н. Правовое государство и гражданское общество: взаимодействие или противостояние? / С. Н. Жаров, А. Я. Неверов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 11—17.

Legal state and civil society: interaction or confrontation?**S.N. Zharov***Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tgp@csu.ru***A.Ya. Neverov***Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Kurgan Branch, Kurgan, Russia. tgp@csu.ru*

The study is devoted to finding an answer to the question about the possibility of independent formation of civil society in the modern conditions of the development of statehood. The authors explore numerous theoretical approaches to the understanding and purpose of a legal and democratic state as a form of the functioning of civil society and come to the conclusion of the interdependence of the phenomena studied. The authors raise the question of the possibility of the formation of a modern civil society without the participation of state institutions.

Keywords: *legal state, civil society, democracy, power, law, man.*

References

1. Gadzhiev K.S. *Grazhdanskoe obshchestvo: sushchnost' i vazhneishie strukturnye elementy (Vvedenie v politicheskuyu nauku)* [Civil society: essence and the most important structural elements (Introduction to political science)]. Moscow, Logos, 2000. Pp. 59–60. (In Russ.).
2. Gostev A.N., Demchenko T.S. *Grazhdanskoe obshchestvo: kontrol' nad deyatelnost'yu gosudarstva* [Civil Society: Control over State Activities]. Moscow, Publishing House of SSU, 2011. 192 p. (In Russ.).
3. *Grazhdanskoe obshchestvo kak garantiya politicheskogo dialoga i protivodeistviya ekstremizmu: klyuchevye konstitutsionno-pravovye problemy* [Civil society as a guarantee of political dialogue and countering extremism: key constitutional and legal problems]. Moscow, Justicinform, 2015. 652 p. (In Russ.).
4. Dovatur A.I. «Politika» Aristotelya [“Politics” Aristotle]. *Aristotel'. Sochineniya : v 4 t. T. 4* [Aristotle. Works: in 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Mysl', 1983. 830 p. (In Russ.).
5. Zyryanov S.G., Lukin A.N. *Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoi Rossii: osnovnye stsennariy stanovleniya i razvitiya* [Civil society in modern Russia: the main scenarios of formation and development]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2016, no. 3, pp. 7–16. (In Russ.).
6. Zyryanov S.G., Lukin A.N. *Osnovnye funktsii grazhdanskogo obshchestva: teoreticheskii aspekt* [The main functions of civil society: the theoretical aspect]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2017, no. 2, pp. 15–20. (In Russ.).
7. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of political and legal teachings: Textbook for universities]. Moscow, Norma, Infra-M, 2004. 944 p. (In Russ.).
8. Kozhevnikov S.N. *Civil Society: the concept, main features, prerequisites for formation in Russia* [Grazhdanskoe obshchestvo: ponyatie, osnovnye priznaki, predposylki formirovaniya v Rossii]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University], 2002, no. 1, pp. 38. (In Russ.).
9. Komarov S.A. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. Moscow, Yurite, 1998. 416 p. (In Russ.).
10. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons>. (In Russ.).
11. Kravchenko I.I. *Kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva v filosofskom razvitii* [The concept of civil society in philosophical development]. *Polis* [Polis], 1991, no. 5, pp. 128. (In Russ.).
12. Leushin V.I., Perevalov V.D. *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo* [Civil society and the legal state]. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Norma, Infra-M, 2000. P. 93. (In Russ.).
13. Losev A.F. *Kommentarii k dialogam Platona* [Comments on the dialogues of Plato]. *Platon. Sobranie sochinenii : v 4 t.* [Plato Collected works in 4 vols.]. Moscow, Mysl', 1990–1994. (In Russ.).
14. Malko A.V., Subochev V.V. *Pravovedenie* [Law]. Moscow, Norma, 2018. 304 p. Available at: <https://znaniy.com/catalog/product/966700> (In Russ.).

15. Melekhin A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2009. 595 p. (In Russ.).
16. Neverov A.Ya., Zharov S.N. Ponyatie gosudarstva i ego znachenie dlya ob»ektivnogo vospriyatiya sotsial'noi deistvitel'nosti [The concept of the state and its significance for the objective perception of social reality]. *Chelovek. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Man. Society. State], 2018, no. 1 (4), pp. 89–94. (In Russ.).
17. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. Saratov, 2018. (In Russ.).
18. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and state]. Moscow, 1994. (In Russ.).
19. Orlova I.V. Teoriya grazhdanskogo obshchestva: k istorii voprosa [Theory of civil society: to the history of the question]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 2006, no. 2, pp. 117–134. (In Russ.).
20. Reznik Yu.M., Reznik I.E. Grazhdanskoe obshchestvo: teoretiko-metodologicheskie aspekty sotsiokul'turnogo analiza [Civil society: theoretical and methodological aspects of sociocultural analysis]. *Mestnye soobshchestva: problemy sotsiokul'turnogo razvitiya* [Local Communities: Problems of Sociocultural Development]. Moscow, Independent Civil Society Institute, 2010. P. 16. (In Russ.).
21. Savchenko I.A. Grazhdanskoe obshchestvo v diskursivnom izmerenii [Civil society in the discursive dimension]. *Vlast'* [Power], 2015, no. 5, pp. 122–126. (In Russ.).
22. Starostin A.M., Ponedelkov A.V., Shvets L.G. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii v kontekste transfera innovatsii [Civil society in Russia in the context of the transfer of innovations]. *Vlast'* [Power], 2016, no. 5, pp. 5–14. (In Russ.).
23. Khropanyuk V.N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, 1998. 944 p. (In Russ.).
24. Cicero. *Dialogi: O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues: About the state. About laws]. Moscow, Nauka, 1966. 224 p. (In Russ.).
25. Yakhontov V.I., Neverov A.Ya. Konstitutsionno-pravovye osnovy formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii [Constitutional and legal foundations for the formation of civil society in the Russian Federation]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2017, no. 5 (67), pp. 106–109. (In Russ.).
26. Zolotuyu sud'yu Khakhalevu lishili polnomochii sud'i [The golden judge Khakhaleva was deprived of her powers as a judge]. Available at: https://ren.tv/news/v-rossii/722728-zolotuiu-sudiu-khakhalevu-lishili-polnomochii-sudi?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews. (In Russ.).
27. Donosy pisalo ne gosudarstvo, a grazhdane: interv'yu V. A. Tomsinova Igoryu Dmitrovu. [Denunciations were written not by the state, but by citizens. Interview of V.A. Tomsinov to Igor Dmitrov]. Available at: https://lenta.ru/articles/2020/02/27/osoboe_mnenie. (In Russ.).

Органы правосудия Белой государственности на Востоке России в годы Гражданской войны (1918—1922)

И. В. Стариков

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассмотрена организация судебной системы Белого государственного образования на Востоке России в 1918—1922 гг. Ее восстановление и эволюция стали важнейшим направлением деятельности Временного Сибирского и Российского правительств. Анализ структуры и функционирования судебных учреждений «белой» Сибири позволяет утверждать, что в ходе государственного строительства сибирская контрреволюция воссоздала дореволюционные судебные учреждения, действовавшие на основании либеральных судебных уставов императора Александра II. На Сибирь была распространена такая демократическая норма, как суд присяжных, при царском и Временном правительствах действовавшая лишь в Европейской России. В условиях Гражданской войны нормализация процесса отправления правосудия происходила ускоренно и ограничивалась военной юстицией, что стало одной из причин слабости белого тыла и неудач Белого движения на Востоке России.

Ключевые слова: *Гражданская война, Белое движение, судебная система, судебные уставы, мировой судья, волостной земский суд, окружной суд, суд присяжных, судебная палата, Высший Сибирский суд, Временные присутствия Правительствующего Сената, военно-полевой суд.*

В эти дни 100 лет назад в России шла Гражданская война — величайшая трагедия нашего народа, унесшая вместе с голодом 15—20 млн человеческих жизней из 150 млн россиян. Все образованные в 1918—1920 гг. политические режимы использовали преимущественно насильственные методы организации и осуществления власти. На Востоке России возникло крупнейшее по территории (от Волги до Тихого океана) Белое государственное образование, просуществовавшее с лета 1918 до осени 1922 г. Для его официального признания внутри России и за рубежом требовалась реальная видимость власти преемственной с дореволюционной, со всеми ее атрибутами, включая и наиболее демократический и авторитетный институт общества — суд. Таким образом, лидеры Белого движения пытались противопоставить восстановление прежнего судостроительства и нормализацию процесса отправления правосудия системе, созданной большевиками, где судебная власть отрицалась, а судебные полномочия получали силовые структуры [4, с. 129].

История функционирования судебной системы Белого движения на Востоке России недостаточно разработана в отечественной историографии. Долгое время господствовало утверждение, сформулированное советскими авторами, что «суда фактически не существовало — была лишь расправа» [6, с. 77]. С начала 1990-х гг. стали появляться исследования, в которых Белая Сибирь характеризуется как «правовое государство». Судебная политика на Востоке России заслуживает пристального изучения уже потому, — считает Е. А. Крестьянников, — что предполагала широкомасштабную реформу правосудия [7, с. 117]. К неизученным до сих пор проблемам истории

Белой Сибири, — отмечает С. П. Звягин, — относится обеспечение законности и правопорядка. До сих пор нет или почти нет исследований, посвященных внутренней политике колчаковского режима [6, с. 21]. Помочь объективно оценить характер государственной власти, созданной антибольшевистским движением на Востоке России в 1918 — 1922 гг., может анализ действовавшей системы правосудия. Первоочередной задачей является рассмотрение структуры и функций системы судебных учреждений сибирской контрреволюции [2].

6 июля 1918 г. созданное в результате антибольшевистского восстания Временное Сибирское правительство приняло Постановление «О восстановлении судебных учреждений», которое пунктом 2 устанавливало, что «впредь до издания новых законов, касающихся судебной части в Сибири, все судебные учреждения и установления, действовавшие до упразднения их советской властью, возобновляют свою деятельность» [4, с. 131]. Ликвидировались созданные советские учреждения, включая судебные. Все производства, приговоры и решения революционных трибуналов, их следственных комиссий, окружных народных судов и народных судей были аннулированы. Начатые уголовные и гражданские дела передавались подлежащим компетентным судам. Уголовное делопроизводство трибуналов и следственных комиссий рассматривались как внесудебный материал. Период советской власти признавался как перерыв в сроках ведения уголовных и гражданских дел [10, с. 35]. Глава правительства П. В. Вологодский (1863—1928) важнейшей задачей считал скорейшее создание условий для нормального отправления правосудия [4, с. 129—130].

В «Докладной записке о состоянии дел Сибирских судебных учреждений, принятых мерах к правильной деятельности судебного аппарата и о программе предстоящей деятельности министерства юстиции», составленной 10 августа 1918 г. министром юстиции Г. Б. Патушинским (1873–1931), отмечалось, что после свержения Советской власти дело отправления правосудия в Сибири оказалось в ужасном положении и возобновление деятельности судебных учреждений было сопряжено с величайшими трудностями. Все дела и делопроизводства находились в хаотическом состоянии, часть их была вывезена из судебных мест и разослана по другим городам и местам. По сообщению председателя Барнаульского окружного суда, все денежные суммы, всего более 100 тыс. руб., поступившие в высший революционный суд, исчезли вместе с местным Советом депутатов [10, с. 34].

Воссоздание системы судопроизводства происходило на основах, сформированных еще в императорской России. В изданном Временным Сибирским правительством 6 июля 1918 г. Постановлении «О восстановлении судебных учреждений» было указано, что суды в своей деятельности должны руководствоваться судебными уставами 1864 г. (Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) и прочими законами, принятыми Временным правительством 1917 г., а также теми изменениями, которые были бы внесены Временным Сибирским правительством [13, с. 295].

Судебные уставы 1864 г. предусматривали функционирование двух систем отправления правосудия: местной и общей. К местной относились волостные суды, мировые суды, уездные сьезды мировых судей и уездные административные суды, к общей — окружные суды (учреждались для нескольких уездов), судебные палаты (распространяли свою деятельность на несколько губерний или областей), кассационные (по гражданским и уголовным делам) и первый (арбитраж по административно-хозяйственным делам) департаменты Сената. Судебная система строилась на принципах отделения суда от администрации, несменяемости судей и следователей, прокурорского надзора, равенства всех перед судом.

При восстановлении отправления правосудия наибольшее внимание уделялось возобновлению деятельности судов первой инстанции. После занятия какой-либо территории войсками Белой армии проходили выборы городскими и земскими учреждениями в местные суды и судьи начинали исполнять свои обязанности [6, с. 85–86]. До выборов они могли назначаться решениями

министерства юстиции или «по представлению Общего собрания окружного суда», или «по собственной инициативе» [13, с. 295]. Мировым судьям были подсудны дела о наименее важных правонарушениях, за которые предусматривались такие санкции, как арест до трех месяцев, заключение на срок до одного года, невысокие штрафы.

Гражданская война негативно сказалась на качественном составе мировых судей. Так, на Камчатке из 27 избранных мировых судей только 7 имели высшее, а двое — незаконченное высшее юридическое образование. Двое судей были по образованию медиками, два имели духовное образование, а еще два получили лишь домашнее образование. Что касается возраста, то среди них были лица рождения от 1860 до 1899 гг., причем средний возраст составлял 36 лет. Только у одного судьи служебный стаж достигал 20 лет, у одного 10 лет, а у остальных он был до трех лет [6, с. 86]. Аналогичными были результаты избрания местных судей и на других контролируемых белыми войсками территориях. Недостаток служащих системы правосудия восполнялся за счет беженцев из поволжских и центральных губерний, имевших опыт судебной работы или, как минимум, высшее юридическое образование [13, с. 302].

Нехватка кадров юристов стала одной из причин возникновения тяжелой ситуации с отправлением правосудия на Востоке России. Гражданская война привела к «оскудению» Сибири юристами с высшим или хотя бы средним юридическим образованием. По данным министерства юстиции, была вакантной половина должностей мировых судей в округах Омской судебной палаты, а всего в Сибири насчитывалось более 250 свободных должностей этой категории [6, с. 78–79]. Для решения данной проблемы был подготовлен проект повышения окладов содержания чиновников судебного ведомства, так и оставшийся нереализованным. Последствием нехватки мировых судей стало увеличение числа находящихся в производстве гражданских и уголовных дел.

Работа мировых судей в условиях Гражданской войны была очень сложной. Так, по сообщениям из Минусинского и Канского уездов Енисейской губернии, «судебное ведомство — единственное из всех ведомств, которое стойко держалось до самого падения советчины в Сибири, подвергаясь всяким лишениям, гонениям, мукам и голоду... В местах, где действовала советская власть... и где революционные трибуналы, отобравшие все дела у судей и запутавшие все правовые отношения крестьян своими постановлениями, судьям приходится разбираться в целой массе кляуз, дознаний и исковых

требований, благодаря чему затрудняется текущая работа. Тяжесть труда наличных судей усугубляется тем, что много участков остаются незанятыми. Так, например, в Енисейском уезде на пять участков на расстоянии более тысячи верст, имеется два судьи» [13, с. 302].

Для решения этой проблемы, а также чтоб приблизить отправление правосудия к населению, повысить явку свидетелей и несколько удешевить судопроизводство за счет снижения накладных расходов, была возобновлена многолетняя практика выездных судов. Влиятельным и последовательным сторонником этой формы работы являлся ставший 2 мая 1919 г. министром юстиции Российского правительства Г. Г. Тельберг (1881–1954). Он предложил проводить сессии окружных судов в городах и крупных селах, расположенных на территории соответствующего судебного округа. Особенно он был озабочен организацией выездных судов в сельской местности. Для этого составлялись соответствующие расписания. Так, на 1919 г. график выездных заседаний Троицкого окружного суда включал в себя работу в Троицке, а также выезды в Верхнеуральск, Кустанай, Миасский и Белорецкий заводы. Всего предполагалось провести 23 сессии [6, с. 89–90].

В целях создания правосудия для сельского населения Временное Сибирское правительство в июле 1918 г. возобновило реорганизацию судебной системы низового звена. Реформа была обозначена как «создание суда для деревни», что было весьма важным действием при устранении царившего в деревне полного «бессудья» [4, с. 132]. В результате, министерством юстиции был разработан законопроект о волостном земском суде. Этот тип суда имел временный характер, впредь до введения местного суда, применительно к законам 15 июня 1912 г. и 4 мая 1917 г. С мировыми судебными установлениями он был связан путем создания апелляционной инстанции, в состав которой, кроме ее членов, председателя волостных земских судов, входил в качестве председателя этой инстанции местный мировой судья [10, с. 35].

Еще одной попыткой решения проблемы нехватки кадров юристов стала разработка проекта создания национального (инородческого) суда. В августе 1919 г. Совет министров утвердил закон о киргизском суде. Процесс осуществлялся только на киргизском языке. Волостной суд включал 1 судью и 12 биев. Судью выбирали на 3 года путем тайного голосования. Судьи рассматривали как гражданские, так и уголовные дела. В заседании окружных судов принимали участие и присяжные заседатели. На территории компактного проживания киргизов их выбирали как из представителей коренной национальности, так и

из лиц, знавших этот язык. Контроль за киргизским судом осуществлял Правительствующий Сенат [6, с. 93]. Разрабатывался аналогичный закон и о бурятском суде. Только поражение Белой армии адмирала А. В. Колчака не позволило полностью реализовать проект создания национального суда.

Все восстановленные судебные учреждения по российской традиции подчинялись министерству юстиции. Оно руководило деятельностью судебных палат, в состав которых входили старший председатель, председатели двух департаментов, члены палаты. На судебные палаты возлагались дела по жалобам и протестам на приговоры окружного суда, а также о должностных и государственных преступлениях. Судебные палаты выступали в качестве апелляционной инстанции по делам окружных судов, рассмотренных без участия присяжных заседателей, и могли заново в полном объеме рассматривать уже решенное дело. Каждая судебная палата направляла деятельность окружных судов, состоявших из его председателя, товарища председателя, членов суда. При окружных судах работали следователи, осуществлявшие под надзором прокуроров предварительное расследование преступлений на закрепленных за ними участках [6, с. 76].

Всего в годы Гражданской войны на подконтрольной белым территории Востока было образовано три судебных палаты – Омская, Иркутская и Пермская. В округ Омской судебной палаты входили Барнаульский, Омский, Семипалатинский, Тобольский, Томский и Новониколаевский окружные суды. Постановлением Временного Сибирского правительства от 18 июля 1918 г. к Омской судебной палате был временно причислен Троицкий окружной суд и мировые судебные установления в Троицке, Челябинске и Верхнеуральске Оренбургской губернии и Кустанае Тургайской области [10, с. 34–35]. К округу Иркутской судебной палаты относились Благовещенский, Владивостокский, Камчатский, Красноярский, Пограничный (в полосе отчуждения КВЖД), Читинский и Якутский окружные суды. Пермская судебная палата включала Екатеринбургский, Пермский, Троицкий и Уфимский окружные суды. Кроме этого, после оставления Белой армией осенью 1918 г. Поволжья в Сибирь был эвакуирован личный состав Казанской судебной палаты [6, с. 76].

Временное Сибирское правительство планировало ввести на подконтрольной территории суд присяжных. Это был шаг, ожидавшийся сибирской общественностью в течение более чем полувека, – начиная с эпохи реформ 1860–1870 гг. и заканчивая преобразованиями Февральской революции [2]. 10 января 1919 г. введение суда присяжных было подтверждено Постановлени-

ем Совета министров Российской империи. Его реализация в условиях Гражданской войны столкнулась со значительными трудностями. Так, 22 мая 1919 г. управляющий Ачинским уездом Енисейской губернии докладывал вышестоящему начальству, что списки заседателей собрать невозможно из-за отсутствия связи с земскими управами по причине военных действий в уезде. Через две недели такой же чиновник из другого уезда докладывал о некачественном составе канцеляристов, не способных составить указанные списки. В результате введение суда присяжных пришлось перенести [7, с. 119].

Первоначально высшей кассационной инстанцией в Сибири была Омская судебная палата, но судебной системе явно не хватало авторитетного высшего органа [11]. Чтобы восполнить этот пробел, 7 сентября 1918 г. Временное Сибирское правительство санкционировало создание Высшего Сибирского Суда, введение которого объяснялось «крайней потребностью в высшей кассационной инстанции для сибирского суда». Законопроект министерства юстиции был разработан на основании положения о Правительствующем Сенате и судебных уставов 1864 г., но с некоторыми изменениями [1, с. 23].

В отличие от дореволюционного российского Сената Сибирский Суд должен был состоять из трех департаментов: административного («для всех предметов и дел административного ведомства») и двух кассационных («для высшего кассационного разбирательства дел судебных — гражданских и уголовных»). При необходимости могли созываться также Общее собрание административного и кассационного департаментов и Высшее дисциплинарное присутствие. Существенной новацией было то, что власть Уголовного кассационного департамента планировалось распространить и на военные суды. Предусматривались также должности прокуроров Сибирского высшего суда — двух гражданских и одного военного [2].

Еще одним отличием от Сената было и то, что в Высший Сибирский суд допускались представители городского и земского самоуправления. Данные представители избирались городскими думами и земскими собраниями, а не назначались. «Демократизация» кадрового состава и очевидная нехватка специалистов судебного ведомства обусловили изменение принципов членства в кассационных и административном департаментах. Членами кассационных департаментов назначались не только чины «не ниже V класса и прослужившие в судебном ведомстве 10 лет», но и те, кто «состоял в течение того же срока в звании присяжного поверенного», «имел ученую степень магистра или доктора римского, гражданского и уголовного права» или 10 лет

«занимался преподаванием в высших учебных заведениях римского, гражданского, торгового, уголовного права, гражданского или уголовного судопроизводства». В административный департамент могли назначаться «прослужившие не менее 10 лет по выборам земских и городских самоуправлений», «имеющие степень магистра или доктора государственного, административного или полицейского права» либо преподаватели данных дисциплин с 10-летним стажем [13, с. 299].

Были назначены члены Высшего Сибирского суда и определено время его открытия — 3 ноября 1918 г. 28 октября, ввиду предстоящей реорганизации высших органов власти и управления, министр юстиции Временного Всероссийского правительства С. С. Старынкевич (1874—1933) издал постановление о переносе официального открытия на 3 декабря. 24 декабря в связи с обсуждением вопроса о возобновлении деятельности на Востоке России Правительствующего Сената Постановлением Совета министров Высший Сибирский суд был упразднен [9].

Установление власти Российской империи во главе с Верховным Правителем А. В. Колчаком (1874—1920), создание единой Всероссийской власти потребовало перемен в деятельности судебных структур, результатом чего стало образование Правительствующего Сената — органа высшего суда и надзора за управлением, обнародования и хранения законов. Постановлением от 24 декабря 1918 г. в Омске создавались временные присутствия Первого и двух кассационных (по уголовным и по гражданским делам) департаментов Правительствующего Сената. Нормативной базой их деятельности признавались правила Учреждения Правительствующего Сената и судебные уставы. Штатное расписание Правительствующего Сената повторяло структуру такого же органа царской России [6, с. 158].

В своей основе Постановление от 24 декабря 1918 г. повторяло положения проекта о Высшем Сибирском суде. Первый департамент, возглавляемый Первоприсутствующим (самим премьер-министром П. В. Вологодским), осуществлял надзор за правительственным аппаратом, обнародованием законов, разрешением межведомственных конфликтов и рассматривал жалобы на административные учреждения. Ему передавались также функции бывшего Второго («крестьянского») департамента, ведавшего рассмотрением жалоб на местные учреждения и вопросами земельного устройства крестьян, бывшего Третьего («Герольдии»), регулировавшего имущественные права граждан, и бывшего Четвертого («судебного») департаментов Правительствующего Сената Российской империи [8, с. 102]. При Сенате

создавались также Временное особое присутствие по отчуждению недвижимых имуществ в государственную и общественную пользу и Высшее дисциплинарное присутствие для расследования должностных правонарушений в судах. Поскольку полностью восстановить деятельность Сената не представлялось возможным, была принята форма Временных присутствий [13, с. 299–300].

Существенным нововведением было то, что просьбы об отмене окончательных решений, кассационные жалобы и протесты на окончательные приговоры окружных судов в качестве мировых съездов в округах Омской, Иркутской и Пермской судебных палат теперь должны были приноситься Временным присутствиям Правительствующего Сената. Кроме того, должности обер-прокуроров не были установлены, и их обязанности должны были исполнять в каждом департаменте один из товарищей обер-прокурора, штат которых был существенно увеличен, или особо уполномоченное лицо. Значительно увеличены были и штаты канцелярии Временного присутствия Сената [9].

Омские Временные присутствия состояли не только из опытных юристов, бывших сотрудников Сената, но и из новых «сенаторов по назначению». В составе высшего судебного органа из 18 человек было по меньшей мере 13 человек с высшим юридическим образованием. Большинство из них были практикующими юристами — председателями и членами судебных палат и окружных судов, но были и три профессора права. Два сенатора представляли сословие присяжных поверенных. Три сенатора не имели прямого отношения к судебной системе. Только один из сибирских сенаторов имел опыт работы в прежнем Сенате [6, с. 160].

Штаты увеличивались: 1-го департамента — на 7, а уголовного и гражданского кассационных — на 6 человек. Этим компенсировался характерный для Востока России недостаток кадров соответствующей квалификации (сенаторами 1-го департамента стали, например, бывшие члены Государственного Совета, оказавшиеся в Сибири, — А. Н. Шелашников и Ю. В. Трубников, присяжный поверенный С. Ф. Петров, управляющий делами Совета министров Г. Г. Тельберг, делегат Временного Правительства Северной области князь И. А. Куракин). Профессор Казанского университета барон А. А. Симолин, бывший вице-директор 1-го департамента министерства юстиции Б. К. Лаженицын вошли в Гражданский кассационный департамент. Председательствующим Гражданского кассационного департамента был назначен бывший петербургский присяжный поверенный В. Н. Новиков, а Уголовного кассационного — бывший прокурор Омской судебной палаты А. К. Висковатов [12, с. 500].

29 января 1919 г. в Омске состоялось торжественное открытие Временных присутствий Правительствующего Сената. Примечательна речь Верховного Правителя, произнесенная перед принесением присяги на верность Российскому государству. В ней говорилось о важности восстановления правового государства, несмотря на стихию войны [13, с. 300]. По мнению членов правительства, этот орган должен был функционировать до момента восстановления деятельности общероссийского Правительствующего Сената в полном объеме [9].

Постановление 24 декабря 1918 г., в отличие от проекта об учреждении Высшего Сибирского суда, не содержало важных с политической точки зрения положений об участии в верховном судебном органе представителей общественных самоуправлений и о распространении его юрисдикции на военно-полевые суды, создание которых, по оценке правоведов того времени, стало общепринятым явлением. Работа структур военной юстиции играла большую роль в судебной системе Белого движения, в целом, и на Востоке России, в частности [13, с. 304].

Правовой основой ее функционирования стало положение о военно-полевых судах на фронте и в прифронтовой полосе, утвержденное Временным Сибирским правительством 23 августа 1918 г. Российское правительство дополнило его 24 января 1919 г. положением о создании военно-полевых судов на театре военных действий. В остальных местностях были созданы прифронтовые суды. Они состояли из трех офицеров и, согласно «Военно-судному уставу», могли выносить даже смертные приговоры. Такие приговоры направлялись на «усмотрение» командующего армией или военного округа. Помилование мог объявить только Верховный правитель. Наличие у членов суда не только юридического образования, но даже какого-либо опыта в области судопроизводства было необязательным, что отрицательно сказалось на состоянии законности [5, с. 26].

За время существования Белой государственности на Востоке России (1918 — 1922) восстановление дореволюционной судебной системы было в основном завершено. В ее деятельности выделяют три тенденции: 1) стремление приблизить отправление правосудия к населению, 2) демократизация судопроизводства, 3) создание военно-полевых судов [6, с. 313]. Предполагалось дальнейшее совершенствование судебной системы с целью улучшения деятельности аппарата отправления правосудия и приспособления его к новым условиям. Известно, что в министерстве юстиции было разработано 25 проектов судебных преобразований [7, с. 117].

В то же время отсутствие творческого подхода при оформлении судебной системы, стремление

организовать деятельность по старым шаблонам предопределили ее непригодность к нуждам Гражданской войны. Рост преступности и нехватка квалифицированных кадров судебных чиновников явились существенной проблемой нормального отправления правосудия. Следствием этого стали замедление рассмотрения дел, волокита и коррупция. Все пороки, свойственные суду дореволюционной России, в условиях Гражданской войны проявлялись еще больше.

Одной из существенных проблем функционирования органов правосудия было отсутствие

юридического разграничения компетенции гражданской и военной юстиции. Отдельные воинские начальники и казацкие атаманы широко применяли внесудебные расправы. Нарушение законности и произвольное толкование правовых ситуаций в условиях чрезвычайной обстановки Гражданской войны позволило противникам Советской власти развернуть террор, называемый белым. В конечном итоге, народ в своей массе не поддержал Белое движение, симпатизировал красным, что и предопределило их победу [14, с. 84–85].

Список литературы

1. Журавлев, В. В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» / В. В. Журавлев // *Власть и общество в Сибири в XX веке.* – Вып. 1. – Новосибирск, 1997. – С. 3–30.
2. Журавлев, В. В. Судебная система сибирской контрреволюции / В. В. Журавлев // *Сибирская заимка.* – 2000. – URL: <http://zaimka.ru/zhuravlev-judiciary/>
3. Заболотских, А. В. Восстановление системы правосудия антибольшевистскими правительствами в годы Гражданской войны / А. В. Заболотских // *Вестник Российского университета кооперации* – 2013. – № 1 (11). – С. 75–80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-sistemy-pravosudiya-antibolshevistskimi-pravitelstvami-v-gody-grazhdanskoy-voyny/viewer>.
4. Зайнутдинов, Д. Р. Судебная система в воззрениях П. В. Вологодского / Д. Р. Зайнутдинов // *Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 окт. 2017 г.).* – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. – С. 128–134.
5. Звягин, С. П. Военно-полевые суды на территории Белой Сибири / С. П. Звягин // *Белая гвардия : альманах.* – № 5. – Москва : Посев, 2001. – С. 26–29.
6. Звягин, С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака / С. П. Звягин. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001. – 352 с.
7. Крестьянников, Е. А. Из истории судебной власти в Сибири периода Гражданской войны / Е. А. Крестьянников // *Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.) : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / редкол.: В. И. Шишкин, Т. И. Морозова [и др.] ; Ин-т истории СО РАН.* – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2019. – С. 116–123.
8. Некрасова, Л. В. Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины / Л. В. Некрасова // *Власть и общество в Сибири в XX веке.* – Вып. 1. – Новосибирск : Изд-во НИИ МОО НГУ, 1997. – С. 97–111.
9. Раков, В. В. Учреждения сенатского типа в небольшевистских государственных образованиях в годы Гражданской войны / В. В. Раков // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета.* – 2011. – Т. 2, № 3 (19). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchrezhdeniya-senatskogo-tipa-v-nebolshevistskih-gosudarstvennyh-obrazovaniyah-v-gody-grazhdanskoy-voyny/viewer>.
10. «Реальная» политика Временного Сибирского правительства // *Белая армия. Белое дело : истор. науч.-популяр. альманах.* – 2001. – № 9. – С. 29–41.
11. Сапунков, А. А. Институт судебных палат в правовой системе белогвардейских правительств (1917–1920 гг.) / А. А. Сапунков // *Вестник Омского университета. Серия «Право».* – 2013. – № 3 (36). – С. 43–48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sudebnyh-palat-v-pravo-voyu-sisteme-belogvardeyskih-pravitelstv-1917-1920-gg>.
12. Цветков, В. Ж. Белое дело в России. 1917–1919 гг. / В. Ж. Цветков. – М. : Яуза-Каталог, 2019. – 1056 с.
13. Цветков, В. Ж. Судебная вертикаль власти в политико-правовой системе Белого движения: особенности организации гражданской и военной юстиции в 1918–1920 гг. / В. Ж. Цветков // *Новейшая история России.* – 2018. – Т. 8, № 2. – С. 294–307.
14. Цечоев, В. К. История суда России : учеб. пособие / В. К. Цечоев. – Москва : Проспект, 2014. – 160 с. – URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=253254.

Дата поступления: 11.02.2020

Дата принятия к опубликованию: 15.02.2020

Сведения об авторе

Стариков Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. *istar977@mail.ru*

Библиографическое описание: Стариков, И. В. Органы правосудия Белой государственности на Востоке России в годы Гражданской войны (1918—1922) / И. В. Стариков // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 18—25.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 18—25.

Justice bodies of the White state in the East of Russia during the Civil war (1918—1922)

I. V. Starikov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. istar977@mail.ru

The article considers the organization of the judicial system of the White State Education in the East of Russia in 1918—1922. Its restoration and evolution became the most important area of activity of the Provisional Siberian and Russian governments. An analysis of the structure and functioning of the judicial institutions of the “white” Siberia suggests that during the state construction the Siberian counterrevolution recreated the pre-revolutionary judicial institutions operating on the basis of the liberal judicial charters of Emperor Alexander II. Such a democratic norm as a jury was extended to Siberia, under the tsarist and Provisional governments, which operated only in European Russia. In the Civil War, the normalization of the administration of justice was accelerated and limited to military justice, which was one of the reasons for the weakness of the white rear and the failure of the White movement in the East of Russia.

Keywords: *Civil war, White movement, judicial system, judicial statutes, magistrate, volost zemstvo court, district court, jury, court of justice, High Siberian court, Temporary Presences of the Governing Senate, military court.*

References

1. Zhuravlov, V.V. Organy gosudarstvennoy vlasti sibirskoy kontrrevolyutsii (oktyabr' 1917 — noyabr' 1918 g.): ot «avtonomnoy Sibiri» k «vozhzhdonnoy Rossii» [State authorities of the Siberian counter-revolution (October 1917 - November 1918): from «autonomous Siberia» to «revived Russia»]. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the XX century]. Iss. 1. Novosibirsk, 1997. Pp. 3—30. (In Russ.).
2. Zhuravlov V.V. Sudebnaya sistema sibirskoy kontrrevolyutsii [The judicial system of the Siberian counter-revolution]. *Sibirskaya zaimka* [Siberian Zaimka], 2000. Available at: <http://zaimka.ru/zhuravlev-judiciary>. (In Russ.).
3. Zabolotskikh A.V. Vosstanovleniye sistemy pravosudiya antibol'shevistskimi pravitel'stvami v gody Grazhdanskoy voyny [Restoration of the system of justice by anti-Bolshevik governments during the Civil War]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii* [Bulletin of the Russian University of Cooperation], 2013, no. 1 (11), pp. 75—80. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-sistemy-pravosudiya-antibolshevistskimi-pravitelstvami-v-gody-grazhdanskoy-voyny/viewer>. (In Russ.).
4. Zaynutdinov D.R. Sudebnaya sistema v vozzreniyakh P. V. Vologodskogo [The judicial system in the views of P.V. Vologodsky]. *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediye* [Civil war in the east of Russia: a look through the documentary heritage]. Omsk, OmSTU Publ., 2017. Pp. 128—134. (In Russ.).
5. Zvyagin S.P. Voyenno-polevyye sudy na territorii Beloy Sibiri [Military-field courts on the territory of White Siberia]. *Belaya gvardiya* [White guard]. No. 5. Moscow, Posev, 2001. Pp. 26—29. (In Russ.).
6. Zvyagin S.P. Pravookhranitel'naya politika A. V. Kolchaka [Law enforcement policy of A.V. Kolchak]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2001. 352 p. (In Russ.).

7. Krest'yannikov Ye.A. Iz istorii sudebnoy vlasti v Sibiri perioda Grazhdanskoy voyny [From the history of the judiciary in Siberia during the Civil War]. *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.)* [Civil War in the East of Russia (November 1917 – December 1922)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN, 2019. Pp. 116–123. (In Russ.).

8. Nekrasova L.V. Organy vlasti vostochnoy kontrrevolyutsii v period kolchakovshchiny [The authorities of the eastern counter-revolution during the Kolchak period]. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the twentieth century]. Iss. 1. Novosibirsk, Izd-Izdatel'stvo NII MIOO NGU, 1997. Pp. 97–111. (In Russ.).

9. Rakov V.V. Uchrezhdeniya senatskogo tipa v nebol'shevistskikh gosudarstvennykh obrazovaniyakh v gody Grazhdanskoy voyny [Senate-type institutions in non-Bolshevik state formations during the Civil War]. *Uchonyye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University], 2011, vol. 2, no. 3 (19). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchrezhdeniya-senatskogo-tipa-v-nebolshevistskikh-gosudarstvennykh-obrazovaniyah-v-gody-grazhdanskoy-voyny/viewer>. (In Russ.).

10. «Real'naya» politika Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva [«Real» policy of the Provisional Siberian Government]. *Belaya armiya. Belaye delo* [White Army. White matter], 2001, no. 9, pp. 29–41. (In Russ.).

11. Sapunkov A.A. Institut sudebnykh palat v pravovoy sisteme belogvardeyskikh pravitel'stv (1917–1920 gg.) [The Institute of Judicial Chambers in the Legal System of the White Guard Governments (1917–1920)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of Omsk University. Series «Right»], 2013, no. 3 (36), pp. 43–48. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sudebnykh-palat-v-pravovoy-sisteme-belogvardeyskikh-pravitelstv-1917-1920-gg> (In Russ.).

12. Tsvetkov V.Zh. *Belaye delo v Rossii. 1917–1919 gg.* [White business in Russia. 1917–1919]. Moscow, Yauza-Katalog, 2019. 1056 p. (In Russ.).

13. Tsvetkov V.Zh. Sudebnaya vertikal' vlasti v politiko-pravovoy sisteme Belogo dvizheniya: osobennosti organizatsii grazhdanskoy i voyennoy yustitsii v 1918–1920 gg. [Judicial vertical of power in the political and legal system of the White movement: features of the organization of civil and military justice in 1918–1920]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia], 2018, vol. 8, no. 2, pp. 294–307. (In Russ.). (In Russ.).

14. Tsechoyev V.K. *Istoriya suda Rossii* [History of the Russian court]. Moscow, Prospekt, 2014. 160 p. Available at: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=253254. (In Russ.).

К вопросу об объеме и содержании понятия «жертва»: обзор теоретических позиций виктимологической науки

А. А. Суханова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Настоящая статья посвящена комплексному исследованию теоретических позиций представителей виктимологической науки относительно объема и содержания понятия «жертва». В статье проанализированы наиболее дискуссионные аспекты понимания категории «жертва» с точки зрения виктимологии. По результатам исследования сделан вывод о месте и роли понятия «жертва» в системе виктимологической науки, а также о практической значимости конкретизации понимания рассмотренной теоретической проблемы.

Ключевые слова: *виктимология, криминальная виктимология, жертва, виктимность, виктимное поведение, виктимологическая профилактика.*

В самом общем виде виктимология (от лат. *victima* — жертва и *logos* — учение, знание) представляет собой учение о жертве, т. е. виктимология как наука изучает потерпевших от преступлений, несчастных случаев, стихийных бедствий.

Из сказанного следует, что у понятия «жертва» может быть два смысловых аспекта: жертва несчастного случая (катастрофы, стихийного бедствия, производственной травмы и т. д.) и жертва правонарушения [9, с. 21]. При этом вопрос, изучает ли виктимология жертв в обоих из указанных смыслов в правовой науке является дискуссионным.

Так, В. И. Полубинский полагает, что виктимология — это наука, «изучающая любые изменения (повреждения) материальной среды», следовательно, объектом ее изучения является любой вид жертв.

В свою очередь, Л. В. Франк считает, что виктимология изучает только второй вид жертв, т. е. жертв правонарушений [21, с. 9].

Компромиссной и наиболее адекватной видится позиция, в соответствии с которой виктимология в целом изучает всех жертв, независимо от оснований получения подобного «статуса», но во внутренней структуре виктимологии выделяется криминальная виктимология, изучающая только потерпевших от правонарушений [9, с. 13].

Однако и при таком подходе возникает вопрос: жертв каких видов правонарушений изучает криминология: административных правонарушений, уголовных преступлений или и тех, и других? Думается, что с теоретических позиций к сфере изучения виктимологии относятся жертвы обоих видов посягательств ввиду тонкой грани, часто отделяющей правонарушение от преступления, но наибольший интерес вызывают жертвы уголовных преступлений в силу высокой степени серьезности их общественно опасных последствий.

Опираясь на изложенное, можно заключить, что связь виктимологии и уголовного права обусловлена тем, что жертвы всех предусмотренных особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) преступлений включаются в предмет виктимологии.

Важно ответить, что с учетом действующего уголовно-процессуального законодательства необходимо разграничить понятия «жертва» и «потерпевший».

Потерпевший от преступления — это субъект процессуальной деятельности, в отношении которого полномочным органом вынесено постановление, и которому предположительно причинен физический, имущественный или моральный вред. Процессуальный статус потерпевшего существует до тех пор, пока есть подозреваемый, обвиняемый, подсудимый. Когда подсудимый становится осужденным, потерпевший как уголовно-процессуальная фигура преобразуется в жертву преступления. То есть жертва преступления — это лицо, нанесение вреда которому достоверно установлено вступившим в законную силу приговором суда [20, с. 103].

Если следовать подобной логике, то формально получается, что приобретение статуса жертвы невозможно без предварительного нахождения в статусе потерпевшего. На практике же существуют лица, не заявившие о преступлении, совершенном в их отношении, которые не получили официальный статус потерпевшего, но которые, тем не менее, являются жертвой преступления и входят в сферу изучения виктимологии. Отчасти именно поэтому виктимология — учение о жертве, а не о потерпевшем. Таким образом, в виктимологическом значении под жертвой следует понимать «лицо, которое объективно претерпело нарушение какого-либо защищаемого правопорядком права и которое воспринимает такое нарушение с неудовольствием или страданием» [22, с. 488].

Следует сделать акцент на том, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2] (далее — УПК РФ) в ст. 42 допускает признание в качестве потерпевшего юридического лица в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью Организации Объединенных Наций (далее — ООН) [3] понятию «жертва» дается следующее определение: лицо, которому индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление его основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные законы, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью. В соответствующих случаях жертвой могут быть признаны близкие родственники или иждивенцы непосредственной жертвы, а также лица, которым при попытке оказать помощь жертве или предотвратить виктимизацию мог быть причинен ущерб.

Из двух приведенных трактовок вытекает вопрос о возможности признания жертвой преступления коллективного образования.

По мнению Л. В. Франка под жертвой может пониматься человек или общность людей, которым прямо или косвенно причинен вред преступлением [21, с. 85]. Однако существует и противоположная позиция, предлагающая относить к жертвам преступления с точки зрения виктимологии только физических лиц [12, с. 6], ссылаясь на то, что даже если преступление наносит вред некоей общности людей, то оно наносит вред каждому конкретному представителю этой общности.

Разумной видится подход Д. В. Ривмана, согласно которому в рамках криминальной виктимологии жертвой может быть признана общность людей, но лишь в определенной форме их интеграции, позволяющей признать конкретную общность «интегративной жертвой», одним из признаков которой является, например, наличие у всех лиц, составляющих общность, хотя бы одного объединяющего (общего) качества, обуславливающего виктимную предрасположенность [См. 18].

В текущем контексте следует принять во внимание, что важная роль в системе виктимологической науки отведена понятию «виктимность», анализ содержания которого не дает оснований подтвердить возможность признания в качестве жертвы некоей коллективной общности.

Так виктимность может определяться как некое явление и образ действия отдельного лица — жертвы преступления [11, с. 8]; совокупность свойств личности, предопределяющая возмож-

ность становится жертвой социально опасных явлений [6].

В исследованиях Т. В. Варчук и Б. Холыста виктимность личности обозначается как деформационное личностное отклонение. Т. В. Варчук определяет ее как системное и динамичное свойство личности, проявляющееся в форме социального, биологического, психологического и морального деформационного отклонения, закрепленного в привычных формах поведения, не соответствующих нормам безопасности и обуславливающих потенциальную или реальную предрасположенность субъекта становиться жертвой, Б. Холыст — как систему свойств индивида или вид внутренней неадекватности [6].

Д. В. Ривман характеризует виктимность как повышенную способность стать жертвой преступления [17]. При этом В. И. Полубинский отмечает, что при характеристике виктимности речь должна идти не о всякой повышенной способности становится жертвой преступления, а лишь о такой, которая непосредственно связана с какими-либо особенностями личности и поведения самого пострадавшего или его специфическими взаимоотношениями с причинителем вреда [15, с. 33].

О. О. Андронникова, М. С. Голубь, М. П. Долговых, Н. М. Сажина определяют виктимность как совокупность свойств личности, предопределяющих ее дезадаптацию [4; 11; 19]. При этом О. О. Андронникова уточняет, что данная совокупность личностных свойств обусловлена комплексом социальных, психологических и биофизических условий, способствующих дезадаптивному стилю реагирования субъекта, приводящему к ущербу для физического и эмоционально-психического здоровья личности [5].

Ю. В. Никитина, М. П. Семкова, М. А. Одинцова обозначают понятие «виктимность» через субъективную склонность личности к осуществлению специфических действий с социально-негативными для нее последствиями [13; 14].

Т. У. Матанцева полагает, что виктимность характеризуют следующие компоненты: ситуативные факторы виктимного характера (например, конфликт); виктимные индивидуально-психологические особенности (агрессивность, конфликтность, тревожность, неуверенность); специфическое психоэмоциональное состояние (например, эмоциональная неустойчивость); виктимогенное поведение (например, провоцирование конфликтов или, наоборот, демонстрация нерешительности) [16]. При этом виктимное поведение может быть рассмотрено как следствие социального прогресса и как индивидуальная девиация [10, с. 100].

Большинство подходов к типологии виктимности также не содержат положений, позволяющих

говорить о возможности рассмотрения в качестве жертвы (в понимании виктимологии) коллективного образования.

Например, Л. В. Франк предлагает такие виды виктимности, как:

- личностную — совокупность социально-психологических свойств личности, определяющих способность стать жертвой преступлений;
- ролевую или профессиональную — «безличное» свойство, обусловленное выполнением человеком определенных социальных функций;
- социальную, определяемую существованием в обществе преступности, которая объективно ставит любого человека в положение потенциальной жертвы [7, с. 90–91].

П. И. Юнацкевич выделяет следующие виды виктимности по различным основаниям:

- по проявлениям в различных жизненных ситуациях: криминальную, экономическую, транспортную, бытовую, и др.;
- по отношению к профессиональной деятельности по обеспечению безопасности: непрофессиональную (общегражданскую) и профессиональную;
- по доминирующим психологическим механизмам: мотивационную, познавательную, эмоционально-волевою, смешанную;

- по психологическому уровню виктимности: слабовыраженную, средневыраженную, сильновыраженную;
- по времени протекания: ситуативную и относительно стабильную.

Однако помимо указанного автор также классифицирует виктимность «по числу участвующих лиц», выделяя индивидуальную, групповую, общественную (массовую) виктимность [7, с. 90]. Представленность в виктимологической науке такого основания для классификации виктимности потенциально позволяет включить в объем и содержания понятия «жертва» коллективный элемент. При этом стоит повторно обратить внимание на позицию Д. В. Ривмана, согласно которой общность людей может быть признана жертвой только в том случае, если все лица, составляющие общность, обладают хотя бы одним объединяющим качеством, обуславливающим их виктимность [См. 18].

Обобщая изложенное, следует заключить, что понятие «жертва» является ключевым для виктимологической науки. Конкретное понимание его объема и содержания отчасти определяет направления формирования и развития системы мер виктимологической профилактики, которая в случае ее эффективности, способна воздействовать на общее состояние преступности, снижая ее показатели. Таким образом, несмотря на некоторую теоретизированность рассматриваемого аспекта, он также имеет достаточно высокое практическое значение.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью : принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года // Организация Объединенных Наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 14.03.2020).
4. Андронникова, О. О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим виктимным поведением / О. О. Андронникова // Вестник ТГПУ. — 2009. — Вып. 9 (87). — С. 21–32.
5. Андронникова, О. О. Роль семьи в формировании неадаптивных форм виктимного поведения детей / О. О. Андронникова // Семья в XXI веке : сб. материалов междунар. эксперт. симп. — Новосибирск, 2013. — С. 156–164.
6. Баймешова, А. Б. К проблеме виктимности личности подростка в современных исследованиях: сущность, виды, факторы возникновения и причины проявления / А. Б. Баймешова, Н. Н. Биктина // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2. — Ч. 2. — URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22522> (дата обращения: 09.03.2020).
7. Бубнова, И. С. Проблема виктимного поведения подростков и его социально-педагогическая профилактика / И. С. Бубнова, А. Г. Терещенко // Психология в экономике и управлении. — 2014. — № 1. — С. 89–93.
8. Варчук, Т. В. Виктимология : учеб. пособие / Т. В. Варчук. — Москва : Юнити-Дана, 2008. — 191 с.
9. Галушко, Д. М. Ювенальная виктимология: криминологические и социально-психологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук / Д. М. Галушко. — Москва, 2002. — 150 с.

10. Грушевский, Д. Н. Социально-педагогическая профилактика виктимного поведения подростков в образовательных учреждениях / Д. Н. Грушевский, Е. Л. Михайлова // Вестник ВДУ. — 2015. — № 4 (88). — С. 98–104.
11. Долговых, М. П. Психологическая детерминация проявления виктимного поведения личности подростка : автореф. дис. ... канд. психолог. наук / М. П. Долговых. — Москва, 2009. — 20 с.
12. Коновалов, В. П. Изучение потерпевших от преступлений с целью совершенствования профилактики правонарушений / В. П. Коновалов. — М. : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. — 72 с.
13. Никитина, Ю. В. Особенности виктимного поведения юношей и девушек / Ю. В. Никитина, М. П. Семкова // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. — 2013. — Вып. 4. — С. 11–21.
14. Одинцова, М. А. Ролевая виктимность в поведении подростков из социально незащищенных семей / М. А. Одинцова // Психологическая наука и образование. — 2012. — № 3. — С. 32–40.
15. Полубинский, В. И. Правовые основы учения о жертве преступления / В. И. Полубинский. — Горький : Изд-во Горьков. высш. шк. МВД СССР, 1979. — 153 с.
16. Рахматуллина, Э. Р. Профилактика виктимности детей подросткового возраста / Э. Р. Рахматуллина // Тенденции и перспективы в сфере социальной работы : материалы IX Междунар. студен. науч. конф. — Москва, 2017. — URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017035908> (дата обращения: 09.03.2020).
17. Ривман, Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений / Д. В. Ривман. — Ленинград : Изд-во ВПУ МВД СССР, 1975. — 153 с.
18. Ривман, Д. В. Криминальная виктимология / Д. В. Ривман // Хрестоматия по юридической психологии. Особенная часть. Криминальная психология. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — С. 33–72. — URL: <http://yurpsy.com/files/xrest/2/197.htm> (дата обращения: 09.03.2020).
19. Сажина, Н. М. Предупреждение педагогических рисков виктимизации подростка / Н. М. Сажина, М. С. Голубь // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. — 2012. — Вып. 1. — С. 127–132.
20. Уголовно-процессуальное право : учебник / под ред. П. А. Лупинской. — Москва : Юрист, 2001. — 696 с.
21. Франк, Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии / Л. В. Франк. — Москва, 1977. — 237 с.
22. Von Hentig, H. Das Verbrechen II. Der Delinquent in Griff der Umweltkrafte / H. von Hentig. — Berlin ; Gottingen ; Heidelberg, 1962. — URL: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-662-41246-6> (дата обращения: 09.03.2020).

Дата поступления: 20.03.2020

Дата принятия к опубликованию: 25.03.2020

Сведения об авторе

Александра Андреевна Суханова — преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. labour@csu.ru

Библиографическое описание: Суханова, А. А. К вопросу об объеме и содержании понятия «жертва»: обзор теоретических позиций виктимологической науки / А. А. Суханова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 26–31.

To the question about the volume and the content of the concept «victim»: a review of the theoretical positions of victimological science

A.A. Sukhanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. labour@csu.ru

This article is devoted to a comprehensive study of the theoretical positions of representatives of victimological science regarding the volume and content of the concept of «victim». The article analyzes the most controversial aspects of understanding the category of «victim» from the point of view of victimology. Based on the results of the study, a conclusion was drawn about the place and role of the concept of «victim» in the system of victimological science, as well as the practical significance of concretizing the understanding of the theoretical problem considered.

Keywords: *victimology, criminal victimology, victim, victimization, victim behavior, victimological prevention.*

References

1. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (v red. ot 18.02.2020) [The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on February 18, 2020)]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.).
2. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 g. № 174-FZ (v red. ot 18.02.2020) [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on February 18, 2020)]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, no. 52 (part I), art. 4921. (In Russ.).
3. Deklaratsiya osnovnykh printsipov pravosudiya dlya zhertv prestupleniy i zloupotrebleniya vlast'yu (prinyata rezolyutsiyey 40/34 General'noy Assamblei OON ot 29 noyabrya 1985 goda) [Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power (adopted by UN General Assembly resolution 40/34 of November 29, 1985)]. *Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsij* [United Nations]. Available at: https://www.un.org/en/documents/decl_conv/declarations/power.shtml, accessed 14.03.2020. (In Russ.).
4. Andronnikova O.O. Osnovnyye kharakteristiki podrostkov s samopovrezhdayushchim viktimnym povedeniyem [The main characteristics of adolescents with self-injuring victim behavior]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of TSPU], 2009, vol. 9 (87), pp. 21–32. (In Russ.).
5. Andronnikova O.O. Rol' sem'i v formirovaniy neadaptivnykh form viktimnogo povedeniya detey [The role of the family in the formation of non-adaptive forms of victim behavior of children]. *Sem'ya v XXI veke: sbornik materialov mezhdunarodnogo ekspertnogo* [Family in the XXI century]. Novosibirsk, 2013. Pp. 156–164. (In Russ.).
6. Baymeshova A.B., Biktina N.N. K probleme viktimnosti lichnosti podrostka v sovremennykh issledovaniyakh: sushchnost', vidy, faktory vozniknoveniya i prichiny proyavleniya [On the problem of victimization of a teenager's personality in modern research: essence, types, factors of occurrence and causes of manifestation]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 2, part 2. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22522>, accessed 09.03.2020. (In Russ.).
7. Bubnova I.S., Tereshchenko A.G. Problema viktimnogo povedeniya podrostkov i yego sotsial'no-pedagogicheskaya profilaktika [The problem of victim behavior of adolescents and its socio-pedagogical prevention]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii* [Psychology in Economics and Management], 2014, no. 1, pp. 89–93. (In Russ.).
8. Varchuk T.V. *Viktimologiya: uchebnoye posobiye* [Victimology: a training manual]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2008. 191 p. (In Russ.).
9. Galushko D.M. Yuvenal'naya viktimologiya: kriminologicheskkiye i sotsial'no-psikhologicheskkiye problemy [Juvenile victimology: criminological and socio-psychological problems]. Thesis. Moscow, 2002. 150 p. (In Russ.).
10. Grushevsky D.N., Mikhailova E.L. Sotsial'no-pedagogicheskaya profilaktika viktimnogo povedeniya podrostkov v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Social and pedagogical prevention of victim behavior of adolescents in educational institutions]. *Vestnik VDU* [Bulletin of VDU], 2015, no. 4 (88), pp. 98–104. (In Russ.).

11. Dolgovykh M.P. Psikhologicheskaya determinatsiya proyavleniya viktimnogo povedeniya lichnosti podrostka [Psychological determination of the manifestation of victim behavior of a teenager's personality] Abstract of thesis. Moscow, 2009. 20 p. (In Russ.).
12. Konovalov V.P. *Izucheniye poterpevshikh ot prestupleniy s tsel'yu sovershenstvovaniya profilaktiki pravonarusheniy* [Studying crime victims with the aim of improving crime prevention]. Moscow, Publishing House of the VNII Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1982. 72 p. (In Russ.).
13. Nikitina Yu.V., Semkova M.P. Osobennosti viktimnogo povedeniya yunoshey i devushek [Features of victim behavior of boys and girls]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Udmurt University. Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy], 2013, iss. 4, pp. 11–21. (In Russ.).
14. Odintsova M.A. Rolevaya viktimnost' v povedenii podrostkov iz sotsial'no nezashchishchennykh semey [Role-playing victimization in the behavior of adolescents from socially vulnerable families]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological Science and Education], 2012, no. 3, pp. 32–40. (In Russ.).
15. Polubinsky V.I. *Pravovyye osnovy ucheniya o zhertve prestupleniya* [The legal basis of the doctrine of the victim of crime]. Gorky, Publishing House of the Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1979. 153 p. (In Russ.).
16. Rakhmatullina E.R. Profilaktika viktimnosti detey podrostkovogo vozrasta [Prevention of victimization of adolescent children]. *Tendentsii i perspektivy v sfere sotsial'noy raboty* [Trends and Prospects in the field of social work]. Moscow, 2017. Available at: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017035908>, accessed 09.03.2020. (In Russ.).
17. Rivman D.V. *Viktimologicheskiye faktory i profilaktika prestupleniy* [Victimological factors and crime prevention]. Leningrad, Publishing house of VPU MVD USSR, 1975. 153 p. (In Russ.).
18. Rivman D.V. Kriminal'naya viktimologiya [Criminal victimology]. *Khrestomatiya po yuridicheskoy psikhologii. Osobennaya chast'. Kriminal'naya psikhologiya* [Chrestomathy in legal psychology. The special part. Criminal Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2002. Pp. 33–72. Available at: <http://yurpsy.com/files/xrest/2/197.htm>, accessed 09.03.2020. (In Russ.).
19. Sazhina N.M., Golub' M.S. Preduprezhdeniye pedagogicheskikh riskov viktimizatsii podrostka [Prevention of pedagogical risks of victimization of a teenager]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of the Adygea State University. Ser.: Pedagogy and psychology], 2012, iss. 1, pp. 127–132. (In Russ.).
20. Lupinskaya P.A. *Ugolovno-protsessual'noye pravo* [Criminal procedure law]. Moscow, Yurist, 2001. 696 p. (In Russ.).
21. Frank L.V. *Poterpevshiy ot prestupleniya i problemy sovetskoy viktimologii* [Victims of crime and problems of Soviet victimology]. Moscow, 1977. 237 p. (In Russ.).
22. Von Hentig H. *Das Verbrechen II. Der Delinquent in Griff der Umweltkrafte* [Crime II. The Delinquent in the Grasp of Environmental Forces]. Berlin, Gottingen, Heidelberg, 1962. Available at: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-662-41246-6>, accessed 09.03.2020.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 34.441
ББК 64.402

DOI 10.47475/2618-8236-2020-15305

Некоторые вопросы определения категории «общие долги» супругов

В. С. Яковлева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В рамках настоящей статьи автором исследуются вопросы, касающиеся определения категории «общие долги супругов». По результатам анализа юридической литературы, норм действующего законодательства и материалов судебной практики делаются выводы, направленные на совершенствование правового регулирования указанной категории.

Ключевые слова: *общие долги супругов, личные долги супруга, ответственность супругов по обязательствам, имущество супругов.*

Начать исследование темы данной статьи представляется целесообразным с утверждения о том, что брачные отношения по своей сути порождают многочисленные права и обязанности супругов. При этом указанные права и обязанности возникают непосредственно с момента осуществления регистрации брака в органах ЗАГС. С момента регистрации брака между супругами возникают в том числе особые отношения по обязательствам (долгам) супругов.

СК РФ достаточно скупое регламентирует данный вопрос, что уже давно является предметом критики в юридической доктрине. При этом СК РФ четко говорит о том, что все обязательства супругов разделяются на две большие группы: личные (п. 1 ст. 45) и общие (п. 2 и 3 ст. 45) обязательства супругов.

В юридической доктрине в наиболее общем виде личные долги супруга подразумевают обязательство, касающееся только одного из супругов. Имеются в виду долги, которые возникли по инициативе одного супруга, без согласия на это другого. При этом важно, чтобы средства использовались для удовлетворения личных нужд супруга. Общие долги супругов — это те обязательства, которые возникли по инициативе супругов в интересах всей семьи, или обязательства одного из супругов, по которым все полученное им было использовано на нужды семьи. Отметим, что в правоприменительной практике особую сложность вызывает определение общих долгов супругов.

Как мы указали выше по тексту, СК РФ содержит всего несколько статей прямо посвященных регулированию долгов супругов и при этом не содержит в себе правовой дефиниции «общие долги супругов» (сделаем замечание о том, что также указанный нормативный правовой акт не содержит дефиниции «личные долги супругов», однако предметом данной статьи является исследование вопроса именно общих долгов супругов, тогда как относительно личных долгов мы будем говорить только в контексте определения категории «общие долги супругов»). Естественно, что нормативный пробел пытается заполнить юридическая доктрина. Так, согласно точке зрения, высказанной А. М. Эрделевским, общие долги супругов — это долги, которые возникают в период брака в связи с осуществлением ведения общего хозяйства, а также совершения каких-либо сделок в интересах семьи, несением юридической ответственности за вред причиненный не достигшими совершеннолетия детьми и т. п.¹ Отметим, что, несмотря на понятную логику вышеуказанной точки зрения, все же мы не можем с ней согласиться по той причине, что данный автор допускает классическую логическую ошибку, определения «неизвестного через неизвестное». А именно категория «совершение сделок в интересах семьи» по своей сути является крайне расплывчатой, она не имеет какого-либо четкого

¹ Эрделевский А. М. Семейный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий // Библиотечка РГ. М., 2006. С. 303.

законодательного понимания, разнится и судебная практика по данному вопросу, не говоря уже о юридической доктрине, соответственно мы не можем с полной уверенностью отнести тот или иной долг к категории «общие долги супругов» исходя из критерия «интерес семьи».

Другой автор, Л. М. Пчелинцева, прямо указывает на то, что общие обязательства супругов есть по сути обязательства, которые возникают в виду инициативы супругов в интересах всей семьи, либо же обязательство одного из супругов, по которому все полученное тратится на нужды семьи¹. В изложенной точке зрения мы также усматриваем ряд недочетов, отмеченных нами выше по тексту, а именно использование расплывчатой категории «интерес семьи». Вместе с тем автор оперирует категорией «нужды семьи», которая на наш взгляд уже является более определенной и легче доказывается на практике.

На наш взгляд, именно категория «нужды семьи» должна стать фундаментальной основой в определении понятия «общий долг супругов». Но при этом ключевой термин «нужды семьи» все равно является оценочным, ввиду того, что предусмотреть весь спектр необходимых семейных расходов на нужды семьи в законодательстве (как и в судебной практике и в юридической науке) попросту нереально. Представляется, что ключевым моментом будет являться предоставление достаточных доказательств относительно факта того, что долг возник в связи с удовлетворением нужд семьи.

В данном случае не важно, образовался ли долг у супруга до брака, или вовремя его, важен сам факт того, что супруг потратил те или иные средства именно на нужды семьи. И аналогично если один из супругов оформил кредит на момент, когда супруги формально еще находились в браке, использовал его по личному усмотрению, супруги на данный момент уже проживали раздельно и фактически брачные отношения между ними были прекращены, то такой долг не может быть признан совместным.

В любом случае, ключевым моментом в данной ситуации будет являться то, что соответствующий орган судебной власти, должен установить, каким конкретно образом имущество было использовано и можно ли считать целью использования данного имущества — удовлетворение потребностей (нужд) семьи. Приведем конкретный пример — денежные средства, взятые одним из супругов по договору займа были потрачены на лечение другого супруга. Можно ли считать подобную трату произведенной на «нужды семьи»? Представляется, что да, ведь

¹ Пчелинцева Л. М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации // Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.04.2020).

лечение являет собой восстановление здоровья одного из членов семьи, что и подтверждается соответствующей судебной практикой (к примеру, Апелляционное определение Московского городского суда от 30.01.2018 по делу № 33-3125/2018²).

Отметим, что значительное количество споров возникает при разделе общих долгов супругов. Полностью рассмотреть весь спектр проблем в данной сфере в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому выделим лишь некоторые из них. Так, суд при установлении факта наличия непогашенной задолженности по кредиту, имеет право отказать в осуществлении раздела тех или иных долговых обязательств. Законоположения СК РФ, касающиеся того, что при осуществлении раздела общего имущества супругов в обязательном порядке должны учитываться общие долги и права требования по обязательствам, которые возникают в интересах семьи, не может прямо свидетельствовать о наличии правовых оснований для взыскания с супруга невыплаченной задолженности по кредитному договору. Подобное апелляционное определение вынесено Московским городским судом 22.11.2017 по делу № 33-47851/2017, который, в свою очередь, указал, что истец в дальнейшем не лишен права защищать свои имущественные права другим способом (в том числе путем изменения кредитного договора, путем взыскания с другого супруга определенной денежной суммы после фактической уплаты кредита и т. п.)³.

Тем не менее у правоприменителя имеется и иная точка зрения относительно вышеуказанного вопроса, а именно, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, п. 3 ст. 39 СК РФ не говорит о том, что обратиться в суд с иском о разделе долгов можно только при условии их полного погашения⁴.

Соответственно, мы можем сделать вывод о том, что обратиться в суд с требованием о разделе долгов, может любой супруг без учета факта погашения/непогашения указанного долга. Более того, в случае непогашения долга, суд в обязательном порядке должен привлечь в процесс кредитора, в качестве третьего лица не заявляющего самостоятельных требований.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 30.01.2018 по делу № 33-3125/2018 // Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.04.2019).

³ Апелляционное определение вынесено Московским городским судом 22.11.2017 по делу № 33-47851/2017// Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.04.2019).

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 08.09.2015 № 5-КГ15-81 // Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.04.2019).

В силу пункту 2 статьи 391 ГК РФ перевод должником своего долга на другое лицо допускается лишь с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным. Таким образом, отсутствие согласия кредитора на перевод долга или его возражения против раздела долга, может привести к решению суда в пользу ответчика. В свою очередь, кредитные организации, предоставившие заемные средства, крайне редко поддерживают требования об изменении кредитного договора, в том числе о переводе части долга на другого гражданина, то есть бывшего супруга, который к тому же не собирается этот долг принимать и погашать, в связи с чем риск невозврата займа значительно увеличивается. Следует обратить внимание, что долги, погашенные в браке, не подлежат разделу по причине того, что их погашение осуществлялось за счет общих доходов супругов¹.

Далее отметим, что рассматривая вопросы общих долгов супругов по ныне действующему законодательству, нельзя не остановиться на кратком анализе положений Проекта Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 15.11.2019 г., касающихся вопросов регулирования общих долгов супругов. В частности, авторами указанного законопроекта предлагается дать более четкое описание в СК РФ состава общего имущества супругов, как совокупности всех «активов» и «пассивов» (долгов), нажитых супругами в браке. Ключевым моментом тут является предложение о новой формулировке ч. 2 ст. 34 СК РФ, а именно указание на то, что в состав общего имущества супругов включаются их общие обязательства (со ссылкой на ст. 45 СК РФ).

Проектом Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законо-

¹ Ладочкина Л. В. Проблемы определения общих долгов супругов // Науки и просвещение. 2016. № 4. С. 100.

дательные акты Российской Федерации» от 15.11.2019 г. предлагается также отнести к общим обязательствам супругов те, которые появились в период брака в результате заключения договора или при неосновательном обогащении. Но здесь есть два исключения. Первое становится актуальным в том случае, если обязательства возникли в период раздельного проживания супругов при прекращении семейных отношений, второе — если все полученное по обязательствам одним из супругов использовалось не на нужды семьи.

Мы полностью поддерживаем авторов указанного законопроекта, считаем, что указанные изменения не только снимут теоретические дискуссии относительно понимания категории «общее имущество супругов», но и устроят имеющиеся пробелы касающиеся понимания обязательств супругов. Но вместе с тем считаем, что помимо вышеизложенных изменений, в нем также должны были найти свое отражение вопросы, связанные с нормативным определением категории «общие долги супругов», о чем мы говорили выше по тексту настоящей статьи. Соответственно, мы приходим к выводу о том, что в настоящее время назрела необходимость расширения правового регулирования обязательств супругов, и в первую очередь, следует подвести «нормативный фундамент» для такого регулирования, введя в СК РФ дефиницию «общие долги супругов». Как нам представляется, данная дефиниция в тексте СК РФ могла бы быть изложена следующим образом: «общие долги супругов есть общая сумма задолженности по обязательствам, возникшим по инициативе обоих супругов для удовлетворения нужд семьи, либо обязательствам одного из супругов, по которым все полученное использовано на нужды семьи (пища, одежда, расходы на жилье, мебель, бытовую технику, обучение общих детей, медицинская помощь, совместный отпуск), либо обязательствам супругов по возмещению вреда, причиненного их несовершеннолетними детьми».

Список литературы

1. Ладочкина, Л. В. Проблемы определения общих долгов супругов / Л. В. Ладочкина // Науки и просвещение. — 2016. — № 4. — С. 100.
2. Пчелинцева, Л. М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Л. М. Пчелинцева // Консультант Плюс: справочные и правовые системы. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.04.2019).
3. Шевченко, А. А. Правовое проблемы признания долга общим обязательствам супругов / А. А. Шевченко // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. — 2018. — № 1. — С. 529.
4. Эрделевский, А. М. Семейный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий / А. М. Эрделевский. — Москва, 2006. — С. 303.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.01.2018 по делу № 33-3125/2018// Консультант Плюс: справочные и правовые системы. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.04.2019).
6. Определение Верховного Суда РФ от 08.09.2015 № 5-КГ15-81 // Консультант Плюс: справочные и правовые системы. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.04.2019).

7. Апелляционное определение вынесено Московским городским судом 22.11.2017 по делу № 33-47851/2017 // Консультант Плюс: справочные и правовые системы. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.04.2019).

Дата поступления: 15.04.2020

Дата принятия к опубликованию: 19.04.2020

Сведения об авторе

Яковлева В. С. — Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. *e-mail*

Библиографическое описание: Яковлева, В. С. Некоторые вопросы определения категории «общие долги» супругов / В. С. Яковлева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 32–35.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 32–35.

Certain issues in determining the category of common debts of spouses

V.S. Yakovleva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. e-mail

Within the framework of this article, the author examines questions regarding the definition of the category “common debts of spouses.” Based on the results of the analysis of legal literature, the norms of the current legislation and the materials of judicial practice, conclusions are made aimed at improving the legal regulation of this category.

Keywords: *common debts of spouses, personal debts of spouse, liability of spouses for obligations, property of spouses.*

References

1. Ladochkina L.V. Problemy opredeleniya obshchikh dolgov suprugov [Problems of determining common debts of spouses]. *Nauki i prosveshchenie* [Science and education], 2016, no. 4, pp. 100. (In Russ.).
2. Pchelintseva L.M. Kommentarii k Semeinomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Commentary on the Family Code of the Russian Federation]. *Konsul'tant Plyus: spravochnye i pravovye sistemy* [Consultant Plus: reference and legal systems]. Available at: www.consultant.ru, accessed 17.04.2019. (In Russ.).
3. Shevchenko A.A. Pravovoe problemy priznaniya dolga obshchim obyazatel'stvam suprugov [The legal problem of recognition of debt by common obligations of spouses]. *Intellektual'nye resursy — regional'nomu razvitiyu* [Intellectual resources — regional development], 2018, no. 1, pp. 529. (In Russ.).
4. Erdelevsky A.M. *Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: postateinyi nauchno-prakticheskii kommentarii* [Family Code of the Russian Federation: article-by-article scientific and practical commentary]. Moscow, 2006. С. 303. (In Russ.).
5. Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 30.01.2018 po delu № 33-3125/2018 [Appeal decision of the Moscow City Court from the 30.01.2018 in case No. 33-3125/2018]. *Konsul'tant Plyus: spravochnye i pravovye sistemy* [Consultant Plus: reference and legal systems]. Available at: www.consultant.ru, accessed 17.04.2019. (In Russ.).
6. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 08.09.2015 № 5-KG15-81 [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.09.2015 No. 5-KG15-81]. *Konsul'tant Plyus: spravochnye i pravovye sistemy* [Consultant Plus: reference and legal systems]. Available at: www.consultant.ru, accessed 17.04.2019. (In Russ.).
7. Apellyatsionnoe opredelenie vyneseno Moskovskim gorodskim sudom 22.11.2017 po delu № 33-47851/2017 [The appeal decision was made by the Moscow City Court 22.11.2017 in case No. 33-47851/2017]. *Konsul'tant Plyus: spravochnye i pravovye sistemy* [Consultant Plus: reference and legal systems]. Available at: www.consultant.ru, accessed 17.04.2019. (In Russ.).

ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

PROBLEMS OF STRENGTHENING LEGALITY AND LAW-ENFORCEMENT

УДК 34.441
ББК 64.401

DOI 10.47475/2618-8236-2020-15306

Ограничить применение меры пресечения в виде заключения под стражу под силу законодателю

С. С. Арсентьева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье анализируются разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, содержащиеся в постановлениях Пленумов и других документах по применению судами меры пресечения в виде заключения под стражу. Изменить судебную практику и ограничить применения самой строгой меры пресечения возможно путем внесения в ст. 108 УПК РФ дополнения о запрете применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых, которым инкриминируется совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, запрет определенных действий, залог, заключение под стражу, преступления небольшой и средней тяжести.

Право на свободу является основополагающим правом человека. Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных законных целях и в установленном законом порядке. Ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей. При разрешении вопросов, связанных с применением законодательства о мерах пресечения, судам, исходя из презумпции невиновности, следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности¹.

В абзаце первом пункта третьего постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2013 года «О практике применения

судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (далее — Пленум № 41, Постановление от 19 декабря 2013 года) содержится разъяснение судам, что при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока ее действия, суд обязан в каждом случае обсуждать возможность применения в отношении лица иной, более мягкой, меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, а также стадии производства по уголовному делу.

Верховным Судом Российской Федерации до этого было подготовлено Обобщение практики Европейского Суда по вопросам, связанным с содержанием лиц под стражей (19 сентября 2013 года),² которое также ориентировало суды на взвешенный подход при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Систематизации позиции Европейского Суда по вопросам защиты прав обвиняемого при избрании мер пресечения в виде заключения под стражу и продлении содержания под стражей Верховным Судом РФ уделяется достаточно внимания.

Так, Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верхов-

¹ Из преамбулы постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 от 19 декабря 2013 года «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». URL: <http://www.vsrf.ru/documents/own/8099/>

² URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=.

ного Суда Российской Федерации в феврале 2020 года подготовлено Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты *права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании суда* (курсив авторов Обобщения — С. А.) (за период с 1 января 2008 г. по 31 января 2020 г.) (далее — Обобщение Верховного Суда РФ 2020 г.).¹

В одной из ссылок, содержащихся в названии данного Обобщения Верховный Суд представил информацию, что и ранее судам направлялись по этой тематике Обобщения.

А именно, в ссылке к названию Обобщения Верховного Суда РФ 2020 г. указано, что ранее направлялось Обобщение практики и правовых позиций Европейского Суда по правам человека, касающихся применения пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (в части обеспечения права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей (2008-2015 гг.)), а также Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании суда (за период с 1 января 2008 г. по 30 ноября 2017 г.).²

Очевиден интерес Верховного Суда РФ к вопросам избрания судами меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей. На это указывают и неоднократно публикуемые Обзоры практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей.

Как указывается в Обзоре ВС РФ 2017 г., анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды при рассмотрении указанных выше ходатайств в основном правильно применяли положения уголовно-процессуального закона, руководствуясь при этом разъяснениями, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ:

- от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24 мая 2016 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (далее — постановление Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41),
- от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 5 марта 2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и между-

народных договоров Российской Федерации»,

- от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»,
- от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 2 апреля 2013 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»,
- от 14 июня 2012 г. № 11 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»,
- от 27 ноября 2012 г. № 26 (ред. от 1 декабря 2015 г.) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»,
- от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней»,
- от 28 января 2014 г. № 2 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»,
- постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. «О рассмотрении результатов обобщения судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений».

Соблюдению этих разъяснений и рекомендаций Верховного Суда РФ уделяется внимание и федеральными судами общей юрисдикции Российской Федерации. Свидетельством этого являются соответствующие документы вышестоящих судов в виде Справок, Обобщений, Обзоров и Методических рекомендаций.

«Судам при рассмотрении ходатайств об избрании и продлении срока применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий, указывается в Обобщении практики применения судами Амурской области требований закона при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и ее продлении, домашнего ареста, запрета определенных действий и залога в I полугодии 2019 года (далее — Обобщение Амурского областного суда),³ в каждом конкретном

¹ https://vsrf.ru/documents/international_practice/28713.

² Там же.

³ Обобщение практики применения судами Амурской области требований закона при избрании меры пресе-

случае следует обсуждать вопрос о возможности применения в отношении подозреваемого, обвиняемого альтернативных мер пресечения с отражением результатов этого рассмотрения в постановлении».

Разработав Методические рекомендации, Свердловский областной суд (далее — Методические рекомендации)¹ отмечает во введении, что вопросы избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу «являются одними из самых актуальных в судебной деятельности. Известно о готовности Европейского Суда по правам человека принять в отношении России специальное пилотное постановление по вопросу заключения подозреваемых, обвиняемых под стражу».

Как отмечается в Справке Саратовского областного суда (далее — Справка Саратовского областного суда 2019 года) по результатам изучения практики применения районными (городскими) судами мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога как альтернативы заключения под стражу в 2018 году,² заключение под стражу — наиболее строгая, ограничивающая свободу личности мера пресечения, которая применяется только при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и допускается исключительно по судебному решению (ст. 108, 109 УПК РФ).

Далее указывается, что изучение «судебной практики показало, что суды в каждом случае обсуждают возможность применения в отношении лица иной, более мягкой меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, а также стадии производства по уголовному делу, дифференцировано подходят к рассмотрению ходатайств органов следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу».

Целью подготовки Обобщения судебной практики Верховного Суда Республики Калмыкия применения мер пресечения в виде заключения под стражу и ее продления, домашнего ареста, запрета определенных действий и залога в I полугодии 2019 года Рассмотрено президиумом Амурского областного суда 7 октября 2019 года http://oblsud.amr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=217.

¹ Методические рекомендации «Постановления суда о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей». Утверждены постановлением президиума областного суда от 06 августа 2014 года http://oblsud.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=200.

² См.: Справка Саратовского областного суда по результатам изучения практики применения районными (городскими) судами мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога как альтернативы заключения под стражу в 2018 году http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=10218.

под стражу, домашнего ареста и залога за период с 2016 года по 1 полугодие 2017 года явилась необходимость обеспечения правильного и единообразного применения норм материального и процессуального закона, выявление судебных ошибок, а также необходимость выработки рекомендаций по устранению недостатков и определению мер по улучшению качества процессуальных документов³.

Можно без труда ознакомиться и с другими Обобщениями областных и приравненных к ним судов по анализу практики применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей, посетив раздел «Документы суда». Мы ограничимся указанными, так как в таких Обобщениях, как правило, анализируются одни и те же ошибки, допускаемых судами.

Можно утверждать, что Верховным Судом Российской Федерации не одному другому вопросу не уделяется столько внимания как судебной практике применения меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении содержания под стражей. Тем не менее актуальность этой темы сохраняется по причине того, что эта проблема не решена. Подтверждением тому являются и перечисленные аналитические документы судов.

Поэтому трудно согласиться с мнением Верховного Суда РФ, приведенным в Обзоре ВС РФ 2017 г. о том, что суды при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу «в основном правильно» применяют положения уголовно-процессуального закона, руководствуясь имеющимися разъяснениями Верховного Суда РФ.

Существование проблемы в судебной практике о необоснованном применении меры пресечения в виде заключения под стражу подтверждает и введение Федеральным законом от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ новой меры пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) в качестве дополнительной альтернативы самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу⁴.

По нашему мнению, введение новой меры пресечения в виде запрета определенных действий не будет способствовать сокращению распростра-

³ См.: Обобщение судебной практики Верховного Суда Республики Калмыкия применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога http://vs.kalm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=374.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.

ненности применения самой строгой меры пресечения, как не устранили эту проблему многочисленные Разъяснения и Обобщения, которые лишь являются подтверждением «нерешенности» данной проблемы.

Думается, к ее решению следует подойти путем введения запретов для правоприменителей на возможность назначения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых, которым инкриминируется

совершение преступлений небольшой и средней тяжести, закрепив это в ст. 108 УПК РФ.

Законодательную инициативу по введению данных запретов в УПК РФ может на себя взять Верховный Суд Российской Федерации, подготовив соответствующий законопроект. При подготовке такого законопроекта следует опираться на опыт, накопленный Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Дата поступления: 20.04.2020

Дата принятия к опубликованию: 30.04.2020

Сведения об авторе

Арсентьева Светлана Степановна — кандидат юридический наук, доцент кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. *Arss-1212@mail.ru*

Библиографическое описание: Арсентьева, С. С. Ограничить применение меры пресечения в виде заключения под стражу под силу законодателю / С. С. Арсентьева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 36–39.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 36–39.

Limit the use of preventive measures in the form of detention in force of the legislator

S.S. Arsentieva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Arss-1212@mail.ru

The article analyzes the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation contained in the decisions of the Plenums and other documents on the use of preventive measures by the courts in the form of detention. It is possible to change judicial practice and limit the application of the strictest preventive measure by adding to Art. 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation a supplement banning the use of a preventive measure in the form of detention against suspects and accused who are charged with committing crimes of minor and moderate severity.

Keywords: *preventive measure, house arrest, prohibition of certain actions, bail, detention, minor and moderate crimes.*

Формирование понимания сущности коррупции и ее проявлений

В. Е. Горюнов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена рассмотрению различных подходов к происхождению и содержанию коррупции как комплексного общественно-социального феномена.

В работе представлены результаты анализа философских, исторических, политических, экономических, психологических и правовых исследований коррупционных проявлений.

Выводы проведенного исследования имеют теоретическое и практическое значение, могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях данного феномена, способствуют развитию комплексного учения о коррупции.

Ключевые слова: *взгляды на коррупцию; исторические этапы эволюции понятия коррупции; модели отражения коррупционных проявлений.*

Слово «коррупция» широко используется в современной научной и общественно-политической литературе. Термин «коррупция» (от лат. «corruptio») имеет множество значений: порча, упадок, подкуп, обольщение, соращение, притон, превратность, расстраивать дела, подвергать разрушению, исказить, фальсифицировать, осквернять, позорить достоинство; приставка «со», употребляемая вместе с многозначным глаголом «gumpere» (разрушать, ломать, преступать закон, расторгать договор), указывает, что коррупция — это действие с участием нескольких субъектов.

Помимо того, латинское «corruptio» означает «подкуп», «разложение»; соращение, извращенность, превратность, расстройство, расшатанность, плохое состояние здоровья. Глагол «коррумпировать» трактуется в современной российской научной литературе как подкуп, продажность общественных и политических деятелей, должностных лиц, т. е. как преступная деятельность в политической, экономической, военной и других сферах, заключающаяся в использовании должностными лицами своих властных возможностей и служебного положения в целях личного обогащения. Обобщенно это означает «подкупать кого-либо деньгами или иными материальными благами».

Обращаясь к языку лингвистики можно констатировать, что термин является полисемичным (многозначным). Однако из всех его значений есть одно, которое и легло в основу этимологического критерия. Это значение — подкуп [13, с. 14]. В историческом контексте эпохи, коррупция рассматривается прежде всего как взяточничество.

В римском праве термин «соггумпире» понимается как «разламывать, портить, разрушать, повреждать, фальсифицировать, подкупать», а также «соращение, упадок, извращенность, плохое состояние, превратность (мнения или

взгляда)». Наравне с общепринятыми формулировками термина «коррупция», есть мнение, что латинский термин «corruptio» происходит от двух корневых слов «cor» (сердце, душа, дух, рассудок) и «ruptum» (портить, разрушать). Поэтому сущность коррупции состоит не в подкупе лиц, имеющие соответствующее должностное положение, не в их личном обогащении, а в разрушении единства (разложении, распаде) социальной системы, в том числе системы государственной власти, измене законных интересов государства, сограждан посредством корыстного использования своего положения в обществе в личных целях.

Коррупция как социальный феномен представляет собой такое же «древнее явление, как и социальный порядок, управляющий жизнью людей, каков бы ни был этот социальный порядок» [2, с. 5]. Так, существование обычаев, направленных на дачу-получение различного рода взяток (в том числе получаемых в качестве даров и подношений), упоминается с начала известных науке времен: мыслители Древнего Востока (включая Индию и Китай), античности, средневекового арабского мира — в той или иной мере пытаются осмыслить, оценить данное явление и противостоять ему.

Рассмотрение классических правовых источников обнаруживает, что коррупция возникла практически одновременно с появлением управленческого аппарата и была в той или иной степени характерна всем странам в различные исторические этапы развития.

В истории цивилизованного человечества коррупция имеет очень глубокие корни. Вероятно, в основе современной коррупции лежит обычай древнего мира совершать подношения вождям и жрецам, чтобы добиться их расположения, традиционная дипломатическая практика обмена подарками и т. п. Однако уже задолго до появления понятия «коррупция» элита и общество

различали подношения легальные и, так сказать, избыточные. Одно из древнейших упоминаний о коррупции встречается еще в клинописях древнего Вавилона. Расшифрованные тексты середины третьего тысячелетия до нашей эры свидетельствуют о том, что уже тогда перед шумерским царем Урукагином весьма остро стояла проблема пресечения злоупотреблений судей и чиновников, требовавших незаконные вознаграждения. [18, с. 28-29]

Первые упоминания о борьбе с коррупцией государственными средствами историки относят к XXIV в. до н. э. — временам шумерского правителя Урукагина (Уруинимгина) (2319—2311 гг. до н. э.) организовавшего реформу государственного аппарата с целью пресечения злоупотреблений со стороны чиновников и установившего ответственность за коррупционные деяния. Таким образом, на наличие ответственности за взяточничество около четырех тысячелетий назад в Древнем Вавилоне указывали законы царя Хаммурапи, ставшими одними из первых свидетельств существования коррупции, а также законы египетских фараонов.

Древнеиндийские законы Ману, составленные в одной из брахманских школ между II в. до н. э. и II в. н. э., выступают памятником древнеиндийского права. Данный сборник предписаний и правил, предписывает поведение индуса как в частной, так и в общественной жизни в соответствии с принятыми религиозными и этическими догматами брахманизма, а также включают наставления об управлении государством и по судопроизводству. Законы требовали от судейских чиновников «руководствоваться правилами судопроизводства» и не забывать о том, что «несправедливым решением можно лишиться себя вечного блаженства, заключающегося в достижении неба».

С самыми различными проявлениями коррупции сталкивались и правители древнего Египта. В обнаруженных документах зафиксированы массовые проявления коррупции и в Иерусалиме в период после Вавилонского пленения евреев в 597—538 гг. до н. э.

В древнеиндийском трактате по искусству управления государством «Артхашастра» (IV в. до н. э.) подчеркивается, что важнейшей задачей, стоящей перед царем, является борьба с казнокрадством. В трактате перечисляются 40 способов хищения казенного имущества и делается малоутешительный вывод о том, что легче угадать путь птиц в небесах, чем уловки хитроумных чиновников. «Подобно тому, как нельзя распознать, пьют ли воду плавающие во глубине вод рыбы (или не пьют), так и невозможно узнать, присваивают ли (или же нет) богатство чиновники, приставленные к выполнению дел» [5,

с. 75]. Основным средством борьбы с казнокрадством становится слежка, при которой доносчик получал долю имущества, конфискованного у лица, осужденного за должностное преступление.

Не избежала проявлений коррупции и античная эпоха. До наших дней дошло ставшее крылатым выражение царя Филиппа II Македонского (382—336 до н. э.). Когда он хотел взять одно хорошо укрепленное место, а лазутчики доложили, будто оно отовсюду труднодоступно и необозримо, он спросил: «Так ли уж труднодоступно, чтобы не прошел и осел с грузом золота?» [17, с. 178]

Довольно широкие познания относительно коррупции содержатся в античных источниках. Древнегреческие мыслители Платон и Аристотель в своих работах неоднократно указывали на разлагающее и разрушающее воздействие злоупотребления властью и взяточничества на экономическую, политическую и духовную жизнь общества, именовали корысть причиной коррупции, недопустимой в государственном управлении.

Правильная организация управления государством, по мнению Платона, способна обуздать и сделать невозможным корыстолюбие правителей, в котором Платон видит источник гибели государства. В своих работах «Политик» и «Законы» Платон указывал на первоочередность реформирования именно тех структур, которые в наибольшей степени подвержены злоупотреблениям.

Аристотель в произведении «Политика» определял коррупцию в качестве основного фактора, способного привести государство если не к гибели, то к вырождению. Противодействие коррупции Аристотель полагал основой в обеспечении государственной стабильности: «Самое главное при всяком государственном строе — это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» (Книга пятая, раздел VII, п. 9) [3, с. 88].

Позднее Гегелем (1770—1831) было подмечено: «В Афинах существовал закон, предписывающий каждому гражданину отчитываться, на какие средства он живет; теперь же полагают, что это никого не касается» [22, с. 269].

Собственно в римском праве термин «коррупция» приобрел юридическую форму. Показательным примером является древнейший сводов римского права — Законы XII таблиц середины V в. до н. э., (451—450 гг.). лат. *leges duodecim tabularum*), в котором термин «*corrumpere*» применяется в значении обмена за деньги показаний в суде и подкупа судьи: Таблица IX ст. 3 (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 17: «Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертной казнью того судью или посредника, которые были назначены при

судоговорении [для разбирательства дела] и были уличены в том, что приняли денежную мзду по [этому] делу» [24, с. 13].

Обобщенно термин «коррупция» в Древнем Риме понимался как противоправное действие, совершенное судьей или иным должностным лицом в процессе судопроизводства. В дальнейшем это понятие стало применяться в отношении злоупотреблений должностных лиц. Так же применялся термин «*conruptio*», имеющий до пятнадцати значений. Среди которых — «расстраивать дела», «расточать состояние», «искажать смысл», «фальсифицировать результаты», «искажать действительность», «подкупать кого-либо».

В теории отмечается, что позднеимперская государственная система была коррумпирована на всех уровнях. Коррупция проявлялась непосредственно в области административных отношений, в фискальной сфере, в системе судопроизводства и порождала неэффективность государства в целом [19, с. 7]. Необходимо отметить, что разрушительное влияние коррупции на государство стало одной из причин распада Римской империи.

Сходное, и вместе с тем более широкое значение термин имел и в античной Греции, где под коррупцией понималось «повреждать желудок плохой пищей», «расстраивать дела», «расточать состояние», «приводить в упадок нравы», «поджигать имущество», «губить свободу», «обольщать женщин», «развращать молодежь», «искажать смысл», «фальсифицировать результаты», «искажать действительность». Такой подход к определению коррупции в античной Греции свидетельствует о глобальном значении, которое придавалось этому явлению. Возможно, коррупцию приравнивали к этическим категориям, наравне с добром, злом, справедливостью и др.

Например, Аристотель (384—322 до н. э.), описывая государственное устройство Спарты в «Политике», отмечает: «Плохо обстоит дело и с эфорией. Эта власть ведает у них важнейшими отраслями управления; пополняется же она из среды всего гражданского населения, так что в состав правительства попадают зачастую люди совсем бедные, которых вследствие их необеспеченности легко можно подкупить, и в прежнее время такие подкупы нередко случались, да и недавно они имели место в андроском деле, когда некоторые из эфоров, соблазненные деньгами, погубили все государство, по крайней мере насколько это от них зависело» [8, с. 494].

Весьма специфичной была коррупция в древнеазиатских государствах, прежде всего, в Древнем Китае и Японии. Специфика коррупционных проявлений (в современном понимании) предопределялась господствующими в то время

религиозными верованиями. Конфуцианство рассматривало государство как «большую семью», где подарки «старшим» считались нормой поведения. Основой общественного устройства в Китае была предписываемая конфуцианством «Гуаньси»¹ — система неформальных социальных связей, построенных обычно по семейному (клановому) принципу. В широком смысле слова термин «Гуаньси» означает межличностные связи и продолжительный обмен любезностями. Это больше, чем дружба или простые отношения, так как, состоя в «гуаньси», индивид не может отказать в помощи другому человеку из своей сети контактов. «Гуаньси» помогают решить различные вопросы и конфликты, не прибегая к официальным институтам власти [7, с. 3].

Неразрывная связь политики и морали со временем трансформировалась в манипулирование бюрократами моральной составляющей жизни общества в своих интересах. В конечном итоге это не могло не привести к формированию пренебрежительного отношения к закону и постепенному возвышению над ним чиновничества.

Во времена Средневековья термин «коррупция» получает исключительно церковное, каноническое значение и теологическую акцентировку, как «обольщение», «соблазн дьявола» и «грех». В связи с этим, латинский термин «*conruptibilitas*» означает брэнность человека, подверженность разрушению. Коррупция в богословии католицизма стала проявлением греховности.

Важным шагом к осмыслению коррупции стали труды итальянского мыслителя и политического деятеля Николо Макиавелли (1469—1527). В своей работе «Государь» он определял коррупцию как «использование публичных возможностей в частных интересах» [11, с. 286], сравнивал коррупцию с болезнью, которую вначале трудно распознать, но легче лечить, а когда она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно.

Английский государственный деятель философ-материалист Томас Гоббс (1588—1679) в работе «Левиафан» отмечает: «обычно люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем коррумпирования государственной юстиции или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения» [21, с. 204].

Коррупция, согласно Томаса Гоббса (1588—1679), «есть корень, из которого вытекает во все времена и при всяких соблазнах презрение ко всем законам» [21, с. 208]. Вывод, сделанный в

¹ Китайский термин, в русском языке толкуемый как «связи», «кумовство», «круговая порука», «блат». В оригинале не несет в себе отрицательной окраски и обозначает помощь, поддержку, услугу.

середине XVII века, оказался актуален и в XXI веке.

Немецкий философ Максимилиан Карл Эмиль Вебер известный как Макс Вебер (1864–1920) также внес значительный вклад в развитие представлений о коррупции. В работе «Политика как призвание и профессия» ученый выделил два способа сделать из политики свою профессию: либо жить «для» политики, либо жить «за счет» политики и «политикой» («von» der Politik), сделать из политики свою профессию и призвание: «либо жить «для» политики, либо жить «за счет» политики. [6, с. 653] «За счет» политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода; «для» политики — тот, у кого иная цель». [6, с. 654] Вебер считал, что взяточничество и коррупция являются неотъемлемым свойством административного аппарата, который был свойственен средневековому обществу.

Коррупционные отношения развивались и в более поздние периоды всемирной истории. Католическая церковь считала коррупцию проявлением греховности. Святой Апостол Иоанн Богослов в первом соборном послании в главе 3. п. 4 писал: «Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие». [16] Послание адресовано, прежде всего, христианам Малой Азии с целью предостережение от лжеучителей. Послание даже в большей степени обращено к вождям церкви, которые должны быть верными в своих духовных воззрениях.

Тем не менее, по многочисленным свидетельствам современников, господствовавшая в средневековой Европе католическая церковь сама была средоточием коррупции (открытая торговля индульгенциями, покупка и продажа церковных санов). [18, с. 30]

Английский философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626) писал о коррупции: «Многие, думая, что они смогут все купить за свои богатства, сами прежде всего продали себя» [23, с. 221]. Французский мыслитель и историк Франсуа Вольтер (1694–1778) писал: «великие горести оказываются всегда плодом необузданного корыстолюбия» [20, с. 81]. Таким образом, именно в XV–XVIII вв. понятие коррупции начало приобретать современный смысл. В табл. 1 в хронологическом порядке представлены авторы, чьи высказывания о коррупции вошли в историю правовой науки.

В теории обращается внимание на существование в догосударственном обществе предкоррупционного обычая в виде подношения (подарка, подкупа), который представлял собой элемент легального первобытного механизма перераспределения общественных благ и в этой связи не являлся вредным деянием, а наоборот поощрялся

нормами морали (нравственности) и сыграл существенную роль в дальнейшей эволюции общества до государства. [4, с. 25]

Происхождению коррупции предшествовал продолжительный эволюционный процесс, основанный на объективном социальном неравенстве всех членов социума, в ходе которого возникла возможность извлечения различных, прежде всего, личных благ извлеченных непосредственно из своего социального положения.

Проведенный анализ научной литературы доказывает, что коррупция появилась достаточно давно с возникновением управленческого аппарата, не уступает по своей древности человеческой цивилизации и возникает в тех сферах, где государственные служащие реализуют организационные, исполнительно-распорядительные, контрольно-надзорные, юрисдикционные, а также разрешительные полномочия. [10, с. 1-2] Она является одной из самых старых форм общественно-опасного человеческого общения, появление которого неразрывно связано с образованием государства и возникновением группы лиц, выполняющие властные функции. [9, с. 11]

Установлено, что о существовании коррупции в древних цивилизациях говорят многочисленные письменные памятники минувших эпох. В теории выделяется три исторических этапа эволюции понятия коррупции, к которым относят: классический; средневековый и нового времени. [13, с. 14] В табл. 2 представлены исторические этапы эволюции понятия коррупции

Первый этап — «классический» — продолжался с VI в. до н. э. до V–VI вв. н.э. В это время появляется осмысление коррупции. Первоначально основой смысла коррупции была древнегреческая форма: «καταλῦσις» значение которой в более поздний период воспримет латинская форма «corruption». Платон и Аристотель неоднократно употребляли термин «καταλύσις» в отношении власти гибнущей, терпящей упадок, одной из основных причин которого является корыстолюбие правителей.

В уникальном артефакте древневосточного права — своде законов вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) в § 5 указано, что если судья разобрал дело, принял решение и изготовил документ с печатью, а затем решение свое изменил, то этого судью следует изблечить в изменении решения, которое он постановил, и исковую сумму, имевшуюся в этом деле, он должен уплатить в двенадцатикратном размере. Кроме того, в судебном собрании его должны согнать с его судейского кресла и он не должен возвращаться и заседать вместе с судьями в суде. [9, с. 11]

Содержится упоминание о коррупции и в величайшем памятнике римского права — Законах

Таблица 1

Отражение понимания коррупции в законах и трудах мыслителей

Фамилия	Период жизни	Вид документа	Наименование работы
Царь Урукагина (Уруинимгина)	2319–2311 гг. до н. э.	закон	Реформы Уруинимгины
Царь Хаммурапи	1792–1750 гг. до н. э.	закон	Законодательные сборники царя Хаммурапи
Платон	Между 427 и 347 до н. э.	труды	1. Политик; 2. Законы
Фукид (Фукидид)	ок. 460 – ок. 400 до н. э.	труд	Истории Пелопоннесской войны
Аристотель	384–322 до н. э.	труд	Политика
Царь Филип II Македонский	382–336 до н. э.	высказывание	
Каутилья (Кауталья или Вишна-гупта)	321–297 гг. до н. э.	трактат	Артхашастра или Наука политики
Ману-смрити	между II в. до н. э. и II в. н. э.	кодекс правил	Законы Ману
Святой Апостол Иоанн Богослов	1–11 г. – около 101 г.	письмо	Первое соборное послание
Законы XII таблиц	451–450 гг.	закон	Институции Гая. Дигесты Юстиниана
Николо Макиавелли	1469–1527 гг.	труд	Государь
Фрэнсис Бэкон	1561–1626 гг.	труд	Великое восстановление наук
Томас Гоббс	1588–1679 гг.	труд	Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского
Уильям Петти	1623–1687 гг.	труд	Политическая арифметика
Франсуа Мари Аруэ, Вольтер	1694–1778 гг.	труд	Карманный философский словарь
Монтескье, Шарль де	1689–1755 гг.	труд	1. О духе законов. 2. О трех различных образах правления
Георг Вильгельм Фридрих Гегель	1770–1831 гг.	труд	Философия права
Ламбер Адольф Жак Кетле	1796–1874 гг.	труд	О человеке и развитии его способностей
Франц фон Лист	1851–1919 гг.	труд	Преступление как социально-патологическое явление
Максимилиан Карл Эмиль Вебер	1864–1920 гг.	труд	Политика как призвание и профессия

Таблица 2

Исторические этапы эволюции понятия коррупции

Периодизация этапов	Тип	Период
Первый этап	Классический	с VI в. до н. э. до V–VI вв. н. э.
Второй этап	Средневековье	V–XVI вв. н.э.
Третий этап	Новое время	XVI – начало XIX вв.

двенадцати таблиц: Таблица IX. 3. Авл. Гений. Аттические ночи, XX. 17: «Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертною казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорения [для разбирательства дела] и были уличены в том, что приняли денежную мзду по [этому] делу?»

Упоминания о коррупции встречаются в Библии: «Князья твои законопреступники и сообщники воров, все они любят подарки и гонятся за мздою», «Горе тем, которые за подарки

оправдывают виновного и правых лишают законного» (Книга пророка Исайи, 5, 23); «Угощение и подарки ослепляют глаза мудрых и, как бы узда в устах, отвращает обличие» (Ветхий Завет. Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, 20, 29) [9, с. 12].

Следующим эволюционным периодом понимания коррупции является Средневековье (V–XVI вв. н. э.) [13, с. 15].

В средневековый период само понимание corruption («коррупция») эволюционировало,

сменив греческий термин «καταλύσις», — официального языка католического богослужения. Коррупция толкуется как брэнность человеческого бытия (*corruptibilitas*), греховность и подверженность дьявольскому обольщению, ведущему к гибели души. Коррупция в своем теологическом трактовании практически полностью укладывалась в концепцию греха, которое позволяет сконцентрировать ответственность на самом грешнике, т. е. субъекте, отступившем от истины. Дословно *corruption* в схоластике означает «разрушение, разложение; изменение в категории «субстанция»; противоположность порождению, зарождению».

Третьим эволюционным типом понимания коррупции становится этактизм, сложившийся в рамках классической научной рациональности в период Нового времени. Его возникновение стало результатом утраты религиозного значения правовой культуры. В данном контексте право не обладает более трансцендентным (божественным) значением, а является единственно продуктом государственной власти [13, с. 16].

Становление современного учения о природе коррупции в Новое время, послужившим качественно новым периодом в его становлении. Это понимание стало осознаться, прежде всего, как негативное и непосредственно связанное с механизмом осуществления государственной власти. Понимание коррупции, ее комплексного характера, а так же той негативной роли, которую коррупция выполняет, компрометируя власть и снижая ее авторитет в глазах своих граждан, что позволило феномене коррупции как о преступлении. Таким образом, непреднамеренное неправое и обман, становятся объектами разоблачения [13, с. 16].

Современное понимание коррупции как системы использования публичных возможностей в личных интересах сформулировал в XVI веке Никколо Макиавелли в своей работе «Государь», давая исчерпывающие характеристики советникам государей. Он, в частности, подчеркивал: «Есть один безошибочный способ узнать, чего стоит помощник. Если он больше заботится о себе, чем о государе, и во всяком деле ищет своей выгоды, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет на него положиться» [9, с. 12].

Важным событием в правовой жизни новоевропейского общества стало осознание тенденции проявления коррупции в юридическом дискурсе. Окончательную же закономерность и фиксацию в качестве стабильного крайне негативного социального феномена коррупция приобрела после того, когда стала рассматриваться в качестве самостоятельного объекта научного исследования. Этому способствовала развивающаяся в этот период криминальная статистика.

Первопроходцами в данной области стали английские юристы, которые в XVII веке первыми пришли к пониманию закономерностей кажущихся случайными событий человеческой жизни. По словам Ф. Листа, последователи этих «политических арифметиков»¹ сделали важный шаг в том, что усмотрели закономерность всех человеческих поступков, представляющих интерес с точки зрения юриста и моралиста. В результате их деятельности возникла статистика нравственности², основателем которой в XVIII веке считается бельгийский астроном А. Ж. Кетле. Это обстоятельство явилось основанием для того, чтобы поставить явление коррупции на «эмпирические рельсы» — ими послужили статистические данные о выявленных фактах подкупа. Именно в этом, по мнению Д. В. Мирошниченко, видится источник современного конвенционального определения коррупции [13, с. 18].

При этом пределы коррупции в разное время и в разных странах не одинаковы. Эпохи, отстоящие друг от друга на тысячелетия, различные социокультурные реалии, неодинаковые политические условия — все это обусловило разнообразие, как самих коррупционных проявлений, так и различных подходов к их осмыслению.

Так, А. Б. Артемьев на основе исследования механизмов государств: Лагаша, Древнего Вавилона, Древнего Египта, Персии, Византии, Арабского Халифата, Государства Франков пришел к выводу об их примитивности, поскольку в их основе лежал принцип кормления с утвердившимся коррупционным обычаем. Усилия верховной государственной власти были направлены не на подавление произвола и коррупции, а на пополнение государственной казны. Возникшие на территории Африки первые государства Аксум (IV—X вв.), Гана (X в.), Мали (XI—XV вв.), Сонгаи (XV—XVI вв.), Бенин, Конго, Ангола (XIII в.) и т. п. сохраняли общинный жизненный уклад и родоплеменной строй, что в сочетании с проникшими на данные территории из

¹ Политическая арифметика (от греч. *arithmus* — число и *politike* — искусство управлять государством)

² Нравственная статистика (*Moralstatistik*, *Statistique Morale*) — изучает массовые проявления человеческой деятельности вне сферы хозяйственных отношений. Вместе с демографией, рассматривающей биологические процессы, в которых человек играет лишь пассивную роль, и экономической статистикой, предмет которой — человеческая деятельность, направленная на обеспечение общества материальными благами, нравственная статистика представляет собою науку о массовых явлениях общественной жизни (Нравственная статистика. Толкование // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1890—1907. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/73447/Нравственная_\(дата_обращения:_08.05.2020\)](https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/73447/Нравственная_(дата_обращения:_08.05.2020))).

более развитых мусульманских стран взглядами на государственный аппарат создало условия для фактического разграбления общинного населения чиновниками и высокой коррумпированности государственных аппаратов [4, с. 37].

Необходимо отметить, что мировое сообщество вынуждено признать: «коррупция может быть выражена в виде различных правонарушений и проступков: этических, дисциплинарных, административных и уголовных» [12, с. 14]. При этом, какие-либо критерии для их соотношения в международно-правовых документах не выявлены.

Анализ источников показывает, что основными мотивами, побуждающими чиновников совершать правонарушения, стали корыстное желание продвинуться по карьерной лестнице и мотивы личного обогащения, используя предоставленные в силу должностного статуса полномочия. Указанные мотивы обуславливали и основные формы, в которых проявляется коррупция в административной среде. Это, в первую очередь, подкуп с целью назначения на ту или иную должность и, как следствие, фактическая продажа должностей. Негативными последствиями обладало использование личных связей, в том числе родственных, на государственной службе. Факт злоупотребления ими подтверждается неоднократными требованиями императоров запретить провинциальным руководителям назначать на должности в провинциальных ведомствах людей, лично связанных с ними. Коррупция в административной среде проявлялась также в использовании предоставленных в силу должностного статуса полномочий в целях личного обогащения [19, с. 20].

Феномен коррупции привлекал внимание ученых практически одновременно с появлением государства как социального института. Аристотель, Платон, Фукид и Макиавелли рассматривали коррупцию как социальную болезнь, или, иными словами, как препятствие на пути легитимной политики [1, с. 5]. Указанные философы пытались найти четкие и емкие определения коррупции и затем уже на основе найденных определений характеризовать моральное состояние общества в целом [1, с. 15]. Шарль Монтескье

(1689–1755) писал: «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [14, с. 289]. Эти слова просветителя всецело подтверждены историей. Е. А. Музалевская обнаруживает исторические корни понятий мздоимства и лихоимства на Руси в X–XII вв. этих явлений в вассальной системе [15, с. 7].

На основе анализа обычаев и национальных традиций, в теории выделяют три модели отражения коррупционных проявлений, как в общественном сознании, так и в правовой науке, к которой относят: 1) азиатскую модель; 2) африканскую модель; 3) латиноамериканскую модель. В табл. 3 представлены модели отражения коррупционных проявлений.

Согласно азиатской модели коррупция является привычным и общественно приемлемым культурным и экономическим явлением, связанным с функционированием государства.

Согласно африканской модели власть аффилирована с группой основных экономических кланов. Коррупция в данном случае позволяет политическими средствами обеспечить надежность их существования. Данная модель характеризуется следующими условиями: 1) политическая власть в стране остается неконсолидированной; 2) финансово-бюрократические группы под давлением инстинкта самосохранения прекращают противостояние и договариваются между собой; 3) формируется олигархический консенсус между консолидированными финансово-бюрократическими группами и частью политической элиты.

Латиноамериканская модель фактически поощряет коррупцию, которое дает возможность теневым структурам могущество и власть, соизмеримое с государственным. Такое понимание коррупции, по мнению М. С. Качелина, фактически означает формальное противодействие этому явлению. Это проявляется или как отсутствие антикоррупционного законодательства, или как фрагментарное правовое регулирование этого явления. [9, с. 13–14]

Начало Нового времени, появление в Европе централизованных государств привело к транс-

Таблица 3

Модели отражения коррупционных проявлений

Тип модели	Характеристика модели
Азиатская модель	Коррупция является привычным и общественно приемлемым культурным и экономическим явлением, связанным с функционированием государства
Африканская модель	Власть аффилирована с группой основных экономических кланов. Коррупция в данном случае позволяет политическими средствами обеспечить надежность их существования
Латиноамериканская модель	Политическая власть все в большей степени становится «товаром»

формации коррупционных проявлений и восприятия обществом коррупции как социально-правового явления (коррупция стала восприниматься как серьезная общественная проблема, признак «больного» общества).

Появление значительного объема финансовых средств, связанных со сменой исторических формаций, как результат индустриализации, привела не только к экономическому росту, но и к увеличению спектра общественного распределения и повышению значения властных решений. Политическая власть все в большей степени становилась «товаром» на рынке. Победившая буржуазия активно участвовала в коррумпировании высших должностных лиц, а зачастую и «покупала» государственные должности. В Англии XVIII в. впервые стали говорить о случаях «парламентской» коррупции.

В XX в. коррупционные явления получают свое дальнейшее развитие. Разделение мира на два лагеря с различным социально-экономическим и политическим устройством не устранило

проблемы коррупции, а наоборот, продемонстрировало универсальность коррупции и ее высокий потенциал адаптации к меняющимся внешним и внутренним условиям [18, с. 31].

Развитие капитализма, рост благосостояния в Западной Европе и США, постепенный переход к постиндустриальному обществу высветили противоречия в самой сути капиталистического строя. В том числе это выразилось в масштабной коррупции правящих кругов Запада.

Первые серьезные научные исследования коррупции в мире появились только в 70–80 гг. XX в., например *Political Corruption: A Handbook* [25]. В этих исследованиях наметился подход к коррупции как к универсальному социальному явлению, имеющему международное значение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирование понятия сущности коррупции и ее внешних проявлений на сегодня окончательно не сформировано и является предметом исследования различных научных направлений.

Список литературы

1. Алакшина, И. С. Коррупции как элемент социальной действительности современного российского общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук / И. С. Алакшина. — Краснодар, 2005. — 28 с.
2. Антикоррупционная политика : учеб. пособие для вузов / Г. А. Сатаров, М. И. Левин, Е. В. Батракова и др. ; под ред. Г. А. Сатарова. — Москва : Фонд ИНДЕМ, 2004. — 367 с.
3. Аристотель. Политика / Аристотель ; пер. с древнегреч. С. А. Жебелева — Москва : АСТ, 2016 — 384 с.
4. Артемьев, А. Б. Коррупция в механизме функционирования государства (теоретико-правовое исследование в рамках эволюционного подхода) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Б. Артемьев. — Москва, 2015 — 60 с.
5. Артахаштра, или Наука политики : пер. с санскрита / изд. подгот. В. И. Кальянов. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 793 с.
6. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — Москва : Прогресс, 1990 — 808 с.
7. Веселова, Л. С. Институт «гуаньси» в социальной и культурной истории КНР : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. С. Веселова. — Санкт-Петербург, 2015 — 30 с.
8. Древнегреческая философия: От Платона до Аристотеля : пер. с лат. и древнегреч. — Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003 — 829 с.
9. Качелин, М. С. Международно-правовые аспекты борьбы с коррупцией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Качелин. — Москва, 2010 — 20 с.
10. Колчеманов, Д. Н. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в системах государственной службы зарубежных государств и возможности использования зарубежного опыта в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. Н. Колчеманов. — Москва, 2009 — 21 с.
11. Макиавелли, Н. Государь // Н. Макиавелли. Сочинения. — Москва : Эксмо-пресс, 2001. — 656 с.
12. Марьина, Е. В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Марьина. — Самара, 2010 — 24 с.
13. Мирошниченко, Д. В. Коррупция и уголовно-правовое воздействие на нее : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Мирошниченко. — Саратов, 2009 — 30 с.
14. Монтестье, Ш. Л. Избранные произведения / Ш. Л. Монтестье ; общая ред. и вступ. ст. М. П. Баскина ; Акад. наук СССР. Ин-т философии. — Москва : Госполитиздат, 1955. — 800 с.
15. Музалевская, Е. А. Коррупция в системе государственной службы в России: истоки и тенденции (1992–2005 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Музалевская. — Москва, 2006 — 22 с.

16. Библия. Синодальный перевод. Новый завет. Первое послание Иоанн. URL: <https://www.planeta.one/bible/n.htm> (дата обращения: 11.05.2020)
17. Плутарх. Застольные беседы / Плутарх ; перевод М. Л. Гаспарова. — Ленинград : Наука, 1990. — 208 с.
18. Противодействие коррупции: учебное пособие / сост. А. М. Межведилов, Л. Т. Бакулина, И. О. Антонов, М. В. Талан и др. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. — 192 с.
19. Сахаров, С. А. Система государственной власти и проблема коррупции в поздней римской империи (по данным «Кодекса Феодосия») : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. А. Сахаров. — Белгород, 2013 — 25 с.
20. Семь смертных грехов и семь добродетелей / авт.-сост. А. Ю. Кожевников, Т. Б. Линдберг. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 303 с.
21. Гоббс, Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. — Москва : Мысль — 2001 — 478 с.
22. Философия права : пер. с нем. — Москва : Мысль, 1990. — 524 с.
23. Бэкон, Ф. Великое восстановление наук. Разделение наук VI. Богатство / Ф. Бэкон. — URL: https://royallib.com/book/bekon_frensis/velikoe_vosstanovlenie_nauk_razdelenie_nauk.html (дата обращения: 08.05.2020)
24. Памятники римского права: законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — Москва : Зерцало, 1997. — 608 с.
25. Political Corruption : a Handbook / eds. A. J. Heidenheimer, M. Johnston, V. T. LeVine. — New Brunswick : Transaction Books, 1989. — P. XVI, 1017.

Дата поступления: 20.09.2020

Дата принятия к опубликованию: 25.09.2020

Сведения об авторе

Горюнов Владимир Евгеньевич — кандидат юридических наук, доцент Института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. labour@csu.ru

Библиографическое описание: Горюнов, В. Е. Формирование понимания сущности коррупции и ее проявлений / В. Е. Горюнов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 40—49.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 40—49.

Formation of understanding of essence of corruption and its displays

V.E. Goryunov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. labour@csu.ru

Article is devoted consideration of various approaches to an origin and the corruption maintenance as complex socially-social phenomenon.

In work results of the analysis of philosophical, historical, political, economic, psychological and legal researches of corruption displays are presented.

Conclusions of the conducted research have theoretical and practical value, can be used in the further scientific researches of the given phenomenon, promote development of the complex doctrine about corruption.

Keywords: *sights at corruption; historical stages of evolution of concept of corruption; models of reflexion of corruption displays.*

References

1. Alakshina I.S. *Korrupsii kak element sotsial'noi deistvitel'nosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Corruption as an element of the social reality of modern Russian society]. Abstract of thesis. Krasnodar, 2005. 28 p. (In Russ.).
2. *Antikorrupsionnaya politika* [Anti-corruption policy]. Moscow, INDEM Foundation, 2004. 367 p. (In Russ.).
3. Aristotel'. *Politika* [Politics] Moscow, AST, 2016 384 p. (In Russ.).

4. Artemyev A.B. *Korrupsiya v mekhanizme funktsionirovaniya gosudarstva (teoretiko-pravovoe issledovanie v ramkakh evolyutsionnogo podkhoda)* [Corruption in the mechanism of the functioning of the state (theoretical and legal study within the framework of an evolutionary approach)]. Abstract of thesis. Moscow, 2015. 60 p. (In Russ.).
5. *Artkhashastra, ili Nauka politiki* [Arthashastra or Science of Politics]. Moscow, Leningrad, Publishing House Academia Sciences of the USSR, 1959. 793 p. (In Russ.).
6. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress, 1990. 808 p. (In Russ.).
7. Veselova L.S. *Institut «guan'si» v sotsial'noi i kul'turnoi istorii KNR* [Institute of “Guanxi” in the social and cultural history of the People’s Republic of China]. Abstract of thesis. St. Petersburg, 2015. 30 p. (In Russ.).
8. *Drevnegrecheskaya filosofiya: Ot Platona do Aristotelya* [Ancient Greek philosophy: From Plato to Aristotle]. Moscow, AST, Kharkov, Folio, 2003. 829 p. (In Russ.).
9. Kachalin M.S. *Mezhdunarodno-pravovye aspekty bor'by s korrupsiei* [International legal aspects of the fight against corruption]. Abstract of thesis. Moscow, 2010 20 p. (In Russ.).
10. Kolchemanov D.N. *Administrativno-pravovoe regulirovanie protivodeistviya korrupsii v sistemakh gosudarstvennoi sluzhby zarubezhnykh gosudarstv i vozmozhnosti ispol'zovaniya zarubezhnogo opyta v Rossiiskoi Federatsii* [Administrative and legal regulation of anti-corruption in the public service systems of foreign states and the possibility of using foreign experience in the Russian Federation]. Abstract of thesis. Moscow, 2009 21 p. (In Russ.).
11. Machiavelli N. Gosudar' [Sovereign]. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Eksmo-press, 2001. 656 p. (In Russ.).
12. Maryina E.V. *Korrupsionnye prestupleniya: otraslevoe i mezhotraslevoe soglasovanie norm* [Corruption crimes: sectoral and intersectoral coordination of norms]. Abstract of thesis. Samara, 2010 24 p. (In Russ.).
13. Miroshnichenko D.V. *Korrupsiya i ugovorno-pravovoe vozdeistvie na nee* [Corruption and criminal legal impact on it]. Abstract of thesis. Saratov, 2009. 30 p. (In Russ.).
14. Montesquieu Ch.L. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, State Political Publication, 1955. 800 p. (In Russ.).
15. Muzalevskaya E.A. *Korrupsiya v sisteme gosudarstvennoi sluzhby v Rossii: istoki i tendentsii (1992–2005 gg.)* [Corruption in the public service system in Russia: origins and trends (1992–2005)]. Abstract of thesis. Moscow, 2006 22 p. (In Russ.).
16. *Bibliya. Sinodal'nyi perevod. Novyi zavet. Pervoe poslanie Ioann* [Bible. Synodal translation. A new covenant. John’s first message]. Available at: <https://www.planeta.one/bible/n.htm>, accessed 11.05.2020. (In Russ.).
17. Plutarch. *Zastol'nye besedy* [Feast conversations]. Leningrad, Nauka, 1990. 208 p. (In Russ.).
18. *Protivodeistvie korrupsii* [Anti-corruption]. Kazan, Kazan State University Publ., 2016. 192 p. (In Russ.).
19. Sakharov S. A. *Sistema gosudarstvennoi vlasti i problema korrupsii v pozdnei rimskoi imperii (po dannym «Kodeksa Feodosiya»)* [The system of state power and the problem of corruption in the late Roman Empire (according to the “Code of Theodosius”)]. Abstract of thesis. Belgorod, 2013. 25 p. (In Russ.).
20. *Sem' smertnykh grekhov i sem' dobrodetelei* [Seven mortal sins and seven virtues]. Moscow: OLMA Media Group, 2012. 303 p. (In Russ.).
21. Hobbes T. *Leviafan ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or matter, form and power of the state of church and civil]. Moscow, Mysl', 2001. 478 p. (In Russ.).
22. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl', 1990. 524 p. (In Russ.).
23. Bacon F. *Velikoe vosstanovlenie nauk. Razdelenie nauk VI. Bogatstvo* [Great restoration of sciences. Division of Sciences VI. Wealth]. Available at: https://royallib.com/book/bekon_frensis/velikoe_vosstanovlenie_nauk_razdelenie_nauk.html, accessed 08.05.2020. (In Russ.).
24. *Pamyatniki rimskogo prava: zakony 12 tablits. Institutsii Gaya. Digesty Yustiniana* [Monuments of Roman law: Laws 12 tables. Guy’s institutions. Digests of Justinian]. Moscow, Zertsalo, 1997. 608 p. (In Russ.).
25. *Political Corruption*. New Brunswick, Transaction Books, 1989. Pp. XVI, 1017.

Мошенничество при купле-продаже автомобиля или иного транспортного средства

А. В. Кудряшов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

В статье рассматриваются некоторые проблемы применения уголовного законодательства при квалификации мошенничества в сфере купли-продажи автомобилей или иных транспортных средств с пробегом. Обосновываются предложения по криминализации данных деяний в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: Мошенничество; автомобиль или иное транспортное средство; проблемы квалификации.

В России существует огромный рынок по продаже подержанных автомобилей и иных транспортных средств. К сожалению, данный рынок находится сегодня практически вне правового поля. В нашем законодательстве слабо урегулированы положения в сфере купли-продажи автомобилей и иных транспортных средств. В связи с этим участились случаи обмана или злоупотребления доверием при купле-продаже автомобилей. По мнению независимых экспертов около 90 % автомобилей, которые ездят по дорогам России, имеют изменения в показаниях одометра в сторону уменьшения реального пробега.¹

К сожалению, правоприменительная практика по преступлениям против собственности, где предметом преступления, совершаемого в такой форме хищения, как мошенничество, является автомобиль или иное транспортное средство, имеет ряд проблем при квалификации данного деяния.

Проблемы возникают при установлении направленности умысла как у самого продавца автомобиля, так и у лиц, совершающих так называемую «корректировку» показаний одометра пробега автомобиля в сторону его уменьшения. Фактически вышеуказанные действия и продавца и лиц, вносящих изменения в показания одометра направлены на сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений об истинном пробеге автомобиля. Тем самым их действия направлены на введение в заблуждение покупателя, вызывая у него желание покупки автомобиля или иного транспортного средства. Но стоит виновным заявить о том, что умысла на обман покупателя у них не было, и «корректировку» пробега на одометре автомобиля они производили для иных целей, то, соответственно, в их деянии отсутствует субъективная сторона преступления. Кроме того, правоприменительная практика в большинстве случаев вообще не рассматривает действия по изменению показаний пробега на одометре транс-

портного средства действиями, направленными на введение в заблуждение покупателя относительно истинного пробега автомобиля. Подобные трудности возникают в следственных подразделениях органов, которые вправе возбуждать уголовные дела по данным преступлениям, отчасти в связи с тем, что Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении по делам о мошенничестве не разъяснил правоприменителю свою позицию по данному вопросу².

Покупатель при покупке автомобиля в первую очередь после его визуального осмотра ориентируется на показания одометра по пробегу автомобиля. Соответственно, чем меньше пробег автомобиля, тем больше у него положительных потребительских качеств, тем выше и его цена. В действиях продавца, изменившего показания пробега, в подобных случаях явно усматривается корыстный мотив и цель незаконного извлечения имущественной выгоды.

Также возникают проблемные вопросы при квалификации мошенничества, где предметом является автомобиль или иное транспортное средство, в случаях так называемого пассивного обмана, который выражается в умолчании значимых обстоятельств. Такими являются сокрытие информации о повреждениях автомобиля или иного транспортного средства, об участии его в дорожно-транспортных происшествиях. Умолчание о вышеуказанных фактах в правоприменительной практике практически не учитывается, и виновные соответственно к уголовной ответственности по факту мошенничества не привлекаются.

В целях совершенствования правоприменительной практики в сфере купли-продажи автомобилей с пробегом считаем, что назрела необходимость внести в уголовное законодательство статью, направленную на противодействие преступлениям против собственности, совершаемым в такой форме хищения, как мошенничество, где

¹ За рулем. URL: <https://www.zr.ru/content/news/623310-rossijskix-avtomobilistov-skruchivayut-probeg/> (дата обращения: 28.06.2019).

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Российская газета. 2017. № 280. 11 дек.

предметом преступления является автомобиль или иное транспортное средство. Несмотря на то что данное деяние подпадает под действие общих норм, предусматривающих ответственность за мошенничество, мы считаем, что новая норма, устанавливающая ответственность за мошенничество при купле-продаже автомобиля или иного транспортного средства должна быть включена в главу «Преступления против собственности» так же, как включены в данную главу и другие виды мошенничества в различных сферах.

Название нормы — «Мошенничество при купле-продаже автомобиля или иного транспортного средства». Структура нормы должна быть изложена в следующей редакции:

1. Мошенничество при купле-продаже автомобиля или иного транспортного средства, т. е. хищение чужого имущества продавцом путем введения в заблуждение покупателя относительно показаний одометра по пробегу автомобиля или иного транспортного в сторону его уменьшения или путем сокрытия информации о его повреждениях, наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок ста двадцати до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от года до двух лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, совершенное:

- а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору;
- б) лицом с использованием своего служебного положения,

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи месяцев до одного года, либо лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

3. То же деяние, совершенное:

- а) организованной группой;
  - б) в крупном и особо крупном размере,
- наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

Создание специальной нормы, устанавливающей ответственность за мошенничество при купле-продаже автомобиля или иного транспортного средства, позволило бы в определенной степени усилить противодействие данным видам мошенничества.

Существенное противодействие данным видам мошенничества оказало бы внесение в законодательство полного запрещения изменений показаний одометра в автомобиле или ином транспортном средстве, как это предусмотрено в США, Канаде и многих странах Европейского Союза. Предлагается в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, в главу 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения», включить новую статью под названием «Внесение изменений в показания одометра автомобиля или иного транспортного средства». Таким образом, изменения показаний одометра с корыстным мотивом и с целью введения в заблуждение покупателя автомобиля или иного транспортного средства продавцом или иными лицами по заказу продавца будет квалифицироваться как общественно опасное деяние, квалифицируемое как мошенничество. Совершения данного деяния без указанного мотива и цели будет составом административного правонарушения.

В целях реализации вышеуказанных предложений для подтверждения показаний одометра пробега автомобиля или иного транспортного средства в полис ОСАГО необходимо внести графу «пробег». Данное предложение существенно облегчит правоприменителю работу по доказыванию вины злоумышленников.

Дата поступления: 22.09.2020

Дата принятия к опубликованию: 29.09.2020

Сведения об авторе

Кудряшов Андрей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент Института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ugp@csu.ru

Библиографическое описание: Кудряшов, А. В. Мошенничество при купле-продаже автомобиля или иного транспортного средства / А. В. Кудряшов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 50–52.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 50–52.

Fraud in sale of a car or other vehicle

A. V. Kudryashov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ugp@csu.ru

This article discusses some of the problems of applying criminal legislation with regard to fraud in the sphere of sale and purchase of cars or other vehicles with mileage. Justified proposals for criminalizing data acts in criminal law.

Keywords: *fraud, a car or other vehicle, problems of qualification.*

Специфика противоправной деятельности несовершеннолетних, действующих в составе организованных групп

В. С. Полковникова, Г. А. Шкапров

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается специфика преступной деятельности лиц, не достигших возраста совершеннолетия, реализуемой ими в составе различных форм соучастия в преступлении, выявляются различные криминологические характеристики такой преступности, а также производится статистический анализ показателей, связанных с организованной преступностью несовершеннолетних.

Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних, организованная преступность, статистический анализ, признаки преступности несовершеннолетних, предупреждение преступности.*

Наиболее специфичной составляющей преступности в целом является преступность несовершеннолетних, как правило, отличающаяся высоким уровнем динамичности, соответствия уровню технологического и социально-правового развития общества. Прогрессивный российский социум в совокупности с лояльной уголовной политикой государства в отношении несовершеннолетних позволяет данному общественно-правовому явлению развиваться и эволюционировать, что несомненно является негативной тенденцией для современной действительности в целом, и криминологической науки в частности.

В первую очередь, стоит дать криминологическую характеристику организованной преступности несовершеннолетних. В науке криминологии под преступностью несовершеннолетних (иногда именуемой ювенальной преступностью) понимают совокупность преступлений, совершаемых при участии лиц в возрасте от 14 до 18 лет, с учетом территории, за определенный временной промежуток, также с учетом определенных количественных и качественных факторов. Учитывая специфику настоящего исследования, стоит выделить определенные специфические черты (признаки) организованной преступности несовершеннолетних. Так, данному составному виду преступности присущи признаки обоих родовых видов преступлений:

- специфический возрастной уровень субъекта преступления, имеющий влияние на вид и меру уголовного наказания, а также отражающийся на структуре совершаемых преступлений. Данное обстоятельство используется как самими субъектами такого преступления (в частности, имеет место утверждение о незнании уголовного законодательства в силу малого возраста, ссылка на существующую бытовую обстановку и условия существования несовершеннолетнего, невозможность удовлетворения личных потребностей иными способами, кроме

как уголовно наказуемыми и т. д.), так и субъектами уголовно-правовых отношений, осуществляющих вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений в порядке статьи 150 УК РФ (действия в целях возложения ответственности за преступные деяния на несовершеннолетнего в надежде на освобождение или уменьшение собственного наказания);

- определенный спектр видов преступлений, который совершается несовершеннолетними. Безусловно, в отношении несовершеннолетних возможно утверждать о лишь определенном количестве составов преступления, доступных для осуществления ими: невозможность в силу физической или технической неспособности осуществить преступное деяние (например, в порядке статьи 126 УК РФ с большой вероятностью можно утверждать, что несовершеннолетние не в состоянии осуществлять действия, характеризующиеся как похищение человека, такие как захват, который требует определенной телесной конституции и уровня физической подготовки, перемещение, которое требует наличия какого-либо транспортного средства или иного приспособления, способного осуществить перемещение лица, а также последующее удержание, которое требует наличия объекта недвижимости, в котором непосредственно и будет удерживаться лицо; в порядке статьи 142 УК РФ у несовершеннолетних отсутствует доступ к полномочиям членов избирательных комиссий для осуществления указанного в статье умысла);
- высокий уровень динамичности и технической оснащенности несовершеннолетних, выражающийся в использовании наиболее новых и неизученных правоохранительными органами средств и орудий совершения преступления, программных и технических

средств связи, и другое. Стоит сказать, что в силу определенных психических, познавательных, возрастных особенностей именно из данной социальной группы в общество поступают все наиболее современные достижения науки и техники, которые далее и используются для осуществления преступлений. Несовершеннолетние преступники, удачно сочетая программные и технические средства связи, способности эмпирического познания, знания об окружающей действительности получают доступ к ранее неизученным и неизвестным правоохранным органам запрещенным предметам, наркотическим и психотропным веществам, а также каналам их получения, которые после рецепируются иными преступными группами;

- преимущественно групповой характер совершения преступлений несовершеннолетними. Специфика данного признака заключается в том, что он в равной степени отражает организованную преступность несовершеннолетних как синтез данных видов преступлений. Данные статистики, а также научная доктрина устанавливает, что до 50 % преступлений несовершеннолетних совершается в группах, именно эта форма взаимодействия стимулирует рост данного вида преступности, а также проявляет специфику личности несовершеннолетнего преступника. Особенности психического развития данной социальной группы, отдельные психические особенности, легкая склоняемость к совершению преступлений, склонность к подражанию, специфическое, девиантное поведение, отсутствие способности к критическому осмыслению своих деяний побуждают несовершеннолетних объединяться в группы для осуществления преступного умысла. Подготовка к совершению преступления требует определенных знаний и навыков, которые отсутствуют у несовершеннолетнего, что нивелируется, по его мнению, помощью сверстников и друзей, более того, для любого человека характерно т. н. «чувство толпы», когда лицо, оказавшись в среде себе подобных, чувствует себя более свободно, легче решается на совершение преступления, уменьшается страх наказания, у несовершеннолетних кроме этого возникает иллюзия анонимности, при которой лицо считает, что может избежать уголовного наказания в следствие действия совместно с другими лицами, в его сознании происходит процесс переноса личной вины с самого несовершеннолетнего на всю преступную группу;

- четкая внутренняя структура, наличие вертикальной и горизонтальной иерархии. Исходя из выделенных ранее особенностей психического развития несовершеннолетних, осуществление преступного деяния требует от них установления определенной внутригрупповой структуры: безусловно, формирование преступной группы начинается с установления явного либо неформального лидера, который непосредственно формирует целевые установки предстоящего преступного деяния, осуществляет общий контроль над деятельностью всей преступной группы, либо такие полномочия и функции могут распределяться среди группы лиц, т. н. криминальной элиты, если речь идет о больших преступных группах, к примеру, в случаях пенитенциарной преступности; непосредственные исполнители, осуществляющие выполнение задач, установленных руководящими субъектами; иные лица, осуществляющие дополнительные (вспомогательные) функции, круг которых может варьироваться в зависимости от специфики совершаемого преступления. В зависимости от размера преступной группы распределение ролей и построение иерархии может распределяться между различными членами такой группы;
- длительное, стабильное существование преступной группы. Так, несовершеннолетние, объединенные общими социальными условиями (схожее материальное положение, проживание на территории одного административно – территориального образования), необходимостью удовлетворения своих политических, экономических, культурных потребностей в рамках социальных институтов (семья, школа, средние специальные учебные заведения, спортивные секции и кружки) объединяясь в преступную группу, длительное время существуют во взаимодействии, также пополняя свои ряды новыми членами, если преступная деятельность не пресекается правоохранными органами и выполняет свою цель;
- установление определенных внутригрупповых правил поведения, принципов осуществления преступного умысла. Данный признак характеризует тесную связь преступного сообщества несовершеннолетних с остальным преступным миром, тенденцию рецепирования преступной идеологии, при которой в преступной группе могут негласно устанавливаться «кодексы этики» члена такой группы, которые предполагают принятие ими определенных обязанностей по отношению к данному объединению

(отрицание права и закона, умышленное противопоставление себя им, активное противодействие правоохранительным органам, индивидуальная ответственность за общегрупповое преступление и т. д.). В целом, данный принцип характерен пени- тенциарной преступности, которая не может не подвергаться влиянию преступного мира;

- специфическая цель преступления. В отличие от «взрослой» преступности, ко- рыстный умысел несовершеннолетних преступников направлен не на получение политической власти, захват собственности, получение сверхприбыли, а на удовлетворение существующих на данный момент базовых потребностей, получение специфических ощущений («спортивный» интерес, азарт нарушения закона), либо реализация определенных социальных и моральных категорий (завоевание определенного авторитета в социальной группе, разрешение внутригрупповых конфликтов) и т. д.

На основании вышеуказанных признаков представляется возможным дать определение изучаемому понятию. Организованная преступность несовершеннолетних — это совокупность общественно опасных деяний и лиц, их совершающих, непосредственно или опосредованно осуществляемых при участии устойчивых, иерархически устроенных объединений субъектов уголовно-правовых отношений в возрасте от 14 до 18 лет, имеющих целью удовлетворение бытовых потребностей путем осуществления преступного умысла, результатом которого является

нарушение общественных отношений, характеризующаяся специфическим спектром посягаемых общественных отношений, а также высоким уровнем динамичности и технического оснащения субъектов преступной деятельности.

Также представляется необходимым проанализировать актуальные количественные и качественные показатели преступности несовершеннолетних в Российской Федерации.

Наиболее важными показателями характеристики преступности несовершеннолетних является состояние преступности в широком смысле термина, предполагающим учет совокупности количественно — качественных показателей, а также уровень преступности в конкретном субъекте федерации. Так, исходя из данных статистики, можно говорить о непостоянном снижении (при незначительных колебаниях) показателя зарегистрированных преступлений в Российской Федерации (табл. 1, 2). В частности, на территории РФ с 2010 года объем преступности ежегодно снижается на значение от 4 до 18 %, либо незначительно увеличивается на значение от 3 до 4 % по отношению к предыдущему году, тогда как абсолютное значение зарегистрированных преступлений с 2010 года по настоящий момент уменьшилось на 349 95, или же 44 %. В Челябинской области также возможно говорить о снижении уровня зарегистрированных преступлений, однако приходится говорить о наиболее ярко выраженной тенденции увеличения преступной активности в определенные года; общее падение количества преступлений составляет 998, или же 32 %. Также видно, что удельный вес преступности несовершеннолетних показывает

Таблица 1

Всего зарегистрировано преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии в Российской Федерации и в Челябинской области за период с 2010 по август 2019 года*

Год	Российская Федерация			Челябинская область			Место по РФ
	Значение	Динамика, %	Удельный вес от общего числа преступлений, %	Значение	Динамика, %	Удельный вес от общего числа преступлений, %	
2010	78 548	0,0	2,9	3052	0,0	3,6	2
2011	71 910	- 9,2	2,9	3109	+ 1,8	4	1
2012	64 270	- 11,8	2,7	2655	- 17	3,7	1
2013	67 225	+ 4,3	3	2571	- 3,2	3,7	1
2014	59 549	- 12,8	2,7	2067	- 24,3	3,2	3
2015	61 833	+ 3,6	2,5	2179	+ 5,1	3	3
2016	53 736	- 15	2,4	1935	- 12,6	2,9	2
2017	45 288	- 18,6	2,2	1823	- 6,1	2,6	2
2018	43 553	- 3,9	2,1	2054	+ 11,2	3,1	2
Август 2019	25 761		1,9	1117		2,5	2

* По данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ.

Таблица 2

Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в Российской Федерации и в Челябинской области в период с 2010 по август 2019 года*

Год	Российская Федерация	Челябинская область			
	Значение	Значение	Место по РФ	Динамика, %	Удельный вес среди всех выявленных преступников в Челябинской области, %
2010	72 692	2735	2	0,0	3,2
2011	65 963	2659	2	- 2,8	3,4
2012	59 461	2325	2	- 14,3	3,2
2013	60 761	2391	2	+ 2,7	3,5
2014	54 369	2057	2	- 16,2	3,2
2015	55 993	2094	2	+ 1,7	2,9
2016	48 589	1904	2	- 9,9	2,9
2017	42 504	1717	2	- 10,8	2,5
2018	40 860	1742	2	+ 1,3	2,6
Август 2019	24 132	1045	2		2,3

* По данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ.

тенденцию к снижению, таким образом, с 2010 года по настоящий момент удельный вес уменьшился с 2,9 до 1,9 %. В свою очередь, удельный вес данного вида преступности по Челябинской области снижается с колебаниями, также достаточно заметно превышая общефедеральный уровень. В целом, по состоянию преступности Челябинская область занимает стабильно высокое положение среди всех субъектов федерации, хотя и приходится говорить о некоторых колебаниях, не отражающих, однако, положительных тенденций в области преступности несовершеннолетних в указанном субъекте.

Также стоит учитывать, что приведенные статистические данные не учитывают показатели латентной преступности, которая применительно к возрастной категории несовершеннолетних выше, чем у иных категорий, в силу ряда причин, в частности потерпевший от преступлений несовершеннолетних может считать совершенное деяние недостаточно значительным, чтобы обратиться в правоохранительные органы; также ущерб, причиненный несовершеннолетним, может считаться потерпевшим недостаточно большим; большое значение играет отношение граждан к правоохранительным органам (правовой нигилизм), нежелание тратить время на осуществление уголовного процесса, или же отсутствие уверенности в эффективности уголовного наказания; наиболее важными причинами в отношении несовершеннолетних может быть мнение потерпевшего о низкой ответственности преступника, об особенностях возраста, или же наличии субъективных причин преступника на совершение, а также нежелание навлекать на не-

совершеннолетнего последствия уголовно-правового наказания. Данные причины значительно влияют на уровень латентной преступности анализируемой возрастной категории, в следствие чего следует учитывать, что все приведенные в статье показатели основаны лишь на данных официальной правовой статистики компетентных правоохранительных органов.

Данные анализа позволяют судить о достаточно высоком количестве выявленных несовершеннолетних преступников, данное обстоятельство подтверждается фактом стабильного нахождения Челябинской области на 2 месте в рейтинге субъектов РФ по указанному сравнительному признаку. Более того, наблюдается снижение удельного веса несовершеннолетних преступников по отношению к общему числу преступников в Челябинской области, что косвенно подтверждает снижение общего количества несовершеннолетних преступников (табл. 3).

Также стоит упомянуть и географии преступности несовершеннолетних. Так, данные статистики позволяют сказать о том, что специфика, особенности развития, исторические традиции регионов имеют влияние на генезис преступности, однако в целом по регионам показатели преступности не имеют выраженных тенденций, колебания свидетельствуют о том, что правоохранительная деятельность осуществляет лишь сдерживание уровня преступности, но никак не эффективную борьбу с ней. Так, коэффициент преступности несовершеннолетних в Иркутской области колеблется от 60 до 80 единиц на 100 тысяч населения, а в пиковые периоды поднимается о 90 единиц. Более того, исходя из данных

Таблица 3

Уровень (коэффициент) преступности несовершеннолетних в Российской Федерации и субъектах Федерации (на 100 тыс. населения)*

Наименование субъекта РФ	2010	2011	2012	2013	2014
Белгородская область	24,21	23,83	23,36	23,75	19,14
Кировская область	59,46	63,11	45,87	56,63	57,69
Ханты-Мансийский АО	61,54	71,93	60,86	60,41	40,91
Алтайский край	69,08	61,90	49,23	57,32	51,65
Иркутская область	79,57	60,96	72,54	90,63	79,73
Красноярский край	94,38	93,89	81,57	81,43	82,14
Приморский край	106,63	95,89	81,65	99,99	80,94

* По данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ.

таблицы, заметно явное увеличение коэффициента в регионах с учетом их географического положения, в частности, по мере удаления от столицы растет и коэффициент преступности, что позволяет говорить об уровне компетентности правоохранительных органов соответствующих регионов, качестве их деятельности и эффективности применяемых уголовно-правовых мер борьбы с преступности. В частности, в Белгородской области, находящейся в Северо-Западном федеральном округе, коэффициент не превышает 25 единиц, в то время как в Приморском крае, находящемся на Дальнем Востоке, данный показатель не опускался ниже 80 единиц. Данная разность показателей наглядно демонстрирует качество осуществления упомянутых выше критериев работы правоохранительных органов.

Также стоит проанализировать состав категорий преступности несовершеннолетних. Данные статистики свидетельствуют о том, что приблизительно половина данной рассматриваемой категории преступников совершает преступления средней тяжести, в частности хулиганство (ст. 213 УК РФ), кража (ст. 158 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), также для данной возрастной категории преступников характерно вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), часто — дополнительно к совершению основного преступления (табл. 4). Однако вызывает опасение, что каждое четвертое осуществленное несовершеннолетними преступление квалифицируется как тяжкое или особо тяжкое. Наиболее частыми примерами данных категорий преступлений являются квалифицированный разбой (ч. 2 ст. 162 УК РФ), квалифицированный грабёж (ч. 2 ст. 161 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ). В целом, данный показатель превы-

шает аналогичный по всей преступности за анализируемый период, в частности, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений по всем категориям преступности составляет приблизительно 20 %, в то время как 25 % преступлений несовершеннолетних являются тяжкими и особо тяжкими. Выявленные тенденции актуальны и для Челябинской области, среднее значение удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений равно четверти всех преступлений, однако колебания имеют большую амплитуду в зависимости от анализируемого периода, в частности, в 2018 году удельный вес составлял около 30 % всей преступности, а в 2016 году данный показатель составлял 18 %. Также наиболее высокие показатели по регионам Российской Федерации в категории тяжких и особо тяжких преступлений стабильно наблюдаются в Челябинской области, что позволяет задаться вопросом о причинах недостаточно качественной работы правоохранительных органов данного субъекта федерации.

Таким образом, данные статистического анализа позволяют сделать вывод об определенных тенденциях среди преступности несовершеннолетних: в целом, общее количество преступлений несовершеннолетних без учета латентной преступности на федеральном и субъектном уровне снижается, также заметно уменьшение общего количества несовершеннолетних преступников, как и их удельный вес среди всех лиц, совершивших преступления. География преступности несовершеннолетних показывает закономерность об увеличении с западной части федерации на восточную, также выбранные для анализа регионы не позволяют выделить закономерности к снижению или увеличению, однако ряд субъектов федерации по данным статистики занимает высшее положение в рейтинге на протяжении всего анализируемого периода. Структура преступности несовершеннолетних несколько отличается от структуры всей преступности: так, половина совершенных преступлений

Таблица 4

Категории преступлений, совершенных несовершеннолетними в Российской Федерации и Челябинской области*

Год	Российская Федерация				Челябинская область			
	Небольшой тяжести	Средней тяжести	Тяжкие	Особо тяжкие	Небольшой тяжести	Средней тяжести	Тяжкие	Особо тяжкие
2011	15 011	37 037	17 897	1965	726	1571	751	61
2012	16 608	33 133	12 817	1712	834	1239	519	63
2013	17 861	34 730	12 877	1757	799	1236	476	60
2014	15 650	30 046	12 071	1782	653	969	399	46
2015	17 494	30 895	11 276	2168	814	912	404	49
2016	14 175	28 024	9905	1632	668	916	302	49
2017	10 781	24 269	8375	1863	502	842	293	186
2018	10 353	23 484	7748	1968	501	964	290	299
Август 2019	6177	13236	5016	1332	274	584	158	101

* По данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ.

квалифицируется как преступления средней тяжести, и каждое четвертое — как особо тяжкое или тяжкое преступление, когда как преступности в целом характерно совершение тяжких и особо тяжких преступлений лишь в 20% случаев. Данные факторы указывают на специфику преступности несовершеннолетних, их особую жестокость по отношению к иным категориям преступников, объясняемую особенностями психологии лиц подросткового возраста, мотивационную направленность, обусловленную низким уровнем социальной и материальной защищенности, а также стремлением реализовать себя в социальной среде.

Важной особенностью преступной деятельности несовершеннолетних является повышенный, немотивированный уровень жестокости и насилия по отношению к лицам, чей правоохраняемый интерес нарушается в следствие посягательства таких субъектов преступления. Данная тенденция прослеживается непосредственно в среде несовершеннолетних преступников, отражает уровень деформации личности такого лица, уровень антисоциальной направленности его действий. При совершении преступлений в группах, несовершеннолетний дополняет свое деяние необоснованной жестокостью, которое не требовалось бы для достижения преступного умысла. Такая форма осуществления противоправного деяния характерна не только для преступлений насильственной, но и корыстной направленности. Существует ряд причин, способных заставить несовершеннолетнего преступника применить насилие: в первую очередь, если преступление совершается в отношении определенного, заранее выбранного лица (личная неприязнь субъекта преступления к другому лицу — знакомому, сверстнику и т. д.), то во время совершения преступления

несовершеннолетний, в силу деформированности правосознания, непонимания ценности человеческой жизни, будет применять насилие в целях удовлетворения психологической потребности в унижении достоинства данного лица. Более того, если преступление совершается в составе группы несовершеннолетних, то мотивация преступника осуществлять насильственные действия будет дополняться групповыми стимулами — размывание вины среди группы преступников, подстрекательство других участников группы непосредственно исполнителя преступления причинить дополнительный вред, и т. д., иными словами, данное лицо, осуществляя преступный умысел, могло бы не совершить тех противоправных действий, которые оно совершает, будучи в составе организованной группы. Если преступление осуществляется спонтанно, то лицо стремится в первую очередь соблюсти этику данной преступной группы, восстановить ущерб, причиненный чести и достоинству участника группы, самоутвердиться в ней, укрепить свой авторитет. В случаях, когда внешние отношения группы с другими лицами представляют опасность ей в целом или ее отдельным участникам, насилие выступает как защитный механизм, мотивирует обидчиков не совершать аналогичных посягательств. В случаях, когда организованная группа сама навязывает другим лицам попытку нарушить общественный порядок, опять же играет роль «спортивный» интерес, желание самоутвердиться не внутри группы, но в самом обществе, более того, состояние алкогольного или наркотического опьянения непосредственно усиливает данные факторы и приводит к худшему результату. Иными словами, в случае возникновения конфликта, данный несовершеннолетний преступник, находясь вне группы, предпочтет предпринять дей-

ствия, способствующие мирному урегулированию конфликта, или примет защитные меры в целях снижения возможности причинения ущерба своему здоровью или имуществу. Таким образом, можно сделать вывод, что непосредственно посягательство на правоохраняемые отношения несовершеннолетних лиц в составе организованных групп представляет наибольшую общественную опасность, поскольку носит явно агрессивный, противоправный характер, именно данный фактор детерминирует совершение тяжких и особо тяжких преступлений такими лицами, а также мотивирует их совершать преступления, недопустимые для совершения в одиночку.

Исходя из данного вывода, представляется необходимым скорректировать меры предупреждения, пресечения и профилактики организованной преступности несовершеннолетних:

- в первую очередь, предупреждение преступности несовершеннолетних стоит начинать с контроля родителей, опекунов, законных представителей, в частности, подвергать проверке их материальное положение, жилищные условия, в которых проживает несовершеннолетний. Безусловно, не удовлетворяющие данным условиям семьи подлежат изъятию из них таких несовершеннолетних и помещение их в специализированные учреждения. Данная мера рассматривается компетентными органами как крайняя, однако это ошибочное суждение: несовершеннолетний, проживая в семье, неспособной удовлетворить его базовые потребности, также потребность в образовании, потенциально создает детерминанты становления его преступником; воспитательные учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей, безусловно, не смогут заменить несовершеннолетнему дом и семью, однако обеспечат его необходимыми благами, а также посредством государственного финансирования гарантируют ему существование в удовлетворительных условиях после выпуска из такого учреждения;
- лиц, бытовые условия которых соответствуют необходимому уровню, но склонных к совершению правонарушений и преступлений, необходимо помещать в учреждения для лиц с девиантным поведением, в которых также осуществляется коррекция поведения несовершеннолетнего в соответствии с причиной помещения его в такое учреждение в целях исправления его правосознания и поведения, приведения их к общесоциальному образцу;
- важным фактором формирования правосознания несовершеннолетних лиц является

доведение до них основ юриспруденции, права в виде курса предмета в школе или ином учебном заведении, либо при невозможности данного мероприятия — ряда лекций, доводящих до несовершеннолетних лиц ряд преступлений и санкций, предусмотренных за их совершение. Безусловно, в отечественной правовой науке действует презумпция знания закона, однако это лишь правовая конструкция — на деле далеко не все граждане знают о самых общих и базовых правовых понятиях. Таким образом, доступное и наглядное доведение до несовершеннолетних соответствующих положений уголовного закона, а особенно последствий за совершение преступлений окажет предупредительное воздействие на потенциальных преступников, или, в крайнем случае, ознакомит состоявшихся преступников с санкцией за то деяние, которое они совершили;

- наиболее важной мерой по отношению к несовершеннолетним преступникам является ужесточение уголовного наказания за совершенное деяние. В существующей доктрине уголовного права наказание несовершеннолетних обычно ограничивается наиболее легкими мерами уголовно-правового характера: условным осуждением, исправительными работами, штрафами, однако данные меры наказания не достигают своей основной задачи — исправление осужденного, предупреждение новых преступлений. В следствие этого является необходимым расширение перечня назначаемых несовершеннолетним видов наказаний и приведение правоприменительной практики в соответствие с данными положениями.

Большинство предложенных мер существуют в практике соответствующих органов в настоящее время, однако реализуются недостаточно, несвоевременно, нерегулярно, либо не реализуются совсем, в следствие чего не могут в необходимой мере обеспечить выполнение своей цели, поэтому необходимо лишь увеличение их количества, стабильность реализации и некоторые индивидуальные корректировки в зависимости от конкретного субъекта.

Совокупность полученных результатов позволяют сделать заключение, что преступность несовершеннолетних, несмотря на проводящуюся в настоящее время правоохранительными органами профилактику преступности, правовому просвещению несовершеннолетних не может обеспечить в полной мере искоренение данного социально-правового явления и предупредить его возникновение в будущем.

Дата поступления: 20.05.2020

Дата принятия к опубликованию: 25.05.2020

Сведения об авторах

Полковникова Виктория Сергеевна — преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Института права Челябинского государственного университета. *victory@yandex.ru*

Шкапров Глеб Алексеевич — студент Института права Челябинского государственного университета. *Shkaprov98@mail.ru*

Библиографическое описание: Полковникова, В. С. Специфика противоправной деятельности несовершеннолетних, действующих в составе организованных групп / В. С. Полковникова, Г. А. Шкапров // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 53–60.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 53–60.

The specifics of the illegal activities of juveniles operating in organized groups

V.S.Polkovnikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. victory@yandex.ru

G.A.Shkaprov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Shkaprov98@mail.ru

The article deals with the specifics of the criminal activity of persons under the age of majority, carried out by them as part of various forms of complicity in crime, various criminological characteristics of such crime are identified, and a statistical analysis of indicators related to organized crime of juveniles is made.

Keywords: *juvenile crime, organized crime, statistical analysis, signs of juvenile crime, crime prevention.*

Уголовно-правовые и административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье

В. В. Денисович

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Решение проблемы насилия в семье и обществе напрямую зависит от степени осознания обществом глубины этой проблемы, ее последствий, выражающихся прежде всего в эскалации насилия: «насилие порождает насилие». Поэтому постановка проблемы насилия в семье, формирование теоретической базы, достоверной статистики, анализ причин применения насилия, степени распространенности, видов насилия — это первый шаг к ее разрешению.

Ключевые слова: *насилие в семье, домашнее насилие, предупреждение административных правонарушений, предупреждение преступлений.*

Рост насилия является доминирующей тенденцией для всего мира в целом на современном этапе развития общества. Насилие негативно по определению. Это разрушительная сила, которая унижает, насилует, подавляет, эксплуатирует кого-либо.

Семья принадлежит к важнейшим общественным ценностям. Согласно некоторым научным теориям, именно форма семьи могла на протяжении многих веков определять общее направление эволюции макросоциальных систем.

На стадиях жизненного цикла человека последовательно меняются его функции и статус в семье. Для взрослого человека семья является источником удовлетворения ряда его потребностей и малым коллективом, предъявляющим ему разнообразные и достаточно сложные требования. Для ребенка семья — это среда, в которой складываются условия его физического, психического, эмоционального и интеллектуального развития. Семья как сложное социальное образование является объектом пристального внимания ученых разных отраслей знания.

Состояние любой семьи можно оценить как хорошее, удовлетворительное или тяжелое, и зависеть такая оценка будет от частоты и продолжительности конфликтов в семье, порождающих впоследствии насильственные преступные проявления. Проводившиеся в последние годы исследования свидетельствуют о том, что значительное число преступлений совершается на бытовой почве в результате внутрисемейных неурядиц [5, с. 54].

В российском законодательстве вообще нет такого термина как «домашнее насилие».

В итоговом отчете «Репродуктивное здоровье населения России»¹ утверждается, что каждая пятая российская женщина подвергается физическому насилию со стороны мужа или партнера.

¹ Репродуктивное здоровье населения России, 2011 : итоговый отчет. М. : Статистика России, 2013. С. 117

В 1979 году Генеральная ассамблея ООН приняла Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которую чаще называют Женевской конвенцией². Сегодня более 180 стран мира являются ее участниками. Советский Союз подписал документ в 1981 году без условий и оговорок, а РФ как правопреемник СССР приняла на себя все обязательства по конвенции. С тех пор Россия регулярно отчитывается в ООН о том, как выполняет конвенцию.

В последнем докладе российской делегации, зачитанном осенью 2015 года на 62-й сессии комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, констатируется прогресс в развитии семейного и трудового законодательства, повышение мер социальной поддержки женщин и семьи. Рассказали российские делегаты и о том, что женщин все чаще берут на госслужбу. Генеральная прокуратура РФ, в свою очередь, заявила о тенденции снижения количества преступлений в отношении женщин: если в 2010 году было зарегистрировано 191 200 преступлений в отношении женщин, то в 2013 году эта цифра снизилась до 165 800 преступлений — из них 63 % связано с семейно-бытовым насилием (чуть более 105 тыс.)³.

Анализируя данные, полученные из различных официальных ведомств, эксперты приходят к выводу, что каждый месяц более 600 женщин в России погибают в результате домашнего насилия, более 10 тыс. женщин получают тяжкие телесные повреждения и более 1 млн женщин становятся жертвами насилия со стороны своих супругов или партнеров.

² Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин = Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women, CEDAW : принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18.12.1979.

³ URL: <http://eu.kommersant.ru/domashnee-nasilie.html>.

В то же время, по оценке экспертов, реальное число жертв домашнего насилия в России может достигать 70 тыс. человек в год (в основном женщин, детей, стариков). Однако многие случаи не заявляются и не регистрируются, и лишь незначительное количество таких дел доходит до судов.

Европейский союз поддерживает инициативы, направленные на предотвращение домашнего насилия в разных странах, в том числе в России, а посол ЕС в РФ Вигаудас Ушацкас отмечает, что «открытое обсуждение проблемы домашнего насилия — важный шаг на пути к ее решению». Поэтому проект Евросоюза «Профилактика насилия в отношении женщин и детей» помогает развивать в России новые программы профилактики насилия и оказания помощи пострадавшим через поддержку некоммерческих организаций — например, через центр АННА, который финансирует всероссийскую горячую линию помощи жертвам насилия, кризисные центры и приюты в регионах.

Абсолютное большинство обращений в кризисные центры и убежища, зафиксированное в исследовании, связано с физическим насилием мужчин над женщинами. Немало обращений — по поводу физического насилия отцов и матерей над детьми. Примерно 4 % обращений касалось насилия женщин над мужчинами. Поступали и жалобы от пожилых людей по поводу жестокого обращения со стороны их выросших детей. Также часто в семьях используется психологическое насилие — мужчин над женщинами, женщин — над детьми, детей — над престарелыми родителями. И сексуальное насилие — преимущественно мужчин над женщинами¹.

Статистика показывает, что за последние годы примерно две трети умышленных убийств и случаев причинений тяжкого вреда здоровью обусловлены семейно-бытовыми мотивами. Насилие в той или иной форме наблюдается почти в каждой четвертой семье. Поводами совершения семейно-бытовых преступлений зачастую являются ссоры, скандалы, неприязненные взаимоотношения на почве семейных неурядиц и жилищно-бытовых конфликтов, которые зачастую носят продолжительный характер.

Проблема насилия в отношении семьи, и в частности домашнего насилия над женщинами и детьми, остается одной из самых серьезных в стране. Однако статистика, имеющаяся сегодня в Российской Федерации, фрагментарна. Единой системы сбора данных, которые бы отражали реальную ситуацию, не существует. Из числа опрошенных 87 % мужчин и 92,6 % женщин подтверждают существование проблемы насилия в семье. Около 20 % из них сами испытали фи-

зическое насилие, а более 60 % — другие формы домашнего насилия. Ежегодно 10 тыс. женщин погибают от рук мужей, а 2 тыс. детей заканчивают жизнь самоубийством. Более 50 тыс. детей уходят из семей. Половина всех пострадавших малолетних насильствовались либо отцом, либо отчимом. 38 % осужденных по ст. 135 УК РФ (развратные действия) — родственники потерпевших.

Из-за отсутствия специального комплексного закона о домашнем насилии регулярной, единой статистики в России не ведется. Поэтому такие виды насилия в семье, как побои, оскорбления, психологическое насилие, экономические притеснения, попытки сексуальных посягательств и др. часто остаются в тени. Однако ученые и отдельные общественные организации постоянно проводят социологические исследования, которые позволяют сделать вывод, насколько масштабна и глубока эта проблема для российского общества. Так, А. В. Лысова, собирая эмпирические данные в рамках подготовки докторской диссертации, установила, что каждые 40 минут от последствий насилия в семье умирает одна женщина. Часть из них — жертвы самоубийств, вызванных семейными притеснениями. Приблизаясь по уровню и темпам экономического развития к самым развитым странам мира, по уровню насильственной преступности, в том числе в семье, Россия уступает только некоторым латиноамериканским и африканским государствам, превосходя США в 3 раза, а страны Западной Европы — более чем в 15 раз [2, с. 12].

В этой связи Т. Н. Москальковой обращено внимание на то, что обсуждаемый вопрос насилия в семье — острейший в современной России. Тысячи детей убегают из дома. Огромное количество женщин, в т. ч. пожилых, заканчивают жизнь самоубийством, не выдержав ситуации в семье. Поэтому не только в России, но и во всем мировом сообществе тема ограждения человека от насилия в семье является очень важной. В настоящее время подробно изучается зарубежный опыт, где действуют соответствующие законы: Казахстан, Азербайджан, Украина, многие западные государства. Эти законы так и называются «О противодействии семейному насилию» [3].

Положительный опыт, накопленный зарубежными государствами в области противодействия семейно-бытовым преступлениям, заслуживает самого пристального внимания с точки зрения возможного внедрения некоторых из уже разработанных и апробированных механизмов предупреждения семейного насилия в российскую законодательную и правоприменительную практику.

Например, в Республике Казахстан создана единая система сбора данных, отражающая реальную ситуацию преступлений в семейно-бытовой сфере. В структуре органов внутренних

дел созданы подразделения по защите женщин от насилия. Функционирует такая профилактическая мера воздействия на семейного дебошира, как защитное предписание. Это официальное распоряжение, которое выписывают семейному скандалисту. Например, если муж устроил дома скандал и соседи позвонили в полицию. Приехавшие на место происшествия сотрудники задержали дебошира, но заявление на супруга его жена писать не хочет и явных синяков у нее не видно. В таком случае скандалисту выдают защитное предписание, в котором говорится, что отныне ему запрещается устраивать дома скандалы, поднимать руку на домочадцев. После чего участковый инспектор несколько раз в неделю навещает его по месту жительства с проверкой. Срок защитного предписания составляет 30 дней. За нарушение защитного предписания правонарушитель может быть предупрежден либо привлечен к ответственности — административный арест сроком до 5 суток [5, с. 54].

Приняты два гендерно-ориентированных закона Республики Казахстан — «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» и «О профилактике бытового насилия»¹.

В Канаде к семейно-бытовой преступности относятся с большим вниманием, каждый год 6 декабря в этой стране отмечается Национальный день памяти и действий против насилия над женщинами. В этот день в Канаде проходят ночные дежурства, политические дебаты и другие мероприятия, где борьба с семейным насилием возведена в ранг национальной стратегии. Более того, деятельность всех учреждений и служб правоохранительной системы провинций и территорий Канады основана на принципе «нулевой терпимости» к любым проявлениям насилия, суть которого заключается в том, что ни один случай насилия не должен остаться безнаказанным.

В Грузии закон о бытовом насилии был принят в мае 2006 г. Как и в других странах во всем мире, тысячи грузинских женщин систематически подвергаются насилию в семье. При этом истинный масштаб проблемы в Грузии неизвестен.

В Китае 2014 г. впервые в истории разработан проект закона о борьбе с домашним насилием. Согласно законопроекту частные лица либо сотрудники смогут сообщать о случаях насилия в семьях, будь то физическое или психологическое насилие. Семейные конфликты в этой стране традиционно считаются частным делом каждой семьи.

Во Франции с целью снизить уровень насилия против семейной преступности в последние

годы проводится постоянная пропагандистская кампания, по телевидению передаются шокирующие своим натурализмом клипы. Власти постоянно напоминают о существовании телефона помощи пострадавшим от избиения женщинам и детям, напоминают им об их правах. В стране работают многочисленные приюты для женщин, расположение которых строго засекречено. В то же время судебные органы все чаще отправляют мужчин-драчунов на принудительное лечение у психиатра. В основном лечение проводится методом групповой терапии и может длиться до пяти недель, это стоит клиенту не менее 200 евро.

В Австрии в 1997 году вступил в силу федеральный закон о защите от насилия в семье, гарантирующий защиту от насилия любому лицу, находящемуся в стране, независимо от его происхождения и гражданства. Закон обязывает полицию незамедлительно прибыть на место происшествия после получения сигнала о домашнем насилии. На обидчика налагается двухнедельный запрет на доступ к потерпевшим, полиция отбирает у него ключи от дома. Если этот срок необходимо продлить, потерпевший обращается в районный суд с просьбой выдать ему временный охранный ордер. Сам факт подачи такого заявления в суд продлевает запрет на доступ обидчика к потерпевшему до 4 недель².

Таким образом, рассмотрев вопрос насилия в современной семье — отечественный и зарубежный опыт, сделаем выводы. В целях эффективной борьбы с семейным насилием необходимо нравственное и правовое воспитание в системе образовательных учреждений сделать одним из главных приоритетов. Ввести в школы курсы подготовки к семейной жизни. Ограничить свободное распространение информации, пропагандирующей культ насилия, жестокости, аморального и безнравственного образа жизни. Необходимо активно побуждать СМИ создавать позитивные просветительские программы по семейным проблемам. В системе органов социальной защиты населения создать специально уполномоченные территориальные органы по вопросам защиты семьи с функциями и материальными возможностями кризисных центров. Создание сети специализированных информационных центров, включающих в себя горячую телефонную линию для приема сообщений о насилии в семье, случаях пропажи детей и острых семейных кризисах, создание интернет-портала с подобной тематикой позволят им стать связующим звеном между членами семьи, оказавшимися в тяжелой ситуации, и органами социальной защиты, опеки и полиции, создать в структуре органов внутренних дел подразделения по защите женщин от насилия.

² URL: <http://eu.kommersant.ru/domashnee-nasilie.html>.

¹ Законом ужесточены меры наказания за бытовое насилие // Юрист. 2015. 4 марта. URL: <http://journal.zakon.kz/4694337-zakonom-uzhestocheny-merynakazaniya-za.html> (дата обращения: 08.12.2020).

Дата поступления: 15.10.2020

Дата принятия к опубликованию: 20.10.2020

Список литературы

1. Коротаев, А. В. Семья в социально-экономической структуре докапиталистических классовых формаций / А. В. Коротаев // История и филология древнего и средневекового Востока. — Москва : Наука, 1987. — С.11.
2. Лысова, А. В. Насилие в добрачных отношениях: модель факторов риска и способы профилактики : автореф. дис. ... д-ра соц. Наук / А. В. Лысова. — Санкт-Петербург, 2008. — С.12.
3. Москалькова, Т. Н. Против насилия в семье материалы круглого стол на тему: «Противодействие насилию в семье: совершенствование законодательной базы и правоприменительной практики» / Т. Н. Москалькова // Петровка, 38. — 2015. — № 49. — URL: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/protiv-nasiliya-v-seme> (Дата обращения: 01.12.2020).
4. Пащенко, А. С. Проблемы определения понятия семьи / А. С. Пащенко // Сборник научной конференции НИЦ Социосфера. — Прага, 2010. — С. 6.
5. Пашаев, Х. Л. Некоторые аспекты противодействия насилию в семье: анализ зарубежного опыта / Х. Л. Пашаев, С. С. Тютенев // Актуальные проблемы борьбы с правонарушениями и иными правонарушениями. — 2016. — № 16-2. — С. 54.
6. Репродуктивное здоровье населения России, 2011 : итоговый отчет. Москва : Статистика России, 2013. — С.117.

Сведения об авторе

Денисович Вероника Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, адвокат Челябинской областной коллегии адвокатов «Академическая». tybctyjev1984@yandex.ru

Библиографическое описание: Денисович, В. В. Уголовно-правовые и административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье / В. В. Денисович // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 61–65.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 61–65.

Criminal and legal aspects of countering domestic violence

V. V. Denisovich

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

The solution to the problem of violence in the family and society depends directly on the degree to which society understands the depth of this problem, its consequences, expressed primarily in the escalation of violence: “violence gives rise to violence.” Therefore, the formulation of the problem of domestic violence, the formation of a theoretical base, reliable statistics, the analysis of the causes of the use of violence, the degree of prevalence, types of violence are the first step towards its resolution.

Keywords: *violence in family, domestic violence, prevention of administrative offenses, prevention of crimes.*

References

1. Korotaev A.V. Sem'ya v sotsial'no-ekonomicheskoi strukture dokapitalisticheskikh klassovykh formatsii [The family in the socio-economic structure of pre-capitalist class formations]. *Istoriya i filologiya drevnego i srednevekovogo Vostoka* [History and philology of the ancient and medieval East]. Moscow, Nauka, 1987. P. 11. (In Russ.).
2. Lysova A.V. *Nasilie v dobrachnykh otnosheniyakh: model' faktorov riska i sposoby profilaktiki* [Violence in premarital relations: a model of risk factors and methods of prevention]. Abstract of thesis. St. Petersburg, 2008. P. 12. (In Russ.).
3. Moskalkova T.N. Protiv nasiliya v sem'e materialy kruglogo stol na temu: «Protivodeistvie nasiliyu v sem'e: sovershenstvovanie zakonodatel'noi bazy i pravoprimeritel'noi praktiki» [Against domestic violence, materials of the round table on the topic: “Countering domestic violence: improving the

legislative framework and law enforcement practice]. *Petrovka*, 38, 2015, no. 49. Available at: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/protiv-nasiliya-v-seme>, accessed 01.12.2020. (In Russ.).

4. Pashchenko A.S. Problemy opredeleniya ponyatiya sem'i [Problems of defining the concept of the family]. *Sbornik nauchnoi konferentsii NITs Sotsiosfera* [Collection of the scientific conference of the Research Center of the Sociosphere]. Prague, 2010. P. 6. (In Russ.).

5. Pashaev Kh.L., Tyukhtenev S.S. Nekotorye aspekty protivodeistviya nasiliyu v sem'e: analiz zarubezhnogo opyta [Some aspects of countering domestic violence: analysis of foreign experience]. *Aktual'nye problemy bor'by s pravonarusheniyami i inymi pravonarusheniyami* [Topical problems of combating offenses and other offenses], 2016, no. 16-2, p. 54. (In Russ.).

6. *Reproduktivnoe zdorov'e naseleniya Rossii, 2011* [Reproductive health of the population of Russia, 2011]. Moscow, Statistics of Russia, 2013. P. 117. (In Russ.).

Меры по противодействию домашнему насилию: уголовно-правовой и виктимологический аспекты

В. В. Денисович¹, М. С. Гайдай²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Челябинская областная коллегия адвокатов «Академическая», Челябинск, Россия

В современном мире проблема обеспечения внутрисемейной защищенности вышла далеко за пределы отдельного государства. Борьба с криминалом в семейной сфере становится перспективной стратегией охраны прав человека, сплачивающей и объединяющей все без исключения государственные образования даже страны-противники. Исследования, посвященные проблеме безопасности семьи, являются новой, динамично развивающейся областью, привлекающей внимание как зарубежных, так и отечественных специалистов. Усиливают интерес ученых и практиков отмеченные в разных уголках мирового сообщества тревожные симптомы деформации семейной ячейки, изменения ее функциональной направленности, формирования андрогинного характера взаимоотношений в семье, ломающего повсеместно сложившиеся веками стереотипы семейного уклада.

Ключевые слова: домашнее насилие, насилие в семье, предупреждение насилия.

В июле 2019 года Европейский суд по правам человека вынес первое постановление по домашнему насилию в Российской Федерации в деле Валерии Володиной (*Volodina v. Russia*, №41261/17, 9 июля 2019 года). Постановление вступило в силу 8 ноября 2019 года. Европейский суд установил, что Российская Федерация нарушила Европейскую конвенцию о правах человека, сославшись на неспособность государства расследовать и предотвратить жестокое обращение с Валерией Володиной и принять эффективные меры в отношении правонарушителя или обеспечить его наказание. Суд установил не только нарушение прав заявительницы, но и тот факт, что была дискриминация по признаку пола, и осудил Россию за отсутствие надлежащего законодательства о домашнем насилии¹.

Россия значительно отстает от других развитых стран по всем аспектам борьбы с домашним насилием. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Россия имеет самый низкий индекс защиты женщин от насилия среди стран G20. Хотя в России отсутствует официальная статистика о численности потерпевших именно от домашнего насилия, исходя из данных МВД РФ, можно утверждать, что женщины составляют большую часть потерпевших (66 222 женщины) от 101846 преступлений, зарегистрированных в семейно-бытовой сфере за 2016–2017 годы². По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» от 7 июня 2019 г., предоставленным по запросам Проекта «Правовая

инициатива», за январь-декабрь 2018 года 14 159 человек признаны потерпевшими от сексуальных преступлений, из них 11 557 — несовершеннолетние. Хотя нет точных статистических данных о сексуальных преступлениях, совершенных в семейной сфере, представитель МВД заявил о том, что 80 % сексуальных преступлений против детей совершаются их родственниками³.

Практика показала, что принятие специального закона о домашнем насилии не гарантирует его криминализацию и/или перевод такого состава преступления из разряда частного обвинения в публичное, если оно предусмотрено законом.

В Литве домашнее насилие до недавнего времени попадало под категорию частно-публичного обвинения. После постановления ЕСПЧ *Valiulienė v. Lithuania* (№ 33234/07, 26 марта 2013 года) были внесены поправки в УК и УПК Литвы, чтобы согласовать их с законом против домашнего насилия, принятым в 2011 году. Поправки касались введения правил об обязательном возбуждении предварительного расследования во всех случаях, где обнаружены признаки домашнего насилия, даже при отсутствии жалобы от лица пострадавших или заявления от лица их представителя.

Перевод домашнего насилия из категории дел частного и частно-публичного обвинения в категорию дел публичного обвинения в уголовном законодательстве является эффективной мерой правовой защиты для пострадавших. Хотя одни только уголовные санкции не способны изменить сложный комплекс моделей поведения, которые составляют домашнее насилие, уголовное преследование имеет выраженный сдерживающий эффект в плане роста рецидивизма и применения насилия в будущем.

³ Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai> (дата обращения: 01.12.2020).

¹ Самое опасное место: обзор мер по противодействию домашнему насилию. Международный опыт. URL: <https://www.srji.org/resources/search/obzor-mer-protivodeystvi%D0%B0-domashnemu-nasiliju> (дата обращения: 10.12.2020).

² Там же.

Как мера защиты криминализация, во-первых, гарантирует обязательство государства расследовать преступления, совершенные в семейной сфере, и не перекладывает ответственность за противостояние насилию на плечи пострадавших. Во-вторых, криминализация способствует эффективному ходу следствия, так как пострадавшие от домашнего насилия часто не в состоянии сами собрать доказательственную базу по расследуемому преступлению. В-третьих, пострадавшие уже не смогут отказаться от обвинения и забрать жалобу под давлением и запугиванием со стороны родственников и иных лиц в ходе следствия. Если ответственность за принятие решения о подаче жалобы и продолжении дальнейшего уголовного преследования лежит на пострадавших (как, например, при частном и частно-публичном обвинении), то давление и опасность со стороны агрессора не только не исчезают, а, наоборот, могут усилиться, поскольку пострадавшие получают «обвинение» в том, что сами «все затеяли»¹.

Концепция «вторичной виктимизации» не зависит от факта криминализации и относится к дальнейшему ущербу, который представители власти наносят пострадавшим своей реакцией на ситуацию домашнего насилия. Если ведомства и структуры, ответственные за противодействие домашнему насилию, не подготовлены профессионально или руководствуются стереотипами и убеждениями о том, что домашнее насилие — частное дело, то мало шансов, что пострадавшие будут эффективно отстаивать свои интересы. Вторичная виктимизация опасна тем, что пострадавшие теряют веру в систему после негативного опыта столкновения со структурами, которые должны были их защищать, но не сделали этого. В результате вторичной виктимизации растет изоляция пострадавших и снижается число обращений.

Пострадавшие от домашнего насилия могут сталкиваться с гендерными стереотипами и убеждениями властей на любом этапе разбирательств по их обращению. Часто проблемой в обеспечении уголовного преследования агрессоров является отсутствие у сотрудников правоохранительных органов знаний о динамике гендерного насилия. Они не видят в домашнем насилии непрерывного процесса, в котором женщины и дети живут под постоянным контролем и давлением агрессора, а оценивают инциденты как не связанные между собой отдельные действия. В большинстве юрисдикций закон ориентирован на реагирование на отдельные инциденты насилия и заостряет внимание именно на физическом его проявлении. Однако подавляющее большинство отдельных инцидентов в контексте домашнего на-

силия наносят не физический, а больше психологический ущерб. Даже если арест впоследствии и производится, только очень маленький процент случаев поддается уголовному преследованию.

Правоохранительная система должна быть организована и подготовлена таким образом, чтобы сотрудники в обязательном порядке проходили все необходимые специализированные тренинги. Кроме того, для работы с пострадавшими должны быть разработаны ведомственные протоколы, основанные на понимании специфики дел о домашнем насилии и отсутствии осуждения.

Хороший пример избегания вторичной виктимизации пострадавших имеется в Грузии. При МВД Грузии был создан специальный департамент для наблюдения за расследованием случаев насилия в семье и предоставления рекомендаций следователям в отношении надлежащего рассмотрения таких дел. Полиция, прокуроры и судьи проводят тренинги по предотвращению вторичной виктимизации и применению гендерной чувствительности. Закон прописывает, чтобы полиция на месте происшествия допрашивала агрессора и пострадавшего отдельно. Когда в полицию поступает сообщение о домашнем насилии, то один из полицейских, выезжающих на вызов, должен быть женщиной.

Учет «истории» домашнего насилия. Смежным аспектом правового реагирования на домашнее насилие остаются преступления в отношении агрессоров и даже убийства, совершенные женщинами, которые страдали от насилия. В тех странах, где были исследованы дела, в которых женщины обвинялись или были приговорены по насильственным преступлениям (убийство, причинение вреда здоровью), статистика показывает, что домашнее или сексуальное насилие в отношении этих женщин серьезно повлияло на совершенные ими преступления. Например, статистика ООН по Кыргызстану показала, что у 70 % женщин, обвиняемых в убийстве мужа или другого родственника, была история физического насилия или принужденной экономической зависимости².

«Синдром избитой женщины» и «реакция медленного сгорания» лучше изучены как психологические явления и феномены, сопровождающие ситуации домашнего насилия, но они не учитываются как смягчающие вину обстоятельства при вынесении судебных решений. Их можно учитывать только как процессуальную возможность, предусмотренную законодательством, и отмечать в экспертизе или заключении специалистов-психологов. В большинстве юрисдикций, не основанных на концепции судебного прецедента, нет процедуры, позволяющей суду или присяжным учесть историю насилия и рассмотреть ее как смягчающее обстоятельство.

¹ Самое опасное место...

² Там же.

Система комплексной помощи пострадавшим. Предоставление пострадавшим от домашнего насилия доступной экстренной квалифицированной бесплатной помощи, включающей медицинскую (например, для медицинского освидетельствования), юридическую и психологическую помощь, поможет повысить обращаемость потерпевших в специализированные учреждения за поддержкой. Благодаря этому повышаются их возможности сотрудничать с правоохранительными органами в рамках уголовного, административного и гражданского дела. Однако психологи, адвокаты и другие специалисты, работающие с потерпевшими, должны хорошо представлять динамику домашнего насилия и иметь чувствительность к проблеме. Без поддержки и сопровождения адвокатов большинство пострадавших просто не в состоянии эффективно участвовать в разбирательствах, в том числе по поводу предоставления им охранный ордера или изменения условий его действия. Предоставление таких видов помощи может осуществляться региональным и местным бюджетам субвенциями от государства и/или посредством финансирования некоммерческого сектора.

Система убежищ и единая бесплатная горячая линия для пострадавших. Убежища, кризисные центры, шелтеры являются эффективным средством в системе комплексной защиты от домашнего насилия. Когда пострадавшим некуда идти, нет возможности покинуть место проживания и не к кому обратиться за помощью, то значительно повышается риск для жизни и здоровья женщин и детей. Убежища должны быть легкодоступны, т.е. находиться в непосредственной близости к месту проживания потерпевших во всех населенных пунктах. Количество убежищ должно быть достаточным для предоставления безопасного размещения потерпевших, прежде всего одиноких женщин и женщин вместе с детьми. Исследования показывают, что женщины чаще приходят в убежище с детьми. Убежища должны принимать пострадавших круглосуточно и в будние и в выходные дни. Ограничения в доступе к убежищам (например, предоставление различных справок) могут повредить пострадавшим.

Ответственность правоохранительных структур. Эффективными, по мнению экспертов, считаются специальные законодательные нормы и процедуры, позволяющие привлекать сотрудников правоохранительных органов к ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязанностей при реагировании и/или расследовании дел, связанных с насилием в семье¹.

Меры реинтеграции осуществляются путем повышения экономической независимости и со-

хранения экономического потенциала потерпевших. Доказано, что, чем больше пострадавшие от домашнего насилия становятся способными содержать себя, тем выше вероятность, что они выйдут из насильственных отношений. Женщины с повышенной экономической зависимостью в отношениях сталкиваются с риском подвергнуться более серьезным формам насилия даже при применении таких эффективных мер, как охранный ордера

Поддержка может оказываться пострадавшим со стороны государства и/или некоммерческих организаций в виде предоставления социального жилья, секретного жилья, оплачиваемых рабочих дней для восстановления после насилия, льгот при найме на работу, льгот при определении детей в школьные и дошкольные учреждения и т. п. Например, в Португалии в трудовой кодекс внесены положения о реагировании бизнеса на случаи домашнего насилия — это предоставление отпуска на время восстановления здоровья, перевод потерпевшей на работу в филиалы в других населенных пунктах страны и т. п.

Комплексный межведомственный подход. Координационное общественное реагирование (далее — КОР)² является одной из самых эффективных мер предотвращения и защиты от домашнего насилия. КОР подразумевает взаимосвязанную сеть услуг и консультаций, которая способна всесторонне реагировать в случаях насилия, снижать и искоренять насилие в жизни пострадавших. Одна часть системы (например, юрист) помогает пострадавшим получить услуги от других частей системы — охранный ордер, медицинский осмотр, психологические консультации. Напротив, в некоординированной системе пострадавшие сами должны искать помощь, снижая свои шансы получить реальную поддержку.

Для практического действия КОР необходимы специальные инструкции, программы, меры и стратегии, позволяющие эффективно координировать действия учреждений как внутри одного сектора (различные органы системы социальной защиты), так и между разными секторами (полиция, здравоохранение, социальные службы, образование, НКО). Успешный опыт создания моделей КОР есть во многих странах, в том числе на разных уровнях власти — федеральной, региональной и местной.

В 2007 году Фонд народонаселения Организации Объединенных Наций опубликовал результаты успешного создания моделей КОР в 10 юрисдикциях на разных муниципальных уровнях. Изначально пострадавшие мало доверяли полиции, и полиция редко предпринимала меры даже после подачи обращения. Через год после запуска модели КОР в регионе действо-

¹ Самое опасное место...

² Там же.

вала единая система подачи жалоб, оценки и передачи заявки о случаях домашнего насилия в кризисный центр. Сотрудники НКО, медицинский персонал и полиция регулярно обсуждали подходы, направленные на повышение обращаемости. Полиция начала самостоятельно следить за исходом обращений.

Ограничения прав обидчика на контакты с детьми. В своем заявлении от 31 мая 2019 года эксперты по правам женщин Организации Объединенных Наций отметили, что игнорирование насилия со стороны интимного партнера в отношении женщин при определении опеки над детьми может привести к серьезным рискам для детей¹. Следовательно, интересы и безопасность ребенка должны иметь приоритет над правом родителя, применявшего насилие ко второму родителю ребенка, посещать ребенка и общаться с ним.

Дети — свидетели и потерпевшие от домашнего насилия — должны быть максимально защищены от его повторения. Суды должны учитывать степень риска для жизни, психического и физического здоровья детей. В противном случае контакт с обидчиком может привести к трагическим последствиям. Мировая практика показывает, что часто убийства женщин партнерами или бывшими партнерами происходят именно во время посещения ребенка. В связи с этим крайне важно принимать в расчет все риски повторения и эскалации насилия.

Штрафы. В исследуемых юрисдикциях штрафы могут налагаться на агрессора в результате административного или уголовного преследования как мера наказания за домашнее насилие. По оценке экспертов, штрафы лишают пострадавших возможности обратиться за помощью в правоохранительные структуры и может повысить риск подвергаться насилию в целях возмездия, подобно мере ареста без дальнейшего уголовного преследования. Обидчик должен будет понести денежное взыскание за содеянное в доход государства, но штраф, как правило, выплачивается из общего семейного бюджета или влияет на него, что препятствует пострадавшим обратиться за помощью. Штраф не решает проблемы безопасности пострадавших и изоляции от них агрессора, и поэтому не является эффективной мерой для защиты пострадавших. С точки зрения государственных ресурсов, которые расходуются на правоохранительную и судебную системы, задействованные в наложении штрафа, эта мера также не является эффективной.

Рекомендуемые меры, которые могли бы быть приняты к сведению в российском контексте, могут сводиться к следующему, но не ограничиваться этим:

¹ Самое опасное место...

Во-первых, необходимо принятие специального закона о домашнем насилии: 1) законодательство о домашнем насилии должно включать четкие определения видов насилия — физического, сексуального, психологического и экономического; 2) принятие специального закона должно сопровождаться криминализацией домашнего насилия, т.е. должно быть предусмотрено уголовное наказание, соразмерное тяжести совершенного преступления и обеспечивающее эффективную защиту прав и интересов потерпевших; 3) домашнее насилие должно относиться к категории дел публичного обвинения; 4) юридически домашнее насилие в законодательстве должно рассматриваться не как серия отдельных насильственных актов, а как процесс; 5) за принятием закона должны последовать соответствующие и целесообразные изменения в отраслевое законодательство, включая уголовное, уголовно-процессуальное, административное, семейное, гражданское, гражданско-процессуальное и пр.; 6) изменения и дополнения в отраслевое законодательство должны не только не противоречить друг другу, но их основной фокус должен быть нацелен на защиту прав пострадавших от насилия; 7) права потерпевших от насилия имеют приоритет над правами причинителя насилия. Они ни в коей мере должны быть меньше, чем права обидчика; 8) обеспечить эффективную защиту всех без исключения пострадавших от домашнего насилия, а не только в рамках семейных отношений; 9) механизм исполнения закона должен быть представлен соответствующими нормативно-правовыми и подзаконными актами министерств и ведомств, участвующих в процессе его реализации; 10) создать регулярно действующую рабочую группы для проведения мониторинга исполнения закона о домашнем насилии.

Во-вторых, принять меры гражданско-правовой защиты пострадавших: 1) Защита пострадавших от агрессоров должна обеспечиваться посредством защитных мер, таких как охранные ордера. 2) Необходимо гарантировать и обеспечить гибкие условия применения охранных ордеров в зависимости от ситуации насилия и условий безопасности потерпевших.

В-третьих, система комплексной помощи пострадавшим должна как минимум включать в себя следующие элементы: 1) обеспечить обязательный доступ всех пострадавших от домашнего насилия к программам бесплатной юридической, психологической, медицинской и социальной помощи; 2) обеспечить доступ потерпевших к государственным бесплатным убежищам и бесплатной горячей линии; 3) необходимы специальные четкие и необременительные процедуры

подачи жалоб потерпевшими на неэффективность работы правоохранительных органов и иных ответственных служб.

В-четвертых, защита прав детей — свидетелей и потерпевших от домашнего насилия: 1) обеспе-

чить соблюдение наилучших интересов ребенка и его безопасности путем ограничения контактов причинителя насилия с детьми; 2) разработать механизмы обращения за помощью детей, пострадавших от домашнего насилия.

Дата поступления: 20.11.2020

Дата принятия к опубликованию: 25.11.2020

Сведения об авторах

Денисович Вероника Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института права Челябинского государственного университета, адвокат Челябинской областной коллегии адвокатов «Академическая». *ltybctyejv1984@yandex.ru*

Гайдай Марина Сергеевна — адвокат Челябинской областной коллегии адвокатов «Академическая».

Библиографическое описание: Денисович, В. В. Меры по противодействию домашнему насилию: уголовно-правовой и виктимологический аспекты / В. В. Денисович, М. С. Гайдай // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 66—70.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 66—70.

Measures to combat domestic violence: criminal and victimological aspects

V. V. Denisovich

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

M. S. Gaidai

Chelyabinsk Regional Bar Association "Akademicheskaya", Chelyabinsk, Russia

In the modern world, the problem of ensuring intra-family security has gone far beyond the borders of an individual state. The fight against crime in the family sphere is becoming a promising strategy for the protection of human rights, uniting and uniting all state entities, even opposing countries. Research on family safety is a new, dynamic area that attracts the attention of both foreign and domestic specialists. Alarming symptoms of family cell deformation, changes in its functional orientation, the formation of androgynous family relationships, breaking the stereotypes of family structure that have been widespread for centuries, increase the interest of scientists and practitioners in different parts of the world community.

Keywords: *domestic violence, violence in family, prevention of violence.*

Односторонний отказ заказчика от договора подряда

Н. В. Чарыкова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье предпринята попытка классифицировать основания одностороннего отказа заказчика от договора подряда, а также правовой оценки последствиям такого отказа. Автор приходит к выводу о том, что одновременное применение норм ст. 717 ГК РФ и 729 ГК РФ не допустимы. Так, не смотря на немотивированный отказ заказчика от договора, он не обязан наряду с убытками в силу ст. 717 ГК РФ возмещать также затраты подрядчика на основании ст. 729 ГК РФ, так как это приводит к двойному и несправедливому обогащению подрядчика.

Ключевые слова: *договор подряда, односторонний отказ, основания одностороннего отказа, последствия отказа от договора, возмещение убытков при отказе от договора подряда.*

Прекращение договорных отношений между подрядчиком и заказчиком может происходить по разным основаниям. Это может быть соглашение сторон о расторжении договора, также возможен судебный порядок расторжения договора одной из сторон, но возможно и расторжение договора в одностороннем порядке, в результате отказа от исполнения договора одной из сторон. В рамках данной статьи автора интересует односторонний отказ от договора подряда со стороны заказчика.

Заказчик может отказаться от договора как без оснований, так и в случае его нарушения подрядчиком. Основное различие между расторжением договора по произвольной инициативе заказчика и ввиду нарушения со стороны подрядчика заключается в праве подрядчика на компенсацию убытков в первом случае и отсутствии у него такого права во втором.

Итак, отказ заказчика от договора подряда может быть мотивированный и немотивированный в силу закона.

Например, заказчик может немотивированно отказаться от договора без оснований, если в соответствии со ст. 717 ГК РФ: подрядчик еще не сдал результат работы или в договоре нет запрета на такой отказ.

Стоит обратить внимание на то, какое условие о расторжении сформулировано в договоре. Если предусмотрена только возможность расторгнуть его по соглашению сторон либо по решению суда, существует риск, что односторонний отказ будет признан недопустимым как непредусмотренный договором [1].

Что касается мотивированного отказа заказчика от договора подряда, то это возможно в следующих случаях, предусмотренных в законе:

- подрядчик нарушил конечный срок выполнения работы, а также иные установленные договором сроки (п. 3 ст. 708 ГК РФ) [2];
- существенно увеличилась приблизительная цена в связи с необходимостью выполнения дополнительных работ (п. 5 ст. 709 ГК РФ);
- подрядчик не приступает своевременно к исполнению договора или выполняет работу настолько медленно, что окончить ее в срок становится явно невозможным (п. 2 ст. 715 ГК РФ);
- подрядчик не устраняет в назначенный срок недостатки, когда становится очевидно, что работа не будет выполнена надлежащим образом (п. 3 ст. 715 ГК РФ);
- если отступления в работе от условий договора или иные недостатки результата работы в установленный разумный срок не были устранены либо являются существенными и неустранимыми (п. 3 ст. 723 ГК РФ).

Если договор связан с осуществлением обеими сторонами предпринимательской деятельности, возможно, что договором могут быть предусмотрены иные основания для отказа от исполнения, отличные от перечисленных в законе (п. 2 ст. 310 ГК РФ).

Как видно из текста данных норм, они являются довольно разноплановыми, т. е. регулируют

не одну и ту же ситуацию в разных аспектах, а рассматривают разные модели практических ситуаций. И лишь в некоторых из них речь прямо идет о нарушении, допущенном подрядчиком (качество и срок выполнения работ).

Стоит подчеркнуть, что вне зависимости от того, как заказчик отказывается от договора подряда, основное последствие данного факта — это его расторжение, в результате чего по общему правилу обязательства сторон прекращаются (п. 1, 2 ст. 450.1 ГК РФ).

Последствиями немотивированного отказа заказчика от договора подряда в соответствии со ст. 717 ГК РФ могут быть:

- обязанность заказчика оплатить подрядчику часть установленной цены пропорционально части работы, выполненной до того, как он получит уведомление об отказе. Для этого подрядчик должен документально подтвердить вам факт частичного выполнения работ, предусмотренных договором, их объем и стоимость (например, актом выполненных работ);
- обязанность заказчика возместить подрядчику убытки, причиненные прекращением договора подряда. При этом подрядчик должен доказать, что он их понес.

Последствиями мотивированного отказа заказчика от договора подряда могут быть:

- 1) требование возместить убытки, если отказ вызван такими нарушениями подрядчика, как:
  - нарушение конечного срока выполнения работы, а также иных договорных сроков (п. 3 ст. 708 ГК РФ);
  - медленное или несвоевременное исполнение договора (п. 2 ст. 715 ГК РФ);
  - невыполнение работы надлежащим образом (п. 3 ст. 715 ГК РФ);
  - неустранение недостатков результата работы в разумный срок или наличие существенных и неустранимых недостатков (п. 3 ст. 723 ГК РФ);
- 2) требование вернуть неосвоенный аванс [3],[4], проценты на него по ст. 395 ГК РФ [5] или неустойку [6], если заказчик отказался от договора из-за допущенной подрядчиком просрочки;
- 3) требование передать результат незавершенной работы с компенсацией затрат подрядчику, если заказчик отказывается от договора до приемки результата работы (ст. 729 ГК РФ)[7];
- 4) требование заказчика вернуть имущество, предоставленное подрядчику. Например, материалы, оборудование, переданное для переработки (обработки) вещи. Если это невозможно — возместить стоимость этого

имущества, когда отказ от договора вызван (ст. 728 ГК РФ):

- несвоевременным началом или медленным выполнением работ (п. 2 ст. 715 ГК РФ);
- неустранением в срок недостатков результата работы или их существенным и неустранимым характером (п. 3 ст. 723 ГК РФ).

Стоит отметить, что если заказчик отказывается от договора в связи с существенным превышением приблизительной цены работ, то подрядчик вправе потребовать уплаты цены за выполненную часть работы (п. 5 ст. 709 ГК РФ).

Таким образом, целесообразно предложить следующую классификацию наиболее типичных оснований для одностороннего расторжения заказчиком договора подряда: 1) расторжение ввиду отказа заказчика, поскольку у него пропал интерес в выполнении работ; 2) отказ заказчика от договора ввиду нарушений со стороны подрядчика; 3) отказ подрядчика ввиду нарушений со стороны заказчика (наиболее типично — неоплата в срок аванса или этапа выполненных работ); 4) прекращение договора по иным объективным обстоятельствам, например ввиду наступившего отменительного условия (ст. 157 ГК) или невозможности исполнения (ст. 419 ГК), причем последний случай распадается на два: невозможность, за которую никто из сторон не отвечает, и невозможность, относящаяся к сфере ответственности одной из сторон.

Следует считать правомерным, что при отказе заказчика от договора без каких-либо нарушений со стороны подрядчика применялась исключительно ст. 717 ГК РФ. Заказчик должен оплатить подрядчику частично стоимость работ (исходя из договорного масштаба стоимости) и компенсировать убытки. Поэтому данная ситуация выглядит наиболее простой. Применять в данном случае ст. 729 ГК РФ недопустимо ввиду того, что данная норма является более общей по отношению к ст. 717 ГК РФ.

Однако в случае, когда нарушения со стороны подрядчика привели к одностороннему отказу заказчика от договора применение ст. 717 ГК РФ видится нецелесообразным. Потерпевшее лицо не должно ни при каких обстоятельствах компенсировать убытки нарушителя [8,55]. Следовательно, именно подрядчик должен возместить убытки заказчика. Правовое обоснование данного вывода во многом зависит от вида нарушения, допущенного подрядчиком.

Если нарушение относится к качеству работ, то отказ подрядчика будет основан на п. 3 ст. 723 ГК РФ. Если нарушены сроки работ, то ситуация несколько сложнее. Если право заказчика на отказ от договора при таком нарушении

нии прямо не предусмотрено договором подряда, придется ссылаться на общие основания о расторжении договора (п. 2 ст. 450 ГК РФ) либо прибегнуть к расширительному толкованию п. 2 ст. 715 ГК РФ, в котором удивительным образом буквально рассматривается только ситуация предвидимого нарушения, т. е. когда еще до наступления срока работ становится понятно, что заказчик не успевает ее закончить своевременно.

Возникает вопрос в квалификации основания отказа заказчика от договора подряда, если срок выполнения работ наступил, а они не выполнены. Буквально такого основания нет. Но очевидно, на наш взгляд, что подрядчик — нарушитель договора не может извлекать никаких преимуществ из своего недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Поэтому если у заказчика было право отказаться от договора, допустим, за два дня до наступления срока работ (на основании п. 2 ст. 715 ГК РФ), то это право никуда не исчезает и в том случае, если срок сдачи работ наступил и они не сделаны, как и предвиделось раньше. Иначе недобросовестный подрядчик будет рад тому, что заранее заказчик не отказался от договора, подрядчику удалось «дотянуть» до даты сдачи работ и теперь заказчику придется обосновывать только существенное нарушение договора подрядчиком (п. 2 ст. 450 ГК РФ). Но это очевидно неприемлемый результат толкования нормы. Иными словами, п. 2 ст. 715 ГК РФ не может толковаться никак иначе, кроме как расширительно с выходом за пределы его буквального смысла, но в полном соответствии с целями указанной нормы.

Есть основания полагать, что заказчик в строительном подряде практически лишен возможности отказаться от принятия части вы-

полненных работ, если эти работы привели к переработке земельного участка в виде прикрепления к нему строительных материалов (например, залит фундамент). В таких случаях заказчик обязан на основании ст. 729 ГК РФ компенсировать подрядчику не стоимость работ (в ее составе затраты подрядчика и вознаграждение за его труд), но только подтвержденные затраты подрядчика (прежде всего на материалы, использованные им).

Необходимо подчеркнуть, что в ст. 729 ГК РФ речь идет только о праве заказчика. Следовательно, если он утратил интерес к возложенным на подрядчика работам (например, если речь шла о возведении павильона к какому-то мероприятию, подрядчик не успел выполнить работы и мероприятие уже прошло), он имеет полное право отказаться от принятия части работы, и тогда он может возложить на подрядчика обязанность забрать строительные материалы (в том числе демонтировать фундамент) со своего земельного участка. Если подрядчик уклонится от выполнения этой обязанности, заказчик может потребовать от него возмещения убытков, в том числе в виде расходов на привлечение третьих лиц к указанному демонтажу, вывозу и утилизации удаленных с земельного участка строительных материалов.

Таким образом, несмотря на то, что диспозиция ст. 729 ГК РФ сформулирована крайне общим образом, ко многим случаям расторжения договора она неприменима. Если заказчик возмещает подрядчику убытки на основании ст. 717 ГК РФ, то 729 ГК РФ не должна применяться исходя из ее систематического и целевого толкования, поскольку в противном случае подрядчик может получить двойное и несправедливое возмещение.

Список литературы

1. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 октября 2015 г. по делу № А56-57201/2014 (документ не опубликован) // КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=174749#08823360349929426> (дата обращения: 24.04.2020)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации : в 4 ч. Ч. 2 : Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 18 марта 2020) // Собрание законодательства Ратуatniki rimskogo prava: zakony 12 tablits. Institutsii Gaya. Digesty Yustiniana. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2018 г. № Ф09-2378/18 по делу № А50-28821/2017 (документ не опубликован) // КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=192470&dst=100002#05132162638505213> (дата обращения: 30.04.2020).
4. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10 апреля 2019 г. № Ф03-996/2019 по делу № А73-10117/2018 (документ не опубликован).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 марта 2018 г. по делу № 305-ЭС17-22712, А40-214588/2016 (документ не опубликован) // КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=108528#06395865729468413> (дата обращения: 03.05.2020).
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26 апреля 2019 г. № Ф06-46135/2019 по делу № А65-8687/2018 (документ не опубликован) // КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=POV&n=108528#06395865729468413>

consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=175915#037697116105970263 (дата обращения: 03.05.2020).

7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 сентября 2019 г. № Ф07-10234/2019 по делу № А56-120854/2018 (документ не опубликован) // КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=220770#09059980550503852> (дата обращения: 03.05.2020).

8. Егоров, А. В. Односторонний отказ заказчика от договора подряда: сосредоточение проблем практики / А. В. Егоров // Вестник гражданского права. — 2018. — № 3. — С. 53—102.

Дата поступления: 24.09.2020

Дата принятия к опубликованию: 30.09.2020

Сведения об авторе

Чарыкова Наталья Вячеславовна — кафедра гражданского права и процесса Института права Челябинского государственного университета. *e-mail*

Библиографическое описание: Чарыкова, Н. В. Односторонний отказ заказчика от договора подряда / Н. В. Чарыкова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 71—75.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 71—75.

Customer's unilateral refusal to contract

N. V. Charykova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. e-mail

The article attempts to classify the grounds for the unilateral refusal of the customer from the contract of contract, as well as a legal assessment of the consequences of such refusal. The author concludes that the simultaneous application of the norms of Art. 717 of the Civil Code of the Russian Federation and 729 of the Civil Code of the Russian Federation are not permissible. So, despite the unmotivated refusal of the customer from the contract, he is not obliged, along with losses due to Art. 717 of the Civil Code of the Russian Federation, to also reimburse the contractor's costs on the basis of Art. 729 of the Civil Code of the Russian Federation, as this leads to double and unfair enrichment of the contractor.

Keywords: *contract, unilateral refusal, grounds of unilateral refusal, consequences of refusal of contract, compensation of losses in case of refusal of contract.*

References

1. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 14 oktyabrya 2015 g. po delu [Resolution of the Arbitration Court of the North-West District of October 14, 2015 in case No. A56-57201 / 2014 (document not published)]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=174749#08823360349929426> (data obrashcheniya: 24.04.2020). (In Russ.).

2. Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii : v 4 ch. Ch. 2: Feder. zakon ot 26 yanv. 1996 g. № 14-FZ (v red. ot 18 marta 2020) [Civil Code of the Russian Federation: at 4 o'clock. Part 2: Feder. the law of January 26. 1996 No. 14-FZ (as amended on March 18, 2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii* [Collected Legislation of Russian Federation], 1996, no. 5, art. 410. (In Russ.).

3. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 26 iyunya 2018 g. № F09-2378/18 po delu № A50-28821/2017 (dokument ne opublikovan) [Ruling of the Arbitration Court of the Ural District dated June 26, 2018 No. F09-2378 / 18 in case No. A50-28821]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=192470&dst=100002#05132162638505213>, accessed 30.04.2020. (In Russ.).

4. *Ruling of the Arbitration Court of the Far Eastern District of April 10, 2019 No. F03-996 / 2019 in case No. A73-10117* [Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 10 aprelya 2019 g. № F03-996/2019 po delu № A73-10117/2018] (dokument ne opublikovan). (In Russ.).

5. Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda RF ot 20 marta 2018 g. po delu № 305-ES17-22712, A40-214588/2016 (dokument ne opublikovan) [Determination

of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 20, 2018 in case No. 305-ES17-22712, A40-214588 / 2016 (document not published)]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=108528#06395865729468413>, accessed 03.05.2020. (In Russ.).

6. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 26 aprelya 2019 g. № F06-46135/2019 po delu № A65-8687/2018 (dokument ne opublikovan)* [Ruling of the Arbitration Court of the Volga District of April 26, 2019 No. Ф06-46135 / 2019 in case No. A65-8687 / 2018 (document not published)]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=175915#037697116105970263>, accessed 03.05.2020. (In Russ.).

7. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 12 sentyabrya 2019 g. № F07-10234/2019 po delu № A56-120854/2018 (dokument ne opublikovan)* [Resolution of the Arbitration Court of the North-West District of September 12, 2019 No. F07-10234 / 2019 in case No. A56-120854 / 2018 (document not published)]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=220770#09059980550503852>, accessed 03.05.2020. (In Russ.).

8. Egorov A.V. Odnostoronniy otkaz zakazchika ot dogovora podryada: sosredotochenie problem praktiki [Unilateral refusal of the customer from the contract: concentration of practice problems]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of civil law], 2018, no. 3, pp. 53–102. (In Russ.).

Проблемы реализации права на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений в судебном порядке в уголовном судопроизводстве

О. О. Дрозденко, М. Г. Янин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассмотрены проблемы реализации права на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений в судебном порядке в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: процессуальные действия (бездействия), обжалование, уголовное судопроизводство.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ права и свободы человека являются высшей ценностью, а их охрана и защита — одна из главных задач государства. В целях осуществления данного предписания ч. 2 ст. 45 Конституции РФ предусмотрена возможность человека и гражданина защищать свои интересы всеми способами, не запрещенными законом. Таким из одних способов, согласно ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, является право на обжалование¹. Вообще институт обжалования выступает в качестве важного элемента правового государства. Т. е. само существование права на обжалование, способов и условий его осуществления является важным компонентом оценки развития права в государстве². Поэтому необходимо, чтобы право на обжалование нашло свое отражение не только в Конституции РФ, но и во всем законодательстве России. Например, институт обжалования, являясь одной из процессуальных гарантий человека и гражданина, нашел свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве РФ.

Действующий УПК РФ впервые закрепил право на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений в качестве принципа уголовного судопроизводства (ст. 19 УПК РФ)³. Закрепление права на обжалование как принципа в УПК РФ имеет большое значение для развития уголовного процесса в России, потому что именно принципы определяют структуру процесса, механизм процессуальной деятельности, процессуальную форму следственных

действий⁴. Так, право на обжалование, являясь составной частью системы принципов, наиболее тесно связано с такими принципами уголовного судопроизводства, как законность при производстве по уголовному делу, состязательность сторон⁵. Именно поэтому институт обжалования отражает идеи гуманизма, справедливости при осуществлении правосудия⁶. Целью института обжалования является предупреждение и исправление ошибок, допущенных в ходе уголовного судопроизводства, для достижения истины по конкретному уголовному делу.

Однако, несмотря на то что механизм обжалования процессуальных действий и решений нашел свое отражение еще в УПК РСФСР, он остается несовершенным. На недоработку института обжалования в УПК РФ указывают, например, то, что статьи гл. 16 УПК РФ неоднократно изменялись и до сих пор многие ученые-процессуалисты указывают на некачественную формулировку положений статей данной главы. Кроме того, в современном уголовном процессе стала актуальна проблема злоупотребления правом на обжалование. Согласно статистике Верховного Суда, в судах Российской Федерации в год рассматривается порядка 200 000 жалоб⁷. Н. А. Ко-

⁴ Янин М. Г. К вопросу о праве на обжалование в уголовном процессе в свете современного уголовно-процессуального законодательства // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 20 (349). С. 137.

⁵ Кадров В. А. Место принципа «Право на обжалование процессуальных действий и решений» в системе принципов уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2008. № 2. С. 120.

⁶ Янин М. Г. Проблемы правового регулирования института обжалования в уголовном процессе // Вестник ЧелГУ. 2015. № 17 (372). С. 177.

⁷ Пряничникова Д. В. Злоупотребление правом на обжалование // Актуальные вопросы уголовного судопроизводства. 2018. С. 105; Горак Н. В. Злоупотребление правом на обжалование прокурору действий (бездействия) и решений должностных лиц в досудебном производстве // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 229.

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Седелников О. Ю. Право на обжалование: благо или вред? // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 2. С. 164.

² Янин М. Г. Проблемы правового регулирования института обжалования в уголовном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). С. 177.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 2001. 22 дек.

локолов отмечает, что $\frac{2}{3}$ всех таких жалоб уже изначально не имеют перспективы на удовлетворение¹. Также судебной практике известны довольно странные случаи использования права на обжалование. Например, заместитель председателя Верховного Суда РФ В. А. Давыдов указал, что практике известен случай, когда одно лицо инициировало около 400 судебных процессов за один год².

Таким образом, право на обжалование — это эволюционирующий принцип действующего и будущего российского уголовно-процессуального права. Тем не менее до сих пор существует ряд препятствий, которые не позволяют применить данный институт в уголовном судопроизводстве в полной мере. Поэтому считаю необходимым проанализировать наиболее актуальные проблемы права на обжалование в уголовном судопроизводстве, а также рассмотреть возможные способы их устранения.

Первая проблема реализации права на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений в уголовном судопроизводстве связана с достаточно расплывчатой формулировкой законодателем в УПК РФ предмета обжалования. Так, например, конструкция ст. 125 УПК РФ не определяет четких критериев предмета судебного обжалования, предполагая обязанность суда рассмотреть абсолютно любую жалобу³. Это, в свою очередь, может привести к злоупотреблению правом на обжалование. Уже неоднократно в юридической литературе отмечалось, что отсутствие четких требований к предмету жалобы привело к появлению в судебной практике ситуаций связанных с подачей заведомо неосновательной жалобы, беспредметной жалобы⁴. Ученые-процессуалисты предлагают несколько способов устранения данной проблемы. Так, некоторые научные деятели предлагают указать исчерпывающий перечень действий и решений органов государственной власти и должностных лиц, подлежащих обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ, или, напротив, указать исключения, который не входят в предмет обжалования. Другие же предлагают ограничить круг подлежащих обжалованию процессуальных действий и решений необходимой стадий уголовного судопроизводства, которая будет являться наиболее эффективной для восстановления на-

рушенного права. Третьи считают, что перечень обжалуемых действий (бездействия) и решений необходимо оставить открытым, предоставив в каждом конкретном случае суду самостоятельно определять, причинен ли реально ущерб правам и свободам участникам уголовного судопроизводства⁵. Однако единогласно в юридической литературе отмечается, что законодателю точно необходимо в УПК РФ установить четкие требования к форме, содержанию жалобы. Например, определить необходимость наличия в жалобе ссылки на обжалуемое действие (бездействие), решение; указания на то, какое именно право нарушено; перечисление доводов, обосновывающих жалобу и т. д.⁶.

Следующая проблема связана с отсутствием временных пределов обжалования. В то же время в литературе отмечается, что все-таки сроки обжалования безграничны. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» подчеркивается, что пресекательным сроком на подачу жалобы на действия и решения лиц, осуществляющих уголовное преследование, является момент окончания предварительного расследования по уголовному делу. Однако из-за отсутствия прямого закрепления обжалования и рекомендательный характер Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» привели к появлению различного рода трудностей в судебной практике, связанных с несвоевременной подачей жалоб на действия (бездействие) и решения государственных органов и должностных лиц. Поэтому возникла необходимость непосредственного закрепления в УПК РФ пресекательного срока обжалования, как это было закреплено в УПК РСФСР⁷.

Д. В. Пряничникова критикует в своей научной работе адвокатов как участников уголовного процесса, которые чаще всего обжалуют решения должностных лиц⁸. Так, сторона защиты всегда подает большое количество жалоб (75 %) ⁹. Данные научные деятели подчеркивают, что анализ характер жалоб, которые подают адвокаты,

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Желева О. В., Ткач А. С. Системные и несистемные злоупотребления субъективными правами: понятие, способы предупреждения и пресечения // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 78.

⁷ Желева О. В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование...

⁸ Пряничникова Д. В. Злоупотребление правом на обжалование... С. 107.

⁹ Янин М. Г. Проблемы правового регулирования института обжалования в уголовном процессе... С. 179.

¹ Пряничникова Д. В. Злоупотребление правом на обжалование... С. 107.

Там же. С. 105.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации...

⁴ Желева О. В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 169.

дает основание предполагать, что данные юристы чаще других участников уголовного судопроизводства злоупотребляют правом на обжалование¹. Это, в свою очередь, не говорит о том, что адвокаты некомпетентны, неэтичны, а о том, что законодатель не уделил должного внимания данной фигуре уголовного процесса. Поэтому необходима дальнейшая, более детальная регламентация уголовно-процессуального статуса адвоката; закрепление его обязанностей в УПК РФ; расширение различных гарантий². Таким образом, адвокату не придется избирать путь внепроцессуального способа воздействия на органы государственной власти, должностных лиц, пытаясь хоть как-то защитить интересы подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

О. Ю. Седельников отмечает, что право на защиту должно быть законным, поэтому недостаточно простого закрепления права на обжалование в УПК РФ, а необходимо также непосредственно установить запрет на злоупотребление правом на обжалование³. Авторами отмечается, что действия недобросовестных участников уголовного процесса с целью поставить под сомнение компетентность государственных органов, должностных лиц; с целью затянуть срок производства по делу; в целях противодействия нормальному ходу расследования умаляют право

на обжалование действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц, заставляют некоторых практиков, научных деятелей усомниться в необходимости регламентации данного права в уголовно-процессуальном законодательстве. Поэтому учеными-процессуалистами выдвигаются идеи закрепления в ст. 5 УПК РФ дефиниции «Злоупотребление правом — действие (бездействие) субъекта уголовного судопроизводства, не выходящее за пределы его правового статуса, однако нарушающие права, свободы и законные интересы других участников уголовного судопроизводства, а также препятствующие разбирательству дела и решению задач правосудия в разумные сроки, защите прав и свобод других участников уголовного судопроизводства». Также авторы предлагают ввести в УПК РФ ст. 7.1 «Недопустимость злоупотребления правом», а также определить меры ответственности за нарушение порядка обжалования лицами, злоупотребляющими правом на обжалование⁴.

Таким образом, право на обжалование действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц является одним из основополагающих прав человека и гражданина. Однако до сих пор существует ряд проблем, которые не разрешены уголовно-процессуальным законодательством и которые не позволяют до конца раскрыть весь потенциал данного права в уголовном судопроизводстве.

⁴ Желева О. В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование... С. 171; Алферова Е. В. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право. 2015. № 2. С. 158.

¹ Пряничникова Д. В. Злоупотребление правом на обжалования... С. 107.

² Баев М. О. Уголовно-процессуальные обязанности, запреты и ограничения как структурообразующий фактор предупреждения злоупотребления правом адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 110.

³ Седельников О. Ю. Право на обжалование: благо или вред? // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 2. С. 165.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. — 2001. — 22 дек.
3. Алферова, Е. В. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам / Е. В. Алферова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право. — 2015. — №2. — С. 157–160.
4. Баев, М. О. Уголовно-процессуальные обязанности, запреты и ограничения как структурообразующий фактор предупреждения злоупотребления правом адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве / М. О. Баев // Судебная власть и уголовный процесс. — 2014. — № 3. — С. 107–116.
5. Горак, Н. В. Злоупотребление правом на обжалование прокурору действий (бездействия) и решений должностных лиц в досудебном производстве / Н. В. Горак // Общество и право. — 2015. — № 4 (54). — С. 227–230.

6. Желева, О. В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование / О. В. Желева // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 405. — С. 168–172.

7. Желева, О. В. Системные и несистемные злоупотребления субъективными правами: понятие, способы предупреждения и пресечения / О. В. Желева, А. С. Ткач // Уголовная юстиция. — 2018. — № 12. — С. 77–81.

8. Кадров, В. А. Место принципа «Право на обжалование процессуальных действий и решений» в системе принципов уголовного судопроизводства / В. А. Кадров // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2008. — № 2. — С. 114–122.

9. Пряничникова, Д. В. Злоупотребление правом на обжалование / Д. В. Пряничникова // Актуальные вопросы уголовного судопроизводства. — 2018. — С. 104–110.

10. Седелников, О. Ю. Право на обжалование: благо или вред? / О. Ю. Седелников // Проблемы экономики и юридической практики. — 2008. — № 2. — С. 164–166.

11. Янин, М. Г. К вопросу о праве на обжалование в уголовном процессе в свете современного уголовно-процессуального законодательства / М. Г. Янин // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 20 (349). — С. 137–139.

12. Янин, М. Г. Проблемы правового регулирования института обжалования в уголовном процессе / М. Г. Янин // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 17 (372). — С. 177–181.

Дата поступления: 20.06.2020

Дата принятия к опубликованию: 25.06.2020

Сведения об авторе

Дрозденко О. О. — студентка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. *ugp@csu.ru*

Янин Михаил Геннадьевич — старший преподаватель кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета, председатель ЧОКА «Академическая», Челябинск, Россия. *krim@csu.ru*

Библиографическое описание: Дрозденко, О. О. Проблемы реализации права на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений в судебном порядке в уголовном судопроизводстве / О. О. Дрозденко, М. Г. Янин // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, вып. 3. — С. 76–80.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, iss. 3. Pp. 76–80.

Problems with the exercise of the right to appeal procedural actions (inaction) and decisions in court in criminal proceedings

O.O. Drozdenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ugp@csu.ru

M.G. Yanin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. krim@csu.ru

The article deals with the problems of realization of the right to appeal against procedural actions (inaction) and decisions in court in criminal proceedings.

Keywords: *procedural actions (inaction), appeal, criminal proceedings.*

References

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [The Constitution of the Russian Federation]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 1993, 25 Dec. (In Russ.).

2. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii [Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2001, 22 Dec. (In Russ.).
3. Alferova E.V. Zloupotreblenie pravom v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam [Abuse of law in pre-trial proceedings on criminal cases]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Gosudarstvo i pravo* [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. State and law], 2015, no. 2, pp. 157–160. (In Russ.).
4. Baev M.O. Ugolovno-protsessual'nye obyazannosti, zaprety i ogranicheniya kak strukturoobrazuyushchii faktor preduprezhdeniya zloupotrebleniya pravom advokatom-zashchitnikom v ugovolnom sudoproizvodstve [Criminal procedural duties, prohibitions and restrictions as a structure-forming factor in the prevention of abuse of the right by a lawyer-defender in criminal proceedings]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess* [Judicial power and criminal procedure], 2014, no. 3, pp. 107–116. (In Russ.).
5. Gorak N.V. Zloupotreblenie pravom na obzhalovanie prokuroru deistvii (bezdeistviya) i reshenii dolzhnostnykh lits v dosudebnom proizvodstve [Abuse of the right to appeal to the prosecutor of actions (inaction) and decisions of officials in pre-trial proceedings]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2015, no. 4 (54), pp. 227–230. (In Russ.).
6. Zheleva O.V. Zloupotreblenie pravom na obzhalovanie v sud deistvii (bezdeistviya) i reshenii gosudarstvennykh organov i dolzhnostnykh lits, osushchestvlyayushchikh ugovolnoe presledovanie [Abuse of the right to appeal against actions (inaction) and decisions of state bodies and officials carrying out criminal prosecution]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2016, no. 405, pp. 168–172. (In Russ.).
7. Zheleva O.V., Tkach A.S. Sistemnye i nesistemnye zloupotrebleniya sub'ektivnymi pravami: ponyatie, sposoby preduprezhdeniya i presecheniya [Systemic and non-systemic abuse of subjective rights: concept, methods of prevention and suppression]. *Ugovolnaya yustitsiya* [Criminal Justice], 2018, no.12, pp. 77–81. (In Russ.).
8. Kadrov V.A. Mesto printsipa «Pravo na obzhalovanie protsessual'nykh deistvii i reshenii» v sisteme printsipov ugovolnogo sudoproizvodstva [Place of the principle «The right to appeal procedural actions and decisions» in the system of principles of criminal proceedings]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»* [Bulletin of the Udmurt University. Series «Economics and Law»], 2008, no. 2, pp. 114–122. (In Russ.).
9. Pryanichnikova D.V. Zloupotreblenie pravom na obzhalovanie [Abuse of the right to appeal]. Aktual'nye voprosy ugovolnogo sudoproizvodstva [Actual issues of criminal proceedings], 2018, pp. 104–110. (In Russ.).
10. Sedel'nikov O.Yu. Pravo na obzhalovanie: blago ili vred? [Right to appeal: benefit or harm?]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 2008, no. 2, pp. 164–166. (In Russ.).
11. Yanin M.G. K voprosu o prave na obzhalovanie v ugovolnom protsesse v svete sovremennogo ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [On the issue of the right to appeal in criminal proceedings in the light of modern criminal procedure legislation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2014, no. 20 (349), pp. 137–139. (In Russ.).
12. Yanin M.G. Problemy pravovogo regulirovaniya instituta obzhalovaniya v ugovolnom protsesse [Problems of legal regulation of the institution of appeal in criminal proceedings]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2015, no. 17 (372), pp. 177–181. (In Russ.).